

№ 6
2010

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА 

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **Ю. Д. ПОМИНОВ**
(г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ**
(г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА**
(г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ**
(г. Петропавловск).

В номере:

Публицистика

К. Токаев. Он делает Историю. *Две главы из новой книги* 3

Поэзия

М. Уали. Тюркские мотивы. *Стихи* 13

Т. Нечаева. «В конце пути мы постигаем Бога...». *Стихи* 44

Поэтическая мозаика. В гостях у «Нивы» — литобъединение
«Заречье» Костанайской области. *Стихи* Н. Ковтуна, А. Удовицкого,
С. Ончи, Е. Дубогрей, Л. Голубевой, М. Петровой, Н. Филин 57

Проза

М. Розен. Боящиеся темноты. *Повесть* 16

А. Сергеев. День отца. *Рассказ* 53

© «Нива», 2010, Астана

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.

Записки редактора. Книга вторая (окончание) 67

К 65-летию Великой Победы

Л. Феофанова. «Целилась в сердце война...». *Стихи* 91

С. Жагипаров. Честь служить Отечеству 95

Наследие

Сергей Марков и Роберт Граббе (Дружба в письмах).

Публикация Н. Ивановой и Ю. Попова 100

Критика и литературоведение

О. Григорьева. «Самый даровитый поэт...» 129

А. Курилович. О поэте Павле Васильеве 131

Искусство

Н. Курпякова. Путевые заметки 137

В семейном кругу

В. Туляков. Последний бой Родиона Рощина; Лыжня;

Своя орбита; Храбрый Олег; Лёнькины вопросы;

Подарок Виктора Тростникова. *Рассказы* 139

Краеведение

А. Захаренко. Здоровье, медицина и история 153

Приключения. Детектив. Фантастика

А. Пройдаков. Под чужим взглядом. *Повесть* 155

Изоальбом «Нивы»: из работ Ясенки Тукан-Вайан.



Недавно в издательстве “Фолиант” вышла в свет новая книга известного казахстанского политика и дипломата, председателя Сената Парламента РК Касым-Жомарта Токаева “Он делает Историю”. Это сборник опубликованных в Казахстане и за рубежом историко-публицистических статей и очерков, посвящённых Президенту Нурсултану Назарбаеву и раскрывающих выдающуюся роль основателя современного Казахстана в становлении и укреплении независимого государства.

Главное внимание автор уделит его активной деятельности, направленной на создание успешного, конкурентоспособного и процветающего Казахстана. В книге раскрываются различные стороны незаурядной личности Н. Назарбаева как на-

ционального лидера, содержатся интереснейшие наблюдения и не известные ранее исторические факты.

С любезного согласия автора предлагаем вниманию читателей “Нивы” две главы из книги, приуроченной к 70-летию Нурсултана Абишевича Назарбаева.

Касым-Жомарт ТОКАЕВ

Он делает Историю

Нурсултан Абишевич создал независимое государство с нуля. Такую задачу мог выполнить только незаурядный человек. Когда всё сделано, кажется, что легко. А когда всё начинается и доводится до такого уровня развития, как сегодня — это грандиозная задача, с которой Нурсултан Абишевич справляется блестяще.

Владимир Путин

На скрижалях новейшей истории

*Я всё занесу на скрижали,
Железную точность храня...*

Е. Винокуров

Чтобы стать великим государственным деятелем, нужно чувствовать поступь Истории. Известно, что исторический процесс — это не прямая столбовая дорога, он извилист и зигзагообразен. Порой на тернистом пути исторического развития встречаются резкие повороты и препятствия, без преодоления которых дальнейшее продвижение вперёд невозможно.

Именно в такие моменты появляются лидеры, способные превозмочь трудности, преодолеть все преграды и расчистить дорогу для социального прогресса и обновления. Иными словами, выдающиеся личности порождает сама История. Но и сами лидеры творят Историю.

Одних исторических факторов, чтобы стать великой личностью, конечно, недостаточно. Личность должна быть неординарной, обладать выдающимися качествами, необходимыми для выполнения сложнейших и ответственных задач, стоящих перед страной и всем миром. Такой человек должен быть решительным и смелым, твёрдым и принципиальным, справедливым и отважным.



Таков Нурсултан Назарбаев — одна из крупнейших фигур в новейшей истории. Волею судьбы ему было предназначено стать во главе нашей страны в самый нелёгкий для неё период. Именно он нашёл в себе силы, мужество и решимость принять на себя ответственность за судьбы казахстанцев, стать основателем современного казахского государства — Республики Казахстан.

О выдающихся личностях судят по их делам и поступкам. Важнейший критерий, характеризующий человека как великую личность, — это то, насколько его деятельность способствовала социальному прогрессу и решению задач, которые поставило Время.

История свидетельствует: страны успешно развиваются, если общество объединено и движимо национальной идеей. В то же время необходимым условием появления объединительной идеологии является наличие общенационального лидера. Поэтому не случайно, что творцом и генератором национальной идеи Казахстана стал президент Нурсултан Назарбаев. Это идея независимости, идея конкурентоспособности, идея модернизации.

Главная особенность “проекта Назарбаева” — точный анализ и оценка всех компонентов идеи независимости и суверенитета. В её основе — долгосрочная стабильность всего общества, рыночная экономика, социальная справедливость и верховенство закона.

Теперь весь мир говорит о “феномене Назарбаева”, возникшем на стыке двух частей света — Европы и Азии, двух цивилизаций — восточной и западной, двух политических систем — тоталитаризма и демократии. Его имя упоминают в одном ряду с такими известными преобразователями эпохи, как Мустафа Кемаль Ататюрк, Шарль де Голль, Дэн Сяопин, Ли Куан Ю.

И это не случайно. Ведь именно президент Казахстана сумел синтезировать в своей политике как европейский реформизм, прагматизм и приверженность демократической процедуре, так и азиатский традиционализм, основанный на тесной связи с основами общества.

Вместе с тем, сколь бы ни лестны были упомянутые сравнения Н. Назарбаева с выдающимися государственными деятелями, президент Казахстана — особая историческая личность, сумевшая проявить себя на изломе Истории после крушения огромной советской империи.

Здесь представляется уместным привести слова одного из наиболее видных политиков современности Е. Примакова, так характеризующего лидера Казахстана: “Как стратегически мыслящий государственный деятель, президент Назарбаев осознаёт, что успех экономических преобразований в стране в решающей мере зависит от правильно выработанного и всесторонне взвешенного политического курса”.

Цель этой книги — пролить свет на некоторые неизвестные, оставшиеся “за кадром” аспекты кипучей деятельности президента Нурсултана Назарбаева, показать его выдающуюся роль в возрождении казахской государственности и титанический труд во имя созидания успешного Казахстана.

Нурсултан Абишевич Назарбаев родился в простой трудовой казахской семье, учился в сельской школе, получил рабочую специальность, стал металлургом. В молодости, сперва в комсомоле, а затем в партийных органах, постиг азы политической и организационной работы. Незаурядные способности, высокий профессионализм, знание жизни трудящихся



и удивительная работоспособность вознесли молодого руководителя на самую вершину управленческого Олимпа. В июне 1989 года он стал первым секретарём ЦК Компартии Казахстана, а в апреле 1990 года Верховный Совет избрал его первым Президентом Республики Казахстан. Таким образом, к началу 90-х годов прошлого века Нурсултан Назарбаев был известным политиком всесоюзного масштаба, занимавшим первое место в рейтинге популярных лидеров СССР.

Он видел, как разваливается Советский Союз, но, трезво оценивая интеллектуальные и политические возможности тогдашних руководителей СССР, не позволил втянуть себя в интриги, способные привести к хаосу и кровопролитию в новых государственных образованиях, возникших на развалинах некогда могущественной страны. Время показало, насколько прозорливым оказался Н. Назарбаев, когда в той сложнейшей ситуации выступил сторонником интеграции и стал, по сути, инициатором создания СНГ. Он принял единственно правильное решение, благодаря чему удалось избежать конфронтации между республиками бывшего Союза, уйти от кровопролития по так называемому «югославскому» сценарию.

С обретением независимости перед Казахстаном встал непростой вопрос определения собственного места на геополитической карте планеты. Сам президент так вспоминает об этом: «... мы должны были определить свою геополитическую стратегию в мире. Кем станет Казахстан — мостом из Европы в Азию? Или же осью «север-юг»? Или очередным «азиатским тигром?».

Чтобы понять исторический масштаб и величие проведённых главой государства преобразований, достаточно мысленно вернуться в Казахстан, находившийся на заре своей независимости. В наследство от советского прошлого страна получила пребывавшую в застое и разрухе экономику, остановившиеся предприятия, разрушенное сельское хозяйство и обнищавшее население. Всё это провоцировало социальное напряжение, грозило перерасти в политическую дестабилизацию.

Тогда многие политики и эксперты не верили в будущее нашей страны, утверждая, что под тяжким грузом экономических, демографических и межэтнических проблем Казахстан, не имевший юридически оформленных границ с Китаем, Россией и государствами Центральной Азии, ещё долгое время не сможет достичь подлинной независимости.

Но подвижнический труд президента, его дальновидная политика и сильное лидерство опровергли все скептические прогнозы.

Абсолютно уверен в том, что ни одна реформа не оказалась бы успешной, если бы во главе страны не стоял президент Нурсултан Назарбаев. Именно он взял на себя нелёгкое бремя генератора и гаранта всех преобразований — как в политике, так и в экономике.

Под руководством Н. Назарбаева в Казахстане было осуществлено кардинальное реформирование всех сфер государства, произошла смена курса от плановой экономики к рыночной. В стране без прочных традиций демократии и правопорядка переход от жёстко централизованной командной системы к свободному рынку мог оказаться сложным,



болезненным и продолжительным. Президент рисковал, но решающую роль сыграла его политическая воля.

Генеральный секретарь НАТО Дж. Робертсон впоследствии скажет по этому поводу: “Мы понимаем, как непросто было Президенту Назарбаеву порывать с прошлым и продолжать истинные реформы внутри страны, адаптироваться в быстро меняющейся международной обстановке”.

Уже тогда было понятно, что права и свободы граждан, особенно в сфере частной собственности и гражданской инициативы, могут быть обеспечены только в условиях рыночной экономики и сильными государственными институтами.

В этот труднейший период президенту пришлось одновременно решать порой диаметрально противоположные проблемы — от обеспечения жизнедеятельности оказавшихся без света и тепла городов и сельских населённых пунктов, элементарной борьбы за выживание до разработки стратегических планов развития государства.

На первом этапе президентом был избран курс на экономическую либерализацию в сочетании с жёсткой системой власти. Н. Назарбаев понимал: чтобы энергично и с минимальными потерями провести планируемые преобразования, нужна сильная исполнительная власть и личная, именно его личная ответственность перед народом и Историей.

В те годы были проведены самые трудные реформы. В несколько этапов состоялась приватизация. В результате начала оживать промышленность, была осуществлена финансовая и макроэкономическая стабилизация, созданы бюджетная и налоговая системы, обуздана беспрецедентная инфляция, обеспечен минимально достаточный уровень жизни населения.

Огромная историческая заслуга президента Н. Назарбаева заключается в том, что под его руководством была введена национальная валюта, создана самостоятельная финансово-экономическая система, утвердилась единая вертикаль исполнительных органов власти, образованы Вооружённые Силы и другие силовые структуры, укреплена национальная безопасность государства. Наконец, в стране была создана многопартийная система, заложены основы гражданского общества, обеспечена свобода прессы. Казахстан выбрал путь цивилизованного развития.

Достигнутые результаты создали предпосылки для выхода на новый уровень государственного планирования, позволили переключиться на решение задач стратегического характера. Тогда и появилась Стратегия развития страны до 2030 года, разработанная под непосредственным руководством президента Н. Назарбаева.

Данный документ — это концентрация имеющихся ресурсов на предельно чётко обозначенных направлениях развития страны. Сегодня мы можем без преувеличения утверждать, что Стратегия стала главным путеводителем на сложных перекрёстках глобального развития.

Заметные успехи были достигнуты и в сфере внешней политики. Встав на позиции здорового прагматизма, разумного баланса интересов ведущих государств, отказа от конфронтационных подходов, Казахстан сумел дипломатическими средствами обеспечить собственную национальную безопасность.

Показательно, что экс-президент Франции, видный политик Жак Ширак так оценивает работу Н. Назарбаева: “... Хотел бы сказать, что Франция оценивает происшедшие с 1991 года изменения как важные и решающие.



В неопределённых и сложных условиях Ваша страна вступила на необратимый путь строительства государства, которое, наряду с верностью своим национальным ценностям и долгой истории, заявляет о своей приверженности общечеловеческим принципам демократии и права.

В течение 15 лет Казахстан стал страной, имеющей стабильные институты и динамичную экономику. Он также стал членом мирового сообщества, осознающим ответственность на региональном и международном уровнях, что демонстрируют Ваши многочисленные инициативы, в том числе по созыву СВМДА, по развитию диалога между религиями и культурами, в отношении которых Франция всегда проявляет свою солидарность.

Казахстан прошёл значительный путь, которым он может по праву гордиться. Вы мудро поступаете, говоря, что это был всего лишь этап. Я рад Вашей твёрдой приверженности продолжению реформ, которые Вы полагаете необходимыми для закрепления Вашей страны в современности и обеспечения её высоких намерений на международной арене”.

Важнейшим для политической и экономической жизни страны этапом стала передислокация столицы в новый административный центр, город Астану. Данное решение президента Н. Назарбаева заметно улучшило геополитические позиции страны, укрепило её безопасность, дало мощный импульс развитию основных отраслей экономики и подтвердило курс президента на создание стабильного полиэтнического государства. Это был настоящий подвиг, заметно повысивший международную репутацию Казахстана и укрепивший его геополитические интересы.

По прошествии времени мы можем уверенно сказать, что Астана стала не только главным городом Казахстана, объединяющим наш народ. Это гордость страны, символ экономических, политических и социальных успехов политики президента Н. Назарбаева.

Общеизвестно, что для того, чтобы сохранить стабильность в государстве, его лидеру необходимо обладать высочайшим политическим мастерством. Избранный президентом эволюционный путь развития позволил не только упрочить внутривнутриполитическую стабильность, но создать казахстанскую модель межэтнического согласия. Казахский опыт стал предметом изучения в ряде ведущих исследовательских центров за рубежом. Исследованию “модели Назарбаева” посвятил одну из своих специальных конференций Гарвардский университет. Американские учёные и эксперты отметили полезное значение казахстанской политики по обеспечению межнационального и межрелигиозного согласия внутри страны, а также продвижения идей толерантности и диалога на международном уровне. Высокую оценку получила практика проведения в Астане Съездов руководителей традиционных и мировых религий.

Экономические реформы и созданная “подушка безопасности” позволили Казахстану достойно выйти из мирового кризиса и даже обеспечить экономический подъём в стране.





Бывший министр экономического развития и торговли России Г. Греф признался: “По ряду направлений в реформировании экономики казахстанские коллеги идут впереди нас. Мы собираемся учитывать опыт Казахстана во всех сферах”.

Говоря о возросшей популярности Казахстана в мире, следует отметить неординарное решение президента о закрытии Семипалатинского полигона. Н. Назарбаев занял твёрдую и последовательную позицию по вопросу нераспространения оружия массового уничтожения. “Казахстан сделал выдающийся и уникальный вклад в дело ядерного нераспространения, ставший существенным фактором укрепления международной безопасности. Достижения Казахстана и тот факт, что президент Нурсултан Назарбаев на деле реализовал данные им на заре независимости обещания, свидетельствуют о том, что казахстанский лидер является человеком слова”, — подчеркнул конгрессмен Джон Барроу на встрече с делегацией казахстанского парламента в Вашингтоне. По мнению же Дж. Буша, Казахстан — самый надёжный партнёр США в области нераспространения.

Последовательный курс президента на укрепление глобальной и региональной безопасности, его интеграционные инициативы успешно реализуются в рамках ЕврАзЭС, Таможенного союза, Совещания по выработке мер доверия в Азии, Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества и других.

Нет сомнений, что новым важным шагом на пути интеграции нашей страны в мировую экономику станет предстоящее вступление Казахстана во Всемирную торговую организацию.

Событием исторического масштаба, подтвердившим высокий международный авторитет и статус президента Н. Назарбаева как выдающегося политика мирового масштаба, является председательство Казахстана в ОБСЕ. С именем главы казахстанского государства теперь в мире связывают такие исключительно важные процессы, как ядерное разоружение, экономическая интеграция, меры доверия и безопасность, толерантность и межконфессиональный диалог.

Казахстан вступил в посткризисный период социально-экономических и политических преобразований. Страна входит в будущее, имея за своей спиной богатый опыт реформ. Осуществлённая под личным контролем президента эффективная антикризисная программа позволила перейти к стратегии модернизации на основе индустриально-инновационного развития, обеспечения научно-технического прогресса. На достижение этой цели направлена Стратегия Казахстана до 2020 года.

Даже в объёмной и содержательной статье невозможно в полной мере раскрыть образ политического деятеля такого масштаба, каким является Нурсултан Назарбаев. Тем не менее, убеждён, что казахстанская и зарубежная общественность должна знать, какие усилия предпринимались президентом, чтобы за столь короткий отрезок времени наша страна проделала путь, который, по образному выражению её основателя, равен столетию.

Надеюсь, решению этой задачи будет способствовать эта книга. В неё включены опубликованные в периодической печати статьи и очерки, а также фрагменты книг.



Астана — триумф президента

“Казахстанская правда”, 3 июля 2008 г.

“... у каждого лидера должна быть определённая высота, которую нужно покорить, мечта — сделать что-то значительное. И нужно ставить на карту свой авторитет, своё будущее, ради осуществления этой цели. Так было с идеей строительства нового независимого государства и его новой столицы”.

Нурсултан НАЗАРБАЕВ, “Казахстанский путь”

Десять лет отделяют нас от события, которое без преувеличения следует назвать эпохальным. Президент Нурсултан Назарбаев воплотил в жизнь “освящённое” парламентом историческое решение о переносе столицы нашего государства.

Историческим это событие является потому, что в летописи новейшей истории не так уж много аналогичных примеров: стран, решившихся на столь смелый шаг и добившихся успеха на этом тернистом пути, — считанные единицы.

Казахстан в этом ряду государств занимает особое место. Важно помнить, что решение о строительстве новой столицы президент Н. Назарбаев объявил в самый драматичный момент становления молодого государства. В то время страна находилась на перекрёстке старого и нового путей развития, в сложнейших социально-экономических и внешнеполитических условиях прокладывала дорогу к цивилизованному рынку и просвещённой демократии. Именно президенту Н. Назарбаеву пришлось принять на себя ответственность не только инициатора, но и руководителя этого амбициозного проекта, в успешность которого верили даже не все его соратники. Но настоящий лидер тем и отличается от рядовых исполнителей, что обладает несгибаемой волей и широким видением стратегических интересов и перспектив собственной страны.

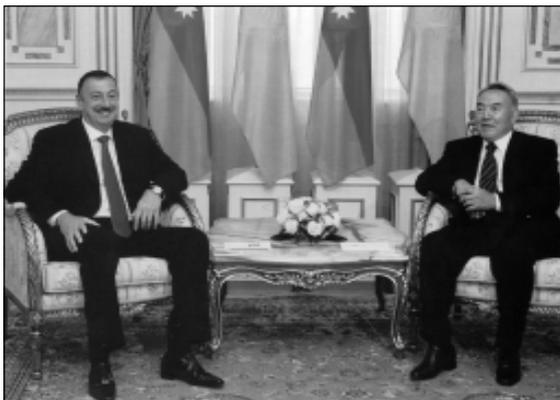
“Решительности Н. Назарбаеву не занимать, — сказал в интервью российским СМИ по этому поводу спикер Совета Федерации Федерального Собрания РФ Сергей Миронов. — Достаточно вспомнить факт переноса столицы республики в Астану. Он точно оценивает реальность намеченных действий и эффективность перемен”.

Спустя годы граждане Казахстана и всё международное сообщество аплодируют Нурсултану Абишевичу Назарбаеву, на деле проявившему все лучшие качества, присущие подлинно государственному деятелю. Благодаря ему Астана и будущее нашей государственности стали своеобразными синонимами. В короткий срок набравшая “демографический вес” и геополитическое значение Астана обрела признание как столица





динамично развивающегося казахского государства. Этот город, по существу — воплощённая национальная идея, своеобразная “визитная карточка” или, как сейчас принято говорить, “бренд” Казахстана. Имя столицы ассоциируется с уникальными объектами, в числе которых настоящие шедевры современного зодчества — Дворец мира и согласия и Байтерек. Уместно напомнить, что идея их сооружения принадлежит главе государства. Он взял на себя нелёгкую роль непосредственного куратора всех основных строек, вдохновляя организаторов, строителей и предпринимателей своим неисчерпаемым энтузиазмом и трудолюбием, мощной волей и завидной креативностью.



Интересно мнение лидера Азербайджана Ильхама Алиева: “Я увидел новую столицу. И был очень впечатлён темпами строительства, той красотой, которая создаётся. В этом огромная заслуга президента Нурсултана Назарбаева, который, мобилизовав усилия всего казахского народа, создал по существу новый город, новую столицу”.

Астана — это успешный инновационный проект, кото-

рый привёл нашу страну в сообщество наиболее цивилизованных и развитых государств мира. Сегодня на всей планете признают Казахстан как авторитетное государство, его уважают, с ним считаются. Лидерство президента Н. Назарбаева — это объективная реальность, воспринимаемая именно таким образом и гражданами Казахстана, и руководителями ведущих государств мирового сообщества.

За Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым твёрдо закрепилась репутация сильного, авторитетного и влиятельного лидера, уверенно ведущего свою страну по пути прогресса. Нашего президента считают выдающимся реформатором, проводя параллели с всемирно известными в мировой политике личностями. На мой взгляд, все эти эпитеты и сравнения оправданы и заслужены. Они зиждятся на объективном анализе его огромного труда, в основе которого — креативность, целеустремлённость и самостоятельность.

В то же время Н. Назарбаев — государственный деятель особой категории. Среди плеяды способных и талантливых руководителей современной эпохи он выделяется редким даром предвидения и умением сосредоточить усилия на наиболее приоритетных и важных направлениях государственной деятельности. Нельзя забывать, что именно Н. Назарбаеву удалось вывести страну из тотального хаоса в ряды наиболее успешных государств. Он напряжённо работал, чтобы в корне изменить не только государственную систему, но и ментальность народа, утратившего традиции демократии и собственной государственности. Как самобытная нация, возродившаяся и занявшая достойное место в мировом сообществе государств, казахстанцы обязаны прежде всего своему первому президенту — Нурсултану Назарбаеву.

Неслучайно парламент принял закон, объявивший день 6 июля государственным праздником — Днём Столицы.



Отдельно следует сказать о концепции Н. Назарбаева, получившей признание за рубежом как “казахстанский путь”. Далеко не каждый зарубежный лидер может претендовать на авторство подобного рода модели. Между тем в мире имя лидера Казахстана ассоциируется с таким многозначительным понятием, как “модель Назарбаева”. По сути дела, это — формула безоговорочного успеха прогрессивных реформ, и вполне естественным представляется тот факт, что даже скупые на дифирамбы зарубежные лидеры и известные политологи называют Н. Назарбаева выдающимся государственным деятелем международного масштаба. Нет сомнений в том, что имя казахстанского президента займёт особое место в летописи человечества, в том числе в связи со строительством новой столицы независимого Казахстана.

Для меня, непосредственного участника тех событий, особенно дороги воспоминания о трудовых буднях в строящейся столице. Те морозные и знойные дни были наполнены всеобщим душевным подъёмом. Несмотря на бытовые неудобства и трудности, мы искренне радовались каждому новому зданию и каждой обустроенной улице. С большим энтузиазмом астанинцы принимали иностранные делегации, гордо демонстрируя им городские достопримечательности. По-другому не могло быть, ведь на наших глазах строилась и хорошела новая столица казахского государства. Мы восхищались и гордились Астаной, прочно вошедшей в наши сердца как “город-мечта”.

Перенос столицы — это, по сути дела, смена вех, исторических парадигм, показатель цивилизационного самоопределения. Объективно следует признать, что в советский период Алматы в полной мере оправдал своё предназначение главного города Казахстана. С южной столицей связаны многие знаковые события тех лет. Однако с учётом демографического фактора и новых геостратегических условий понадобилось кардинальное решение о переносе главного города государства в географический центр страны, в район пересечения крупнейших транспортных и коммуникационных артерий.

“Президент Н. А. Назарбаев использовал уникальную ситуацию, почувствовал её и безошибочно по времени сделал сильный ход, создав новую столицу Казахстана, — считает известный скульптор, общественный деятель, президент Российской академии художеств Зураб Церетели. — И он, я уверен, сделает всё для того, чтобы Астана стала по-настоящему современной столицей”.

Так на древней земле Сары-Арки появился город, который теперь зарубежные гости восторженно именуют жемчужиной Центральной Азии. Это действительно так: именно в Астане бьётся сердце нашей Родины, здесь принимаются все судьбоносные решения. Астана — это символ национального возрождения, духовного подъёма казахского народа, устремлённого в грядущие века. Наша столица — это воплощённая надежда казахстанцев на обретение свободы и независимости, это символ успеха и процветания нации.

Новая столица стала центром международной активности, взяла на себя миссию города-миротворца. В Астане наши зарубежные партнёры и гости открывают для себя Казахстан с новой, порой неожиданной, стороны. Здесь состоялись крупные международные форумы, саммиты СНГ, ШОС, ЕврАзЭС и ОДКБ. В Астане с успехом проведены Съезды лидеров мировых и традиционных религий.

Решение о председательстве Республики Казахстан в ОБСЕ — это тоже безусловное признание международным сообществом реальных перемен и впечатляющих успехов, которых добилась страна за годы независимости



под руководством общенационального лидера Нурсултана Назарбаева. Наша страна стала первым государством центральноазиатского региона, постсоветского пространства, тюркоязычного и исламского мира, получившим право возглавить ОБСЕ. В столице состоялась 17-я Ежегодная сессия Парламентской ассамблеи этой организации. В 2011 году Казахстан будет председательствовать в Организации Исламская Конференция.

В столице переместилась и научно-образовательная мысль. В скором времени в Астане распахнёт двери Международный университет, который, по замыслу главы государства, превратится в ведущий учебный, научный и исследовательский центр не только Казахстана, но и всей Центральной Азии.

Первый юбилей столицы, безусловно, олицетворяет динамичное развитие Казахстана, укрепление международного авторитета страны, повышение благосостояния наших граждан. Нет сомнений в том, что вслед за этим праздником трудовые свершения нашего народа продолжатся и столица станет ещё краше и привлекательней. Глава государства справедливо считает, что останавливаться на достигнутом нельзя, поскольку почивание на лаврах неизбежно приведёт к застою. Впереди много работы, которая попросту необходима Астане.

За грандиозными успехами нашего государства стоит президент Н. Назарбаев. Это общепризнанный факт. Поэтому вполне понятны и объяснимы чувства многих людей, считающих возможным переименовать Астану в честь её основателя. Органически воплощая в себе все достоинства выдающихся европейских и азиатских политиков, президент Казахстана, идя непроторённым путём, смог вывести новую формулу успеха в таком многотрудном деле, как государственное строительство. В самые тяжёлые для страны периоды он не терял уверенности в правильности избранного пути, в успехе проводимых реформ. Во время тяжелейшего финансового кризиса, поразившего Азию в конце прошлого столетия и докатившегося до нашей страны, Н. Назарбаев произнёс пророческую фразу: «Казахстан никогда не упадёт». И тем самым укрепил уверенность в светлом будущем нашего государства. Его жизнь — это богатая на события история постоянного преодоления тяжелейших препятствий, будь то предубеждения, консерватизм, неверие или преднамеренное противодействие. Глава государства твёрдо ведёт за собой многонациональный народ страны, терпеливо разъясняет суть проводимых реформ и обеспечивает их осуществление своим мощным авторитетом.

Более двух столетий назад первые европейские поселенцы в Америке старались много трудиться и много молиться, чтобы построить «сияющий город на высокой горе». Это им, безусловно, удалось, но заняло более двух веков. Всего лишь за десять лет президент Н. Назарбаев реализовал невиданный в нашей части мира проект, построив в необъятной ковыльной степи сияющую столицу нового Казахстана.

Судьба предначертала Нурсултану Назарбаеву стать Первым Президентом Казахстана, строителем новой столицы — Астаны. Сегодня наша Отчизна признана наиболее успешным государством не только постсоветского пространства, но и всего тюркского мира. Казахстанцы гордятся своей Родиной и своей столицей. Быть гражданином Казахстана — это большая честь и высокая привилегия. Думается, гражданским долгом каждого казахстанца является бережное отношение к Родине и к нашему лидеру, вошедшему в отечественную и мировую историю как Президент — Основатель, Реформатор и Созидатель.



Мурат УАЛИ

Тюркские мотивы

Три жуза

*Улы жузды таяк берып малга кой
Орта жузды бельсендырып дауга кой
Кіші жузды найза беріп жауга кой.¹*

Казахская поговорка

1. Старший жуз

По древней земле Жетысу,
Балхашским пескам и долине Или
Кочуют канлы, жалаиры, усунь.
Курдюк у баранов висит до земли.
Кочует Великая наша орда —
Судьбой и аллахом хранима.
Палкой в руках направляем стада,
Вожди, чабаны и акимы.

Нам старшими быть суждено.
Последние сводки читай:
Столицу переезд, перенос казино,
И главным батыром теперь Карасай.
Усуни, суаны, дулат —
Герои веков и герои момента.
Мы старшие пастыри стад.
Мы ваши батыры и президенты.

2. Средний жуз. Аргыны

От амурской Аргуни до кавказской Аргуны²
Растянулась кочевий дуга.
Мы — аргыны, мы чистые гунны.³
И два круга — наша тамга.
Наши древние руны прочитала наука —
Кюль-тегина плиту и плиту Тоньюкука.
Мы потомки Ашины⁴
До последнего внука...
Вильям Томсен и Лев Гумилёв,⁵
Вы, конечно, аргыны —
Нашей памяти древней порука.

Мурат УАЛИ (УВАЛИЕВ)

— физик по образованию. Автор книги “Тюркские мотивы”, сочетающей поэтический и изобразительный ряд с серьёзным историческим исследованием и интересной как для ценителей поэзии и фотоарта, так и для любителей номадической истории Евразии.

Живёт в Алматы. В “Ниве” выступает впервые.



От теченья веков,
 От набегов врагов
 Мы утратили древнюю численность.
 Мы утратили древнюю письменность.
 Не к добру...
 Мы аргыны. Мы акыны.
 Мы хранители верности.
 Дайте в руки домбру,
 Разливайте кумыс.
 Будет жарким айтыс
 По традиции древности.
 Мы приняли ислам.
 Стал мулла — лучший друг.
 Дайте в руки калам,
 Подключите к Сети ноутбук.
 Перепишем историю всю по-арабски,
 Или лучше по-русски,
 А потом по-латински...
 Только речи звучат по-казахски,
 Только мысли понятны по-тюркски.
 Мы аргыны, мы аргынавты...
 Наша численность вновь велика
 И родов разрослась паутина.
 Наша степь — Сары-Арка.
 Наша родина — Аргынтина.

3. Младший жуз. Адайцы

Адай — воинственное племя!
 За годом — год, за веком — век
 В далёкое былое время
 Тянулась жизнь без перемен.
 Гоняли скот вдоль русел рек
 Джигиты, а невест все воровали у туркмен...
 Врагов гоняли за Жаик
 И через глубь и через брод.
 И “друг степей — калмык”
 На землю падал труп за трупом...

Адайцы — дикий древний род...
 Там ныне гонят нефть по трубам.

¹Старшему жузу дайте палку и пошлите пасти скот.
Средний жуз поставьте решать споры.

Младшему жузу дайте копьё и пошлите на врага.

²На востоке река Аргунь — приток Амурса, на Кавказе есть также река Аргунь.

³Аргын — аргунн (чистый гунн). Одна из интерпретаций этнонима.

⁴Ашина — правящая династия тюркских каганатов. Кюль-тегин и Тоньюкук — герои Восточного тюркского каганата, которым установлены знаменитые Орхонские стелы.

⁵В. Томсен — датский тюрколог, расшифровавший древнетюркские Орхонские тексты.
Л. Гумилёв — известный российский тюрколог.



Маргарита РОЗЕН

Боящиеся темноты

Повесть

1

... Она из последних сил бежала по вязкой, покрытой густой растительностью земле чёрного болота. Редкие, изломанные зловонной болотной жижей сосны, казалось, сопровождали её. Она не слышала топота погони, знала — Оно ступает неслышно, как всё, что живёт и действует в ночи. И очень быстро передвигается. Это не уменьшало смертельной опасности, поэтому сердце, работая на пределе, качало кровь, переполненную адреналином, в бешено сокращающиеся и растягивающиеся мышцы, и бег продолжался. Задыхаясь, она споткнулась обо что-то, скрытое в переплетённой траве, и сила инерции бега швырнула её на мягкую землю, заставив перекувыркнуться через голову, и тут Оно настигло её...

... Алиса проснулась от ужаса. Дикого, отнимающего разум, заставляющего включаться самый главный инстинкт всего живого — инстинкт самосохранения.

Утро оказалось свежим и чистым, как вкус сочного спелого яблока. Сквозь белое кружево занавесей в комнату широким потоком лилось раннее золото солнца, радугой играло на разбросанных по столику CD-дисках, золотило шкурку большого игрушечного медвежонка, по-хозяйски расположившегося в кресле.

Алиса откинула влажную от пота простыню и в одной рубашке подошла к окну. Подставляя себя солнцу, она по-кошачьи нежилась в его лучах, и солнечный свет смывал остатки ночного кошмара. В шестнадцать лет очень важно проснуться в залитой солнцем комнате и знать, что всё, только что приснившееся — химера, которой не стоит пугаться при свете дня.

Папа, проходя по коридору, стукнул в Алисину дверь:

— Просыпайся, лежебока.

— Уже встала, — ответила Алиса.

Набросив халат прямо на ночную рубашку, она отправилась в ванную и там долго разглядывала в зеркале своё смуглое, покрытое мелкими весенними конопушками лицо. Разглядывала придирчиво, критически. Веснушки отравляли Алисино существование с тринадцати лет, с тех самых пор, как она впервые обратила на них внимание. Золотистая россыпь на носу и под глазами тщательно выводилась отбеливающими кремами, замазывалась тональными, запорашивалась пудрой, но каждую весну появлялась снова, и война с веснушками продолжалась. Алиса вовсе не была рыжей, и веснушки не имели никакого права поселиться на её носу. Темноволосая и сероглазая девочка бунтовала против природы, отчего-то решившей позолотить именно её лицо.

Странно, что мама и папа не замечали Алисиных веснушек, а Макс даже заявлял, что они ему очень нравятся. Впрочем, Максу нравилось всё, что имело хоть малейшее отношение к Алисе, и полагаться на его мнение не следовало.

После душа и приведения в относительный порядок буйной копны кудрявых волос шоколадного цвета Алиса вновь облачилась в ситцевый



халатик и вышла на кухню. Родители уже сидели за столом, в отличие от Алисы, каникул у них не было. “Бедняги” — пожалела их Алиса.

Мама, торопливо допивая чай, посоветовала:

— Не спи долго, отвыкнешь от распорядка.

Это за неделю-то?

Алиса, не спеша, налила себе чай, приготовила бутерброд с сыром. Как хорошо, что спешить некуда, как хорошо, что третий семестр она закончила на “отлично”, и теперь каникулы принадлежат только ей!

Мама торопливо чмокнула Алису в лоб и убежала одеваться. Папа уходил на работу позже, он не спешил.

— Как спалось, Зая? Что снилось? — спросил он.

Ночной кошмар лёгкой тенью пролетел через сознание Алисы, не отразившись на её лице. Стоит ли рассказывать папе страшные сны?

— Нормально.

Зайей, Зайкой её называл только папа. Мама считала прозвище детским и сентиментальным, обращалась к Алисе только по имени. Папа утверждал, что мама слишком строга в своих суждениях, и предполагал, что за этим стоит тщательно скрываемая эмоциональность. Папа сантиментов не боялся, считал, что сильные люди могут позволить себе чувствительность. Может быть, поэтому с папой Алисе всегда было проще, чем с мамой. Нет, конечно, маму Алиса тоже очень любила, но большая занятость матери порождала некоторую отстранённость, и Алиса не решалась слишком часто вторгаться в оберегаемый мамой её внутренний мир.

Папа уходил на работу не так, как мама, он никогда не торопился, спокойно складывал в портфель нужные вещи, поправлял у зеркала безукоризненно завязанный галстук и говорил:

— Ну, Заяц, до вечера.

Захлопнув дверь, папа обязательно проверял — защёлкнулся ли за ним замок. Эта папина обстоятельность передалась по наследству и Алисе, она не любила торопливость и спешку, а всё, за что бралась, делала серьёзно и на совесть. Благо, от рождения ей был дан драгоценный дар — любое дело выходило легко, словно само собой. Поэтому Алиса училась без особой нагрузки, но хорошо.

Проводив родителей, Алиса решила навести порядок на компьютерном столике и принялась разбирать разбросанные с вечера диски. За этим занятием её и застал первый приступ боли, несильный, поднявшийся откуда-то с низа живота. И не подумав прерывать занятие, Алиса прислушалась к своему животу. Для регул — не время, сомневаться в доброкачественности пищи оснований не было. Боль прошла волной и сразу же отпустила, на такие пустяки не стоит обращать внимание.

Алиса разобралась с дисками, полила растения в своей комнате и гостиной. Каникулы — блаженное время ничегонеделания. Можно завалиться с книжкой на диван, а можно сыграть в “Развитие наций” с процессором. Можно одеться и пойти гулять. Свобода наполняла тело лёгкостью, казалось, ещё немного, и можно будет взлететь...

Какая-то часть тела не желала принимать участия в полёте, и напоминала о себе тупой, ноющей болью, начавшейся в низу живота и закончившейся где-то под правой лопаткой. Это Алисе уже не понравилось, и она присела в кресло у окна, выжидая — не появится ли боль снова. Никакой боли не было и в помине. А в комнате буйствовало солнце, и так хорошо



было сидеть в кресле в его лучах. Алиса подтянула к себе недочитанную с вечера книжку и подобрала ноги под себя. Погулять она успеет, а сейчас лучше дочитать захватывающую историю о первом в мире искусственном интеллекте...

Солнце ушло из Алисиного окна, подходила к концу и занятная книжка. Концовка была предрешена, и Алисе стало совсем неинтересно. Она отложила книжку и задумалась о своих отношениях с Максом. Конечно, он очень хороший, лучше всех знакомых парней — аккуратный, подтянутый, чем-то напоминающий Алисиного папу. Максим всегда был очень заботлив и корректен в отношении Алисы, избегал скабрёзностей, на которые щедры однокурсники Алисы, и никогда не делал намёков на интимную близость. И всё-таки, он — взрослый мужчина, которому пора создавать семью, а Алиса совсем не чувствовала себя готовой к семейной жизни. Впереди ещё два курса учёбы, интересная работа, и вообще — целая жизнь, со всеми её подарками и приключениями. До семьи ли тут?

Телефон оторвал Алису от размышлений. Макс. Он словно чувствовал, что Алиса думает о нём. Как всегда, заботливый и предупредительный, поинтересовался её мнением о посещении выставки местных художников. Разве Алиса когда-нибудь была против выставок?

Договорившись о встрече, Макс положил трубку, и тут новый приступ боли скрутил Алису уже всерьёз. Она еле добралась до дивана, скорчилась на нём, подтянув колени к животу, в котором происходило нечто непонятное, терзающее Алису изнутри. Тянущая, волнообразная боль прошла по всему её телу и постепенно стала затухать, оставив после себя липкий холодный пот. Алиса лежала, боясь выпрямиться, и думала о том, что, наверное, стоило позвонить папе на работу, сказать, что она нездорова. А вдруг это что-то женское? Посвящать папу в стыдные подробности своей физиологии? До мамы всё равно не дозвониться, её никогда нет на месте, такая работа. Сотовый телефон — тоже не выход, когда мама сидит на каком-либо совещании, его положено выключать. А большую часть рабочего времени мама проводит именно на чиновничьих посиделках.

Боль затихла, но совсем не прошла, Алиса чувствовала её, словно ржавый гвоздь, засевший во внутренностях. Она не была сильной, но и не отпускала. Алиса знала всё, что следует знать шестнадцатилетней девочке о женской физиологии, и даже чуть более того, но эту боль она не могла обозначить никак.

После обеда домой заскочила мама, на работе случилось “окно”. Увидев Алису, испугалась:

— Что случилось?

Алиса попыталась связно рассказать о своей боли, но это плохо получилось. Мама, всегда ревниво оберегавшая свой внутренний мир, с таким же тактом отнеслась и к дочери. Она только спросила, не догадывается ли сама Алиса о причинах этой боли? Алиса замотала головой так, что лягнули зубы.

— Значит, “острый живот”, — сказала мама, как все журналисты, владеющая профессиональным жаргоном в самых разных, порой неожиданных, сферах. — Нужно “скорую” вызывать.

— Может, обойдётся? — с надеждой спросила Алиса.

— Может, и обойдётся, — согласилась мама, — но “скорую” вызвать всё-таки нужно.



Алиса приуныла. Не то чтобы она очень испугалась болезни, но больница, с её казённым духом и неприятными процедурами, способна расстроить кого угодно. И пока мама вызывала “скорую”, Алиса ушла в свою комнату, под села к игрушечному медвежонку и чуть не расплакалась. В сущности, она была ещё совсем ребёнком, и ей очень не хотелось покидать дом, папу с мамой, привычную жизнь. Ни с того ни с сего вспомнился страшный сон, приснившийся ночью, показался вещим. Или вещи сны видят только старушки?

Мужеподобная женщина-фельдшер вошла стремительно, быстро вымыла руки, уложила Алису на кровать и, выставив маму за дверь, начала задавать нескромные вопросы. Краснея, Алиса отвечала на них и всё больше злилась сама на себя. Нет бы перетерпеть, промолчать, тем более что боль совсем прошла, напомнила о себе только раз, когда фельдшер мяла Алисин живот.

— Одевайтесь, — приказала она, — поедem в стационар.

— А дома, укольчики там, таблетки, никак нельзя? — спросила Алиса.

— Боюсь, что нельзя, — смягчилась мужеподобная фельдшерица, — одевайся, умница.

“Вероятно, аппендицит, но ручаться не могу”, — услышала Алиса через закрытую дверь своей комнаты, одеваясь. Вот как — её будут оперировать? Это известие вызвало больше любопытства, чем страха. Алиса слышала, что при аппендиците оперируют под местным обезболиванием, значит, она будет всё видеть и слышать? А больно ли это?

Причёсываясь перед зеркалом, Алиса негодуя глянула на свои вёснышки — опять высыпали, несмотря на все ухищрения.

Уже в машине “скорой помощи” Алиса подумала — не примут ли её за симулянтку — боль-то совсем не чувствуется. Только какой-то озноб напал. Сказать об этом фельдшерице Алиса не осмелилась, ещё решит, что её от страха трясёт.

Ехали совсем недолго, потом фельдшерица сдала Алису толстой добродушной тётке в приёмном покое и так же стремительно ушла. Тётка записала Алисин адрес, имя, фамилию, а потом начала задавать те же нескромные вопросы. Только у неё они звучали иначе, не так жёстко и резко, как у фельдшерицы. Да и сама тётка сильно напоминала Алисину бабушку, даже бородавка с редкими волосками на щеке была похожа.

Доктор, оказавшийся нестарым ещё мужчиной, осмотрел Алису уже в хирургическом отделении и велел готовить к экстренной операции. Вот тут Алиса струсила. Возле неё мельтешила санитарка с бритвенным станком, Алиса вяло отмахивалась от неё. Уж если так надо, она сама обреет это место. Но санитарка не соглашалась, пришлось покориться.

Алиса вовсе не дикарка, бывала и у гинеколога на приёме, но сейчас всё выглядело как-то особенно унижительно, будто нарочно. Ещё и доктор — мужчина.

— Ну, надула губы, — заворчала санитарка, — не дрейфь, не ты первая, не ты последняя. Валерий Антонович вашей сестры за смену столько намотается...

Алиса не сочла нужным отвечать грубоватой санитарке, ещё не хватало ввязаться в ссору.

Она вытерпела до конца все унижительные процедуры подготовки к операции, а когда оказалась на операционном столе, была сильно разочарована



тем, что поперёк груди поставили белую лёгкую ширмочку, и увидеть — что там делают с её животом, просто невозможно.

Алиса вздрагивала от каждого укола, и анестезиолог в конце концов сказал:

— Да что ж мы такие нервные-то? Это же только анестезия.

Потом пришёл доктор, тот самый, который осматривал Алису. Плянул на неё тёмными арабскими глазами и неожиданно подмигнул. Алиса видела только его карие глаза, всё остальное скрывала белая стерильная повязка, но она узнала его, и от этого стало легче. Доктор ей понравился — немногословный, не задающий глупых и неприятных вопросов.

Больно, действительно, не было, а было неприятно, один раз, когда доктор что-то там потянул. После, уже в палате, Алиса пыталась найти что-то хорошее в своих воспоминаниях, чтобы вознаградить себя за перенесённое. Но вместо этого вспомнила о том, что Максим будет ждать её у музея изобразительного искусства, как договорились, а позвонить и отменить встречу она в лёгкой панике забыла.

Алиса прислушивалась к своему животу более с любопытством, нежели с тревогой — почему ничего не болит? Или так и должно быть? Но, едва шевельнувшись в постели, ощутила боль, но не прежнюю — тупую и тянущую, а острую и пронизывающую, такую, что более не решалась двигаться.

Ближе к вечеру пришёл доктор, кивнул Алисе дружески. Поинтересовался самочувствием. И с чего она решила, будто у доктора арабские глаза? Просто тёмные, большие, с грустинкой. Доктор был худощав, высок, его негнувшийся от крахмала халат казался ему коротковатым, и чисто вымытые руки выглядывали из рукавов немного дальше, чем положено. Под халатом у доктора были обычные серые брюки, а не зелёные хирургические. Наверное, собрался домой. При этой мысли Алиса вспомнила о своём доме, и у неё появилось сумасшедшее желание — прямо сейчас уйти из больницы. С лёгкой завистью подумала о докторе — счастливчик, его-то здесь ничего не держит... Неожиданно вспомнилось, что доктора, кажется, зовут Валерием Антоновичем. Какие же при таком имени арабские глаза?

Доктор ушёл, а Алиса ещё долго смотрела в окно палаты, наполовину зашторенное казённым ситцем в голубой цветочек. С её кровати было видно только небо да маленькая веточка клёна с набухшими почками. Весна. Только вот настроение у Алисы было совсем не весенним. Угроздило же попасть в больницу...

Пришла медсестра, принесла стойку для системы. Ловко нашла иглой вену, пощупала:

— Это ваш ужин.

Алиса смотрела на медленные капли в пластиковом пузырьке и лениво думала о том, что прошёл день, так хорошо начавшийся, такой многообещающий и светлый. День — обманщик.

Потом на пустую кровать напротив Алисы привезли из реанимации женщину. Она смотрела в потолок глубоко запавшими глазами и молчала. Алисе тоже не хотелось разговаривать, она так и уснула, не обмолвившись ни словом с соседкой по палате.

Ночь прошла спокойно, без пугающих сновидений и вообще — Алисе показалось, что она только что уснула, а уже утро, такое же безоблачное,



как и вчерашнее. Лоскуток небесной лазури в наполовину зашторенном окне, кончик кленовой ветки — и всё. На остальное Алисе смотреть не хотелось. Санитарка возила мокрой тряпкой по полу, соседка тарасилась в потолок, на что тут смотреть?

Это невероятно скучно — лежать в больнице. Всё разнообразие больничного времяпрепровождения заключается в процедурах, принятии лекарств и пищи да визитах родственников. Последнего Алиса начала ждать с самого обхода. Доктор, Валерий Антонович, глянул на Алисин шов только мельком, сказал:

— Отлично, даже бикини сможете носить.

У кровати соседки задержался, о чём-то вполголоса расспрашивая её. Алиса не прислушивалась к разговору, думая о том, кто первым к ней придёт — мама? Папа? Максим? Или все сразу?

Поднимаясь со стула, стоявшего у соседкиной кровати, Валерий Антонович укоризненно покачал головой:

— Что же вы хотели, матушка, перитонит — не шутка.

Колючее слово засело в Алисиной голове, и она начала думать о перитоните. Это бывает, когда не делают вовремя операцию по поводу аппендицита. Почему же так случилось у этой женщины? Тоже боялась больницы, как и Алиса? Профиль соседки казался мученическим — худое горбоносое лицо, коротко стриженные бедные волосы, будто прилипшие к голове. Если бы не волосы, бесцветные, как выгоревшая на солнце пакля, женщина была бы похожа на цыганку.

От нечего делать Алиса принялась фантазировать, придумывать, что её соседка живёт где-то в лесу, за тысячу вёрст от города, и вообще — немножечко ведьма. Хотя, откуда здесь взяться настоящему лесу, в котором могла бы обитать потусторонняя сила? Все мало-мальски пригодные прибрежные лески давно вытоптаны и захламлены рыбаками и любителями “дикого” отдыха. Тогда Алиса переначала свою сказку, женщина вовсе не из тёмного леса, а из тех, кто летом обитает на дачах, а зимой — на чердаках жилых домов или в подвалах.

Увлёкшись своей игрой, Алиса не заметила, что в упор смотрит на соседку. Опомнилась, когда та повернула горбоносую голову и спросила:

— Ну что ты на меня тарасишься? Дыру проглядишь.

Голос у женщины был вовсе не хриплый и прокуренный, как ожидала Алиса, она говорила глубоким грудным контральто. Алиса смутилась. В самом деле — чего уставилась на человека?

Тогда Алиса стала думать о докторе. Придумала биографию и ему. По Алисиному — доктор был единственным ребёнком в интеллигентной семье, в которой один из родителей обязательно был врачом, а второй — педагогом. Доктор на “отлично” окончил лечебный факультет, и вообще — был большим умницей и интеллектуалом. У доктора непременно должна быть красивая строгая жена, тоже врач, или педагог, и, может быть, один ребёнок, такой же вундеркинд и умница, как его отец.

За такими вымыслами Алиса пыталась скоротать время до четырёх часов, когда в больнице разрешены посещения. Кусочек неба и кленовой ветки быстро наскучили, хотелось большего — свободы. Алиса никогда не думала, что возможность распоряжаться своим временем по собственному усмотрению такая драгоценность. В больнице начинаешь иначе оценивать всё, что раньше казалось естественным и доступным.



После обеда Алисе принесли записку, написанную твёрдым папиным почерком: “Заяц, не унывай, вечером придём. Копи силы на поправку. Папа и мама”. Записка обрадовала Алису. Только почему — вечером? Ведь посещения разрешены с четырёх...

2

... Конечно же, бабушка тоже боялась, быть не может, чтобы нет. Разве что только тётя Лиля... Тётя Лиля не боялась никого и ничего, наоборот, перед нею праздновали труса даже хамоватые соседские мужики. Тётя Лиля смело спускалась в подвал, где держали уголь, иногда работала во вторую смену, и шла впотьмах домой. Мальчик не мог противостоять сухой и холодной, древесной какой-то силе тётки, поэтому старался не раздражать её лишним раз. И, если бабушка, забываясь, изредка гладила мальчика по непослушным вихрам, то тётя Лиля всегда помнила — он тот, кто окончательно испортил ей жизнь. Это мальчик знал с самого раннего возраста. Тётка не старалась держать язык за зубами.

Мальчик знал и то, почему у всех детей есть папы и мамы, а у него лишь бабушка и тётя Лиля. Историю беспутной Людки, старшей сестры тётки Лили, от него не скрывали. В гневе бабушка прокляла дочь, осмелившуюся сбежать из дома неведомо с кем. Правда, когда “блудница” раскаянно вернулась с огромным животом и открытой формой туберкулёза, бабушка немного смягчилась и позволила ей жить в боковушке, пристроенной к дому вместо летней кухни. Долго блудная дочь в боковушке не прожила, в осеннюю слякотную ночь умерла в гинекологическом отделении горбольницы, не вынеся преждевременных родов. Мальчик родился на удивление здоровеньким, так что бабушке с тётей Лилей не оставалось ничего другого, как только взять его домой.

Семья эта была странной, когда-то властная и суровая бабушка со временем стала забывчивой, но душевней от этого не становилась. Отстранённо бродила по дому, погружённая в собственные мысли, как в некий аквариум, недовольно и невпопад отзывалась, если к ней обращались. Наверное, когда-то бабушка была красавицей, её седые волосы, уложенные в большой узел на затылке, ещё были густы и блестящи, а старчески выцветшие голубые глаза когда-то давно были синими. Бабушка любила ажурные шали и шёлковые блузки, её длинноватые тёмные юбки всегда были тщательно выглажены.

Тётя Лиля являла собой прямую противоположность бабушки, хоть и приходилась ей родной дочерью. Её непонятного цвета реденькие волосы облепляли костистый череп, а близко посаженные тусклые серые глаза утопали глубоко в глазницах. Несмотря на весь аскетизм внешности и худобу, тётя Лиля вечно ходила в просторных, засаленных, вытянутых на зад и коленях платьях, а на её больших, мужских стопах болтались стоптанные шлёпанцы.

— Да, не Людка... — иногда вздыхала бабушка.

Откуда-то мальчик знал, что его мать была писаной красавицей, очень похожей на бабушку в молодости. То ли услышал случайно, то ли сам придумал, но фотографий матери в доме не сохранилось.

Самыми большими и, пожалуй, единственными друзьями мальчика были аквариумные рыбки. Он часами мог наблюдать за ними. Сначала, ожидая подачки, они собирались у стекла аквариума, прямо напротив лица



мальчика, потом, забыв о нём, расплывались по своим загадочным рыбьим делам. Равнодушием и загадочностью они сильно напоминали бабушку. Рыбки были самыми простыми — гуппи, меченосцы...

Мальчика особо не баловали. Порой казалось, что на него вообще не обращают внимания, но это только казалось. Стоило ему начать делать что-либо “неприличное”, вроде ковыряния в носу или хлюпанья за столом жидким горячим чаем, как тётя Лиля тут же одёргивала мальчика, и весьма сурово. Впрочем, его никогда не били, а это уже много значит.

Дружба с соседской ребятнёй не поощрялась, и мальчик привык сторониться даже одноклассников. Не то чтобы он считал их грязными и испорченными, как тётя Лиля, просто держался от греха подальше. За это к нему прочно приклеилось обидное прозвище Сыч, но драться ему не позволялось, вот и приходилось терпеть.

Иногда в мальчике душевной волной поднимался протест против всего — будничной тирании тётя Лили, равнодушия бабушки, жестокости одноклассников, и — против тех, кто жил в темноте. В существовании последних мальчик был твёрдо уверен, как и в том, что днём они прячутся в тёмный угольный подвал, в который из кухни вела дверь с потрескавшейся краской, и в кладовку без окон, расположенную в глухом углу просторной прихожей. Эта кладовка была дамокловым мечом мальчика, поскольку за любую, даже ничтожную провинность, он мог оказаться запертым в ней — наедине с теми, кто живёт в темноте. Даже собираясь в школу, мальчик торопился поскорей одеться и выскочить на улицу, подальше от крашенной белой краской двери кладовки.

Школа мальчику не нравилась, но учился он неплохо, отчасти из-за врождённого желания знать больше других, отчасти от неосознанного стремления к лидерству. Особенно ему удавались точные науки, и математичка Марина Васильевна прочила его на физмат. Только мальчик знал, что никакого физмата не будет, именно потому, что ему это нравится. Бабушка с тётей Лилей наверняка придумают что-нибудь прямо противоположное.

И всё-таки, несмотря на положение изгоя даже в собственной семье, мальчик любил бабушку странноватой любовью, выразившейся в том, что он старался быть поближе к ней, совсем не замечающей его в своей отстранённой задумчивости. С годами бабушка задумывалась всё чаще и сильнее, и всё дальше уходила от окружающих. Аккуратная до педантизма, она теперь могла выйти к завтраку непричёсанной, её некогда белоснежные шёлковые блузы приобрели неопрятные жирные пятна, которых она, как и внука, не замечала. Однажды в разговоре тётя Лили с соседкой прозвучало отвратительное слово “маразм”. Подслушанное мальчиком, оно разрасталось до размеров невероятного монстра и, как казалось мальчику, имело прямую связь с замаранной одеждой бабушки.

Однажды зимой мальчик заболел ангиной, и в школу его не пустили. Перед тем как уйти на работу, тётя Лиля вызвала врача, наказав бабушке присматривать за мальчиком. Бабушка из своего непонятного далека посмотрела на тётю Лилю странно, кивнула головой и ушла в свою комнату.

Когда пришёл врач, мальчик сам открыл ему, то есть ей, дверь. Бабушка стука не слышала. Доктор вымыла руки на кухне, погрела их у печи и спросила:

— А где же больной?



- Это я, — признался мальчик.
— А что, в доме больше никого нет?
— Есть бабушка, но она не в себе.

Мальчик удивился тому, как легко он произнёс эту фразу, словно поставил бабушке некий жестокий диагноз.

- Ну что ж, давай осмотрим тебя.

Заглянув ему в горло при помощи металлической лопаточки, доктор укоризненно покачала головой, словно мальчик был виноват в постигшей его болезни. Потом сунула ему под пижаму градусник и села напротив.

- Так и живёшь с бабушкой?
— Нет, есть ещё тётя Лиля. Она на работе.

Горло болело, и мальчику совсем не хотелось разговаривать. Но доктор и не ждала от него разговоров, глянув на градусник, она присела к столу и принялась что-то писать.

— Придёт тётя Лиля, пусть купит лекарства по этим рецептам, — сказала она, закончив, — а через пару дней идите на приём.

Мальчик не любил болеть, хоть это и избавляло его от многих мелких неприятностей как в школе, так и дома. Долгое лежание в постели казалось ему одним из видов наказания за непонятно откуда взявшуюся болезнь. Ангина была хуже всех болезней, из-за неё трудно было глотать, говорить, и приходилось принимать горькие порошки. Отвернувшись к стене, мальчик думал о том, что, наверное, обитатели тьмы не болеют никогда. Или у них свои собственные доктора и собственные болезни? Представить себе такого доктора мальчик просто боялся. То, что параллельный, тёмный мир существует, сомнений у мальчика не вызывало, более того, он был уверен — это к нему прислушиваясь, стараясь осмыслить невероятное, сомнамбулой ходит бабушка. Наверное, она уже наполовину там, во тьме. Если бы мальчик решился, он спросил бы у бабушки — что она видит там, в другой жизни. Но это было бы грубейшим нарушением семейной субординации, чреватым тёмной кладовкой.

Рано или поздно болезни кончаются. Мальчик вышел на улицу, ослепившую его белизной снега. От свежести морозного воздуха перехватывало дух, и мальчик постоял на высоком крыльце дома, чтобы привыкнуть к этому чересчур свежему воздуху. Тётя Лиля выглянула в окно и погрозила мальчику пальцем. Её губы беззвучно шевелились за стеклом, но мальчик знал, что она говорит нечто, вроде “в школу опоздаешь, паршивец”. Он поправил шарф на шее, замотанный слишком туго, и пошёл по знакомой и какой-то новой улице, искрящейся снегом и сереющей некрашеными заборами. Успел подумать о том, что за углом наверняка встретит Ленку, тоже идущую в школу. Вдвоём веселее, хоть Ленка и сторонится неразговорчивого “Сыча”.

Ленка действительно оказалась за углом, но не одна, а с Лариской. Отвернувшись к покосившемуся забору, девчонки что-то разглядывали, а когда мальчик подошёл ближе, поспешно спрятали какую-то бумажку. Больно нужны ему их секреты! Он поздоровался и независимо пошёл впереди. Внезапно приступ слабости охватил его липкими от пота шупальцами, снежное сияние померкло, улица показала посыпанной пеплом. Серыми были и лица девчонок, обогнавших мальчика. Ленка с недоумением взглянула на него и прошла, увлекаемая Лариской.



Постояв немного, мальчик пришёл в себя. От страха мелко тряслись коленки, и это было противно. Тёмный, страшный мир уже не дожидался наступления ночи, он вполне мог настигнуть мальчика и среди бела дня.

В школе обнаружилось, что за время болезни мальчик не слишком отстал от программы, и навёрстывать ему придётся совсем немного. Сидя на своей задней парте у окна, он думал о тёмном мире, подстерегающем его. Не лучше ли сразу сдаться, и пусть делают с ним что хотят? Страхи измучили мальчика. Но дело было ещё и в том, что живущие во мраке не спешили явно показываться, и что им от него нужно, мальчик не знал.

К концу занятий воспоминание об испытанном утром страхе как-то померкло, сошло на нет. И домой мальчик шёл в обычном настроении.

Тётя Лиля ушла на работу во вторую смену, дома была только бабушка. Она величественно, в позе изображённой на портрете актрисы Ермоловой, стояла у окна, и с непричёсанной головы свисали седые лохмы.

— Ба, ты кушала? — спросил мальчик.

— Какое это имеет значение?

Лучше оставить её в покое, ведь неизвестно, что она видит там, за окном, куда так пристально смотрит.

Поедая ненавистную гречневую кашу с молоком, мальчик поглядывал на дверь гостиной. Оттуда не доносилось ни звука. Бабушка могла вот так стоять часами. Это был её собственный аквариум, куда не было доступа ни мальчику, ни тётке Лиле. Зато у тёти Лили хватало эмоций на всех, и большая часть отрицательных приходилась на долю мальчика.

Сегодня день получался неплохой, тётя Лиля работала во вторую. Значит, можно было пойти в свою комнату, сделать уроки и читать, тайком читать утащенного из тёти Лилиной комнаты запретного Мопассана. Бабушка не станет интересоваться названием книги, на которую падает уютный свет лампы под голубым колпачком в комнате мальчика.

Комнаты в доме были большими, когда-то дед, директор крупного предприятия, строил этот дом со всем, присущим тому времени и занимаемой дедом должности, размахом. Поэтому слабенького света от настольной лампочки не хватало на всю детскую, и в углах её таились тени. Как ни странно, этих теней мальчик не боялся, они были населены давно знакомыми ему сущностями, чем-то вроде множества мелких домовых. Эти существа иногда проказничали, крали ручку или тетрадь, порой включали свет среди ночи, но никогда не делали ничего, способного всерьёз напугать мальчика. Очевидно, они не относились к тем, которые живут во тьме.

От круглой печки-“голландки” шло уютное тепло, лампочка под голубым колпачком давала ровно столько света, чтобы можно было хорошо рассмотреть иллюстрацию, на которой усатый мужчина обнимал пышногрудую девицу. Мальчик пытался представить себя на его месте, но это плохо получалось, а выпирающие из тесного корсета прелести девицы на картинке манили, манили неизведанными дотоле удовольствиями. Мальчику казалось, что здесь, в этом наполовину мёртвом доме, населённом пыльными альбомами с фотографиями, хранящими прошлое, он никогда не повзрослеет. И всё-таки он любил этот дом, любил свою комнату со старинным книжным шкафом, забрызганным чернилами столом и аскетически твёрдой и узкой кроватью. Любил печку-“голландку”, во व्यюжные вечера выпевавшую странные песни, любил стучащиеся под ветром в окно, задрнутое белой занавеской, голые ветки изувеченного клёна. Дерево



опиливали специально нанятые люди каждую весну, потому что его ветви упорно лезли в провода, подходящие к дому. Снизу клён не трогали, и он рос вкривь и вкось, густел, подбирался к самой стене дома.

В этом клёне тоже чувствовалось что-то зажатое, потаённое, как и в самом мальчике. Но в отличие от клёна мальчик не решался на открытый бунт.

Весной, когда клён истекал горьковато-сладким соком свежих ран, мальчик приходил жалеть его, гладил шершавую, потрескавшуюся от возраста кору и шептал дереву утешительные слова. Он был уверен, что дерево слышит его и понимает.

А в палисаднике кондитерски пахло мокрым забором, диковатой молодой зеленью и согретой землёй. Однажды тётя Лиля посадила там ромашки, и с тех пор мальчику приходилось бегать к клёну украдкой.

— Опять все цветы потоптал! — ворчала тётя Лиля. — То к аквариуму прилипнет — не оторвёшь, то с деревом шепчется... Чтобы я больше тебя в палисаднике не видела!

А мальчик думал о том, что когда-нибудь не станет бабушки, не станет и тётя Лили, а этот клён останется, и никто не сможет запретить ему, мальчику, перенести провода в другое место, чтобы избавить дерево от ежегодных увечий.

... За Мопассана мальчику всё-таки попало. Тётя Лилин резкий голос разносился по всему дому, сидя в кресле у окна, молчаливо кивала бабушка, а мальчик стоял посреди гостиной, "на позорном месте", чтобы всякий знал, что он наказан. Хорошо хоть, что тётя Лиля не заперла в тёмную кладовку, как давно грозились.

Ещё одним табу для мальчика был старенький чёрно-белый телевизор "Балтика". Включать его самому не разрешалось вовсе, а смотреть — только под бдительным надзором тётя Лили с восьми до девяти часов вечера. Когда тётя Лиля работала во вторую смену, телевизор не включали вовсе. Бабушка была к нему равнодушна, как и ко всему прочему, а мальчик, боясь наказания, просто не решался включить его. И когда одноклассники в школе горячо обсуждали очередную серию "Сердца Бонивура", мальчик чувствовал себя обделённым. Он давно знал, что не такой, как все, но — какой? Лучше? Хуже других? И — чем не такой?

В тринадцать лет он пристрастился к книгам, всё искал в них ответы на мучившие его вопросы. На эту же пору пришлось время полового созревания с его прыщами на лице, сумасшедшими снами и остающимися после них пятнами на простыне. Правда, последнее случалось редко, но всё-таки случалось. И это ставило мальчика в тупик. Выстирать простыню без ведома тётя Лили было невозможно, а тётка, помешанная на чистоте, и без того считала мальчика несусветным грязнулей, вносящим беспорядок в раз и навсегда установленную жизнь старого дома. Из-за этих постыдных пятен тётя Лиля взъелась на мальчика ещё пуще. Прямо она не говорила о причине своего гнева, но находила тысячи мелких придирок, способных отравить жизнь кому угодно.

Сильно сдавшая за последний год бабушка почти не поднималась с постели, и уж, конечно, не встревала в бесконечные тётя Лилины морализаторства. Иногда бабушка за весь день не говорила ни одного слова. Мальчик знал — она уже почти полностью там, среди тех, кто живёт во тьме, и здешние дела её абсолютно не интересуют.



В этот же период мальчик бессмысленно и безответно влюбился в Евгению Сергеевну, молодую практикантку пединститута, преподававшую физику вместо пожилого Георгия Тимофеевича. Ответ детской любви лёг и на предмет, который преподавала Евгения Сергеевна, физикой мальчик мог заниматься сколько угодно. И это не замедлило сказаться на учёбе в целом — если по физике, алгебре и геометрии у мальчика были одни пятёрки, то успеваемость по прочим предметам позорно сползла на три. Тётю Лилю вызвали в школу, о чём говорила с ней классная руководительница, мальчик не знал, ожидая в коридоре, но по пути домой тётя Лиля молчала. Также молча она дала ему раздеться, а потом открыла дверь ужасной кладовки, втокнула его внутрь и заперла дверь снаружи. Теряя тапки, мальчик заколотил в дверь босыми пятками, закричал, и тут его шею коснулось нечто, неразличимое в темноте, холодное и жуткое. И мир вокруг перестал существовать.

Из спасительного небытия мальчика выдернула холодная вода, брызнувшая в лицо, и резкий голос тёти Лили произнёс:

— Гляди-ка, барышня кисейная сыскалась.

В этом голосе не было ничего, кроме обычного презрения, но мальчик понял, что он стал старше, сильнее, и угрюмо огрызнулся:

— Я не барышня.

— Да уж, знаю, — ядовито парировала тётя Лиля, намекая на мальчигово “неприличное” взросление.

Весь вечер у мальчика болела голова, он не выходил из своей комнаты, отказался от ужина.

— Тебя что — как бабушку, с ложечки кормить? — съехидничала тётя Лиля и отошла от двери.

Мальчик, невзирая на запрет, лёжа читал “Одиссею капитана Блада” и на тёткино ехидство не отозвался. Колочее недовольство собой, окружающими, росло и зрело где-то в потаённых глубинах души мальчика, и от этого спасали только книги. Там прекрасные женщины по праву принадлежали благородным мужчинам, ради них совершавшим невероятные подвиги, там зло всегда было наказано, а добро торжествовало, и никто не жил никому не нужной жизнью. Даже у самого отъявленного злодея всегда находился кто-нибудь, кто любил его — мать, возлюбленная, друг, пусть такой же злодей. А у мальчика не было никого. Не сумасшедшую же бабушку, никогда, на сколько он помнит, не замечавшую внука, подозревать в любви к нему? И уж, конечно, не тётю Лилю. Мальчик ещё не понимал, что это даёт о себе знать одиночество, и книгами пытался заполнить зияющую пустоту в своей жизни...

3

Алисе с каждым днём становилось лучше. Она уже довольно шустро разгуливала по больничным коридорам, и сёстрам приходилось загонять её в палату на “тихий час”. Прислушиваясь к своему организму, Алиса не находила в нём боли и теперь её больше волновали веснушки, обрадованно высыпавшие на носу, стоило ей на несколько дней перестать пользоваться отбеливающими кремами.

От безделья Алиса выдумала себе новую игру — она считала взгляды доктора, брошенные на неё. А доктор, как нарочно, всё реже смотрел в её сторону и всё чаще задерживался у кровати соседки, Ксении. Алиса



сердилась и капризничала, выдумывала себе несуществующие недомогания, на которые жаловалась доктору во время обхода. Похоже, Валерий Антонович не принимал Алисины жалобы всерьёз, во всяком случае, никак на них не реагировал.

Каждый день приходил Макс, приносил нелюбимые апельсины и скучно сидел на диванчике рядом с Алисой. Она и не замечала раньше, насколько Макс скучен. Говорит одно и то же, так же неловко держит её руку и смотрит, смотрит собачьими глазами... Папа тоже приходил каждый день, мама — не всегда. Что ж, у мамы такая работа. Папа смотрел на Алису странными глазами и посмеивался.

— Взрослеешь ты, Заяц. Вон как вытянулась, а глазки-то, глазки! Макс, бедный, и так в полубреду.

Алиса сердилась на папу за подобные шутки, делала вид, что собирается уходить в палату. Папа ловил её за подол халата и дёргал вниз:

— Ладно, не сердись. Посиди со мной, я по тебе скучаю.

С папой было не до скуки, он умел найти тему для интересного разговора, умел блеснуть остроумием. Алиса подумала о том, что хорошо было бы, если бы остроумием Макс хоть чуточку походил на её отца.

Однажды мимо них с папой прошёл Валерий Антонович, глянул мельком.

— Сорок три, — вслух сказала Алиса.

— Что — “сорок три”? — удивился папа.

— Сорок три взгляда доктора в мою сторону.

Папа серьёзно посмотрел Алисе в лицо:

— Ты считаешь его взгляды?

— Да, а что?

— Заяц, да не влюблена ли ты? А как же Макс?

— Ну, папа!

— Смотри, Заяц, это может быть очень больно.

Алиса рассмеялась в ответ. Что больно — считать взгляды?

В эту ночь она долго не могла уснуть. Всё копалась в своей душе, прислушивалась к ощущениям. Нет, это не так, здесь нет никакой любви и быть не может. А Макс... Папа ведь сказал, что она взрослеет, пожалуй, поэтому и изменилось восприятие. Наверное, это пройдёт, нельзя же из-за какого-то аппендицита расстаться с другом. И всё-таки — как здорово было бы столкнуться с доктором где-нибудь в коридоре, и он подхватил бы Алису под локоть, оберегая от падения. Всё абсолютно случайно. И так волнующе! Алиса засыпала, видя мысленным взором тёмные глаза Валерия Антоновича...

Нет, это совсем не любовь. Нечто иное, тёмное и даже тягостное незаметно овладевало Алисой. За свои шестнадцать лет она ещё не испытывала ничего подобного. Конечно, знала от знакомых девчонок об их похождениях с парнями, иногда испытывала смутное любопытство. Слишком светла и насыщена жизнь Алисы, чтобы надолго задумываться о таких пустяках, как интимные отношения между мужчинами и женщинами. Но сейчас... Сейчас занять себя было совершенно нечем, и от безделья, видимо, в голову лезла всякая пакость. Например, Алисе хотелось прикоснуться к несгибаемому от крахмала халату доктора, ощутить под ним живое, горячее тело. Что дальше? Ничего, просто прикоснуться. Ещё Алиса думала о том, что во время операции Валерий Антонович видел её голой, да ещё и с обритым лобком. Что испытывал он в этот момент? Неужели ничего?



Алиса покосилась на молчаливую Ксению. Уж эта-то всё знает о мужчинах и женщинах. И возле её постели надолго задерживается доктор, заглядывает под её одеяло. Неужели только из профессиональных соображений? Что он нашёл в этой страхолюдине?

Сегодня во время обхода Алиса и сама не заметила, как вытянула руку и коснулась колена доктора. Немедленно устыдившись, она спрятала “виноватую” руку под одеяло. Доктор внимательно посмотрел на Алису непроницаемо тёмными глазами, кивнул, словно что-то отмечая для себя, и поднялся со стула. У кровати Ксении он сидел дольше. Ну, конечно, Ксения же не хватала его за коленки своими худыми грабками. Чувствуя себя кругом виноватой, Алиса наострила уши, подслушивая.

— Доктор, может быть, я похожу на уколы? — просительно протянула Ксения. — Четверо ведь!

— Стоит вас выписать, как вы тут же забудете всё, о чём я вас предупреждал. Лежите, — непререкаемо возразил Валерий Антонович.

Когда он ушёл, Алиса заметила, как Ксения смахнула что-то со скуластого некрасивого лица. Плакала? Вот ещё! Не хватало разводить нюни перед незнакомыми людьми.

Осторожно выбравшись из-под одеяла, Алиса юркнула в коридор. Дежурная сестра зашипела на неё, потому что обход ещё не кончился.

— Я в туалет, — буркнула Алиса.

Она и в самом деле заперлась в туалете и принялась разглядывать своё лицо в зеркале над раковиной. Проклятые веснушки оккупировали уже весь нос и скулы. Надо было попросить папу, чтобы принёс крем. А так — лицо было как лицо. Уж во всяком случае, красивей, чем у Ксении. Алиса презрительно улыбнулась своему отражению, потом — лукаво, едва приподняв уголки губ. Посмотрела жалобно, попробовала придать лицу выражение вселенской скорби. Всё было не то. Жалкое актёрство, не более. А требовалось нечто такое, чтобы он не смог устоять...

Алиса поймала себя на мысли о том, что строит план соблазнения доктора. На этот раз она вовсе не чувствовала себя виноватой. Ну и что? Пусть — жена, пусть — ребёнок, или даже два, она ведь не претендует на вечное владение Валерием Антоновичем. Просто хочет лишиться тяготившей её девственности при его помощи. Она ужаснулась, впервые сформулировав это ясно и отчётливо. Алиса понимала постыдность своего желания, но поделаться с этим ничего не могла, это и было то тёмное и тягостное, что угнетало её теперь. Может быть, в глубокой древности самка неандертальца точно также выбирала себе самца, но, в отличие от Алисы, она не была скована традиционными условностями. И Алиса позавидовала своей дремучей пра-пра-пра — и ещё неизвестно, сколько “пра” бабушке.

В туалет кто-то ломился, должно быть, обход уже закончился. Алиса напоследок скорчила своему отражению гримаску, дёрнула цепочку бачка и вышла.

Едва Алисино желание приобрело осмысленную форму, оно перестало казаться ей постыдным. В конце концов, это регулярно происходит между взрослыми мужчинами и женщинами, все об этом знают, и ничего странного в этом нет. Хорошо бы поговорить на эту тему с кем-нибудь умным, умудрённым опытом. Жаль, что с папой неловко. А о разговоре на столь скользкую тему с мамой Алиса даже не подумала. Что-то заметившая в её поведении Ксения проворчала:



— Замуж тебе, девка, пора.

Алиса хмыкнула и отвернулась от старой карги. Всё думала о Валерии Антоновиче, о его непонятном взгляде, о тёплом под тонкими брюками колене...

В ночь перед Алисиной выпиской Валерий Антонович дежурил. Алиса узнала об этом от сестры, решившей припугнуть не в меру активную пациентку дежурным врачом. Это известие вызвало у Алисы целую бурю чувств. Она то представляла себе, как зайвится глубокой ночью в ординаторскую и сбросит с себя халат (под которым, конечно, не будет больничной рубашки), то обмирала от страха, думая о том, что доктор может решиться на первый шаг раньше неё.

Папа, пришедший после работы навестить дочь, нашёл её взволнованной и непривычно возбуждённой, но решил, что это перед выпиской.

— Как дела, Заяц?

— Хорошо.

Они сидели на диванчике в зимнем саду больницы, состоявшем из нескольких пальм в кадках и чахлого лимонного деревца, и впервые в жизни Алиса не находила темы для разговора с папой. Он заметил это и принялся рассказывать о новой маминой командировке, о том, что вовсе не требовало участия собеседника. Алиса слушала, кивала, а в голове набатом звучало: “сегодня ночью...”. Даже когда папа прощался, она не нашла в себе слов, обычно тёплых и ласковых, без капли фальши. “Вот оно как бывает, — думала Алиса, — даже папа, родной и самый близкий папа становится отдалённой, и с ним больше нельзя говорить открыто о том, что на душе”.

От ужина Алиса отказалась, не до него было. Более того, плавающий в коридоре запах подгоревшей манной каши раздражал, хотелось избавиться от него, во что бы то ни стало. И она ушла в зимний сад. Посещения уже окончились, и обтянутые дерматином диванчики были пусты. Алиса присела на один из них. Хорошо бы сейчас поплакать, уткнувшись в родное плечо. Да только где его взять-то?

Нервное напряжение последних дней обессилило девочку, и ей уже ничего не хотелось, кроме одного — домой, в светлую комнату с медвежонком, по-хозяйски развалившимся в кресле. Бог с ним, с доктором, можно как-то пережить опостылевшую девственность. Или возложить почётную миссию дефлорации на этого олуха Макса. Больше не хочется ничего.

Алиса теребила жёсткий лист лимонного деревца, свесившего ветку к диванчику. Ей нравился аромат лимона, источаемый листом. За огромными, во всю стену, окнами зимнего сада дотаивало вечернее солнце, и на душе было беспокойно. Думалось о том, что жизнь почти прожита, а ничего интересного, достойного упоминания, в ней не было, о том, что вот такая, с раздёрганными и противоречивыми чувствами, она не нужна никому, даже себе. Словом, о том, о чём весьма часто думают шестнадцатилетние девочки и мальчики, оставшись один на один с трудно решаемой “взрослой” проблемой.

Дверь в зимний сад едва слышно отворилась, и шаркающие больничными тапками шаги сообщили о том, что кто-то из больных тоже решил провести вечер в одиночестве. Алиса никого не хотела видеть, поэтому и не оглянулась.

— Что, девка, совсем запуталась?

Неожиданный глубокий голос Ксении напугал Алису. Как она здесь оказалась, доктор же запретил ей вставать!



На Алисино плечо легла слабая горячая рука.

— Ты не печалься, их, таких, ещё знаешь, сколько будет? Да и жених у тебя, я посмотрю, совсем неплох.

— А вам какое дело? — привычно огрызнулась Алиса.

— Жалко тебя, неприкаянную. У меня своих четверо, только поменьше тебя. Терпела до последнего, оставить не на кого было. Теперь вот маюсь, — как они там?

Ксения говорила миролюбиво, словно и не заметила Алисиной ершистости.

— А отец, то есть муж ваш где? — не утерпев, любопытствовала Алиса.

— А кто ж его знает? Как младшенький, Олежка, родился, так он и давай Бог ноги. Где-нибудь собакам сено косит.

Алиса глянула на соседку исподлобья:

— Это как — собакам сено косит?

— Да разве ж собаки сено едят? — вопросом на вопрос ответила Ксения, усмехаясь.

Усмехалась она вовсе не зло, а, скорей, устало, и Алиса устыдилась своей неприязни к соседке. Ну и пусть некрасива, не всем же красавицами быть. А Ксения обняла Алису за плечи и, тихонько покачиваясь вместе с нею, заговорила:

— Всем нам, девонька, случается видеть небо с овчинку, да проходит это, ничего вечного нет. А печаль по мужчине — и это случается, пройдёт. Главное, не думать, что на нём свет клином сошёлся. А уж коли сошёлся, так от своего не отступайся, делай, как решила, иначе потом жизнь отравой покажется. Живи, как умеешь, как получится, только не жалея о том, что сама сделала. Этим сделанного не изменишь, а душе — лишняя тоска. А этого не надо, девонька, жизнь, она дли-инная, натосковаться ещё успеешь. Вот так-то, милая, ты уж мне верь, я на своём веку всякого повидала.

Это было то самое плечо, уткнувшись в которое, Алисе так хотелось поплакать. Ксения говорила простые, обыденные вещи, но в её устах они превращались в вечные истины, и Алиса готова была слушать её до утра.

До утра не пришлось, прибежала дежурная сестра и заверещала:

— Вот где четвёртая палата заседает! А ну марш по постелям, а вам, Белецкая, и вовсе подниматься нельзя!

— Подниматься нельзя только из гроба, — мрачновато пошутила Ксения, — да и то, если уж нажилась вволю.

Неожиданно подмигнув Алисе, Ксения покорно зашаркала тапками к выходу, за нею пошла и Алиса. Бедлам в душе как-то улёгся, легче не стало, стало спокойней. Алиса ещё не знала, что многие девичьи печали врачуются вот такими материнскими разговорами.

Придя в палату, они легли, каждая думая о своём. Ксения — об оставшихся под присмотром соседки четверых детях, Алиса — о докторе с арабскими глазами и о том, что делать со своим дурацким увлечением. Теперь у неё уже не было той отчаянной храбрости, с которой она собиралась ворваться в ординаторскую, а была грусть о не свершившемся, о не бывшем и несбыточном. Да и не стоило сбываться этой бредовой девичьей фантазии, мало ли что в легкомысленную голову взбредёт?

С такою грустью Алиса укладывалась спать и, намучившись, быстро уснула. И снова бежала во сне, путаясь в длинных травах чёртова болота, а неведомое Нечто настигало, горячо дышало в затылок, и Алиса отчётливо понимала — спасения от него нет..



Проснулась оттого, что кто-то осторожно тронул её за плечо, спросенок едва не завопила от ужаса. В неширокой полосе голубоватого света коридорного ночника, падавшей из приоткрытой двери, бледным казалось темноглазое лицо доктора Валерия Антоновича. На нём не было привычного высокого колпака, и тёмные волосы, зачёсанные за уши, показались Алисе необычными.

— Кошмар снился? — шёпотом спросил доктор.

Алиса молча закивала. Наверное, она стонала во сне, чем и привлекла внимание Валерия Антоновича. Доктор присел на стул у её кровати и спросил:

— Может быть, успокаивающего дать?

— Спасибо, не надо.

Валерий Антонович взял Алисино запястье, пытаясь посчитать сумасшедше скачущий пульс, и это прикосновение сладкой дрожью прошло по всему телу девочки. Не сознавая, что делает, она высвободила руку из докторовых пальцев и скользнула ею в широкий рукав хирургической куртки. Валерий Антонович замер, глаза его, казалось, стали ещё огромнее в темноте. Сглотнув, он едва слышно прошептал:

— Вы... Ты отдаёшь себе отчёт?

Алиса молча замотала головой, продолжая гладить пальцами нежную кожу локтевого сгиба доктора. Это было как сумасшествие, как бред, как наваждение. Черноволосый доктор клонился к Алисиному лицу, и она уже слышала прикосновения его губ к своей щеке...

Скрип соседней кровати почти слился с кашлем Ксении, и доктор испуганно отпрянул от Алисы. А её била дрожь, самая настоящая.

— Я скажу сестре, чтобы она дала вам успокаивающее, — негромко сказал Валерий Антонович и вышел из палаты. Вот тут-то Алиса дала волю слезам. Уткнувшись в подушку, чтобы не очень шуметь, она рыдала самозабвенно, так, как только можно в шестнадцать лет. Потом рыдания перешли в тихие всхлипывания, и Алиса сама не заметила, как уснула...

4

Детство всегда оставляет по себе яркие воспоминания. Ни одно событие, происшедшее в жизни взрослого человека, не сравнится по насыщенности деталями и колориту с воспоминаниями детства. Ещё не зная этого, мальчик жил своей собственной, странноватой жизнью, располагавшейся в строгих рамках установленных тётей Лилей правил, между жутковатой дверью в угольный подвал, страшной — кладовки, и — звёздами, к которым устремлялась душа мальчика. Молчаливый и замкнутый, он не умел заводить себе друзей, а рыбок вместе с аквариумом тётя Лиля отдала в ближайший детский сад, ей показалось, что от аквариума неприятно пахнет.

Это было утратой. Мальчик уже считал себя “большим” и постеснялся плакать, но, ложась спать, всё думал о своих рыбках. Как им там — у чужих людей, без него? Существа, обитающие в темноте, обступили мальчика, едва он погасил свет. Он не видел их, но знал, что они здесь. И тогда он разозлился. Эти создания тьмы пользуются его страхами, питаются, живут ими. Сколько можно быть покорным и запуганным?

План, составившийся в голове мальчика, был безумен, учитывая его страхи, и всё-таки мальчик решился. В полной темноте, босиком и в пижаме, давно уже ставшей короткой для его вытянувшихся рук и ног,



мальчик отправился на кухню. То, что он хотел там сделать, ужасало его, но — это был поступок отчаяния, сродни прыжку из окна многоэтажки.

Лунный свет полосами раскрасил кухню, отражался от до блеска начищенного кафеля над раковиной, серебрил тонкую фигуру мальчика, решительно направившегося к двери в подвал. Он был уверен, что именно там, в обиталище живущих во тьме, он сможет доказать им свою независимость и смелость. Дверь в угольный подвал подалась со скрипом, в крошечную тьму уходили деревянные ступеньки. Луна не проникла в подвал, это было настоящее царство тьмы. Держась одной рукой за шершавую оштукатуренную стену, мальчик спустился по ступенькам и, ощутив босыми ногами бетонный пол подвала, остановился. Вверху и позади, наполненная лунным сиянием, оставалась относительно безопасная кухня, но вернуться сейчас — значит навсегда смириться с тем, что тьма сильнее его. А этого мальчик больше не мог терпеть. И он шагнул вперёд, ещё, отпустил стену, казавшуюся последним оплотом реального мира, и оказался в центре подвала. В крошечной тьме ему мнилось, что он видит кривляющиеся силуэты подвальных жителей, обступивших его со всех сторон. Конечно же, это был обман зрения, вызванный напряжением глаз.

Звук, раздавшийся впереди и сбоку, едва не заставил мальчика ринуться назад. Сообразив, что это больше похоже на мышиную возню, он топнул босой ногой, срывающимся голосом пригрозил:

— Вот я вас!

Он на ощупь дошёл до угольного ящика и в доказательство своего подвига взял из него кусок угля. Кому доказывать? Да самому себе. Беспрепятственно мальчик вернулся в кухню. Он торжествовал победу. Не то чтобы он перестал верить в обитающих во тьме, просто понял, что он сильнее их. И в этот момент под потолком кухни вспыхнул розовым ажурный плафон. Тётя Лиля, запахивая халат на тощем теле, недоуменно воззрилась на племянника.

— И что всё это значит? Хотел мне назло перепачкать постель? Зачем тебе уголь?

Мальчик не знал, что ответить, ведь действительно, и ладони его, и ноги были перемазаны угольной пылью.

— Отлично. Отвечать ты не желаешь.

Тётя Лиля брезгливо взяла кусок угля из руки мальчика, выбросила “боевой трофей” в мусорное ведро и велела идти в ванную.

Моясь холодной водой (топить колонку среди ночи никто бы не стал), мальчик думал о том, что когда-нибудь он преодолеет и страх перед тётёй Лилей. Ведь нельзя же вечно терпеть её тиранию. Тьма, окружавшая его с самого раннего детства, уже не казалась такой плотной и непроницаемой, а её обитатели (теперь он точно знал) — не более чем химеры, боящиеся даже лунного света.

Вымывшись, мальчик лёг в постель, поплотнее укутал одеялом продрогшее тело и, больше не вспомнив о рыбаках, уснул.

... Лето в этом году выдалось жарким и сухим. Мальчика не взяли в летний лагерь из-за какой-то неожиданно выступившей на теле сыпи, и он остался дома. Тётя Лиля, сердито отчитав его за сыпь, словно он сам её нарочно создал, задумчиво сказала:

— А может быть, это и аллергия.



Теперь в обязанности мальчика входило поливание огорода, кормление уже совсем беспомощной бабушки в те дни, когда тётя Лиля работала, и смена бабушкиной постели. Мальчик был рад, что ему не приходилось стирать эту постель, это ежедневно делала тётя Лиля, возвращаясь с работы.

Когда бабушка утратила речь — осталось неясным, она всегда была не слишком разговорчивой. Мальчик с усилием поворачивал в кровати грузное тело старухи, а она что-то мычала и сердито тыкала во внука пальцем. Конечно, лучше было бы нанять бабушке сиделку, но тётя Лиля сказала, чтобы он и не надеялся, они не миллионеры, чтобы платить прислуге.

С достопамятного ночного визита в угольный подвал мальчик начал стремительно взрослеть. Теперь его не удивляло отношение к нему тётя Лили. А как ещё должна была относиться к чужому ребёнку, лишившему её возможности создать собственную семью, старая дева? В своё время властная и деспотичная бабушка запретила тёте Лиле и мечтать о замужестве, чтобы она не вздумала бросить её одну с внуком. Тётя Лиля, в отличие от своей непутёвой старшей сестры, была дочерью послушной. От неё требовалась жертва, и она её принесла. Но никто не запрещал ей высказывать своё мнение по этому поводу.

Неожиданно для себя мальчик понял, что, в общем-то, у них с тётей Лилей, кроме друг друга, никого на свете нет. Выжившая из ума руина, оставшаяся от бабушки — не в счёт. Однако даже родственные чувства, робко пробуждающиеся в душе мальчика, натолкнулись на резкое неприятие тётя Лили.

— Мне что теперь — приходиться поцеловать тебя на ночь? — спросила она, когда он попытался поделиться с нею своими мыслями.

Она оставалась прежней — несгибаемой, бесцветной и нудной, как зубная боль. Только для мальчика тётка больше не была бессмысленным тираном, теперь он знал — её, как и его, окружает тьма. Тьма одиночества, нереализованного женского начала, эгоизма — чужого и самых близких людей, равнодушия. И выжить в этой тьме проще всего именно такой — колючей, равнодушной, лишённой человеческих, добрых чувств. Какой тётя Лиля и стала.

Смерть бабушки для них была не утратой, а скорей, освобождением, как, наверное, и для неё самой. Тётя Лиля в чёрном платке, из-под которого выбивались мочальные волосы, без слёз сидела у огромного гроба, в который еле втиснули непомерно раздувшееся тело старухи. Иногда мальчик приходил к тёте Лиле, пытался быть рядом с нею, но чувствовал себя при этом совершенно лишним, да и гнала она его. В дом набились соседские старухи, пахло свечным воском, старушечьим духом, и страшноватый запах разложения доминировал над всем этим.

Бабушку похоронили очень быстро — лето, как уже было сказано, выдалось жарким. Вернувшись с кладбища, накормили старух борщом, блинами, налили им по стопочке водки. Тётя Лиля так и не проронила ни слезинки, за что бабки единодушно осудили её. Впрочем, она не обращала никакого внимания на старух. Равно как и на мальчика. А он, лишившись большей (и неприятнейшей) части своих обязанностей, чувствовал, скорее, облегчение, нежели скорбь.

— Вот так и меня зароешь, — сказала тётя Лиля, — и не вздумай прикидываться горем убитым.



Он промолчал, не желая провоцировать перебранку. В конце концов, у тётки Лили больше прав не любить его, чем кого-нибудь другого.

Бабушкину комнату тётя Лиля чисто прибрала и заперла на ключ. Зачем она это сделала — мальчик не понимал, но он уже давно смирился с тёткиными странностями. А тут ещё нагрязнула любовь. Тихая, безответная, похожая на обожание практикантки в школе. Мальчик влюбился в соседскую девочку Лену, которая училась в одном классе с ним. Разумеется, он и вида не подавал, что неравнодушен к Лене, что, кроме града насмешек, могла вызвать его бестолковая любовь?

Тётя Лиля давно не следила за тем, что читает мальчик. А он, помня скандал с Мопассаном, потихоньку таскал в свою комнату книги Шекспира из богатой библиотеки в гостиной. Эти книги начал собирать ещё дед, бабушка тоже слыла библиофилкой, тётя Лиля нет-нет да и приносила в дом какую-нибудь книгу, поэтому библиотека была обширной, но лишённой какой бы то ни было системы. Здесь рядом с серьёзными подписными изданиями можно было обнаружить легкомысленный детектив в бумажной обложке, истинное дорожное чтиво. Но мальчик уже научился разбираться в книгах, и детская “всеядность” в чтении пропала.

Шекспиром, как и полудетской, глупой любовью, мальчик просто заболел. Он перечитал все восемь томов, которые нашлись в книжных шкафах, а карманное издание сонетов стал носить с собой. Благо, теперь тётя Лиля мало интересовалась содержимым его карманов.

После смерти бабушки тётка совсем высохла и очерствела душой. Если раньше она всё время пилила мальчика, надоедала упрёками и морализаторством, то теперь, очевидно, решив, что выполнила данное бабушке обещание, она просто не замечала мальчика. Случалось, что за неделю они не обмолвились и словом. Впрочем, тётя Лиля как-то очень быстро старела, и мальчик решил, что с нею происходит то же самое, что было с бабушкой. Аквариум. Собственный персональный аквариум, в который нет доступа никому, даже такому же одинокому мальчику. Оставив безрезультатные попытки сближения с тёткой, мальчик стал иронизировать над нею и самим собой. Тёти Лилино погружение в себя он называл “автономным плаванием”, а себя — “противолодочным катером” и “фактором беспокойства”.

Шекспир и мечты о Лене, не всегда скромные, а потому и не нуждавшиеся в обнародовании, странной, ранящей нежностью наполняли душу мальчика. Он готов был полюбить весь мир, даже такой неудобный, не принимающий его, семнадцатилетнего, всерьёз. Но мир не желал любви мальчика, и то и дело причинял ему боль. Самым болезненным стало то, что Лена успела обзавестись ухажёром, настоящим взрослым мужчиной, против которого шансы мальчика были ничтожны. На деле уяснив мнение Шекспира о женщинах, высказанное устами Гамлета, мальчик впал в тоску. Это чувство не имело ничего общего с романтическим байронизмом, популярным среди его сверстников, благодаря заниженной самооценке мальчик решил, что он глуп, некрасив и вообще — неспособен привлечь внимание особи противоположного пола. Кто бы знал, как тягостно это для подрастающего мужчины! Он плохо спал ночами, снилось беспокойные, душные кошмары. Тьма, всё та же тьма окружала мальчика, и он заставлял себя поступать наперекор законам тьмы. Иногда это требовало всей его мальчишеской выдержки, недюжинной силы воли.



Тётя Лиля, заметив перемену в племяннике, недовольно сказала, что он стал упрямее осла.

— Конечно, если воспитали ослицы... — грубо брякнул мальчик в ответ.

И — странно — тётя Лиля промолчала. Или опять ушла в “автономное плавание”?

Детство ещё оставалось где-то на задворках души мальчика, говорят, что у некоторых людей оно и не уходит совсем, а впереди была жёсткая и тёмная взрослая жизнь. И мальчик понял, что не он один блуждает во тьме, человечество в основной своей массе живёт по законам тьмы, и это, к сожалению, уже не нуждалось в доказательствах.

Не злой и не добрый, не чуткий и не грубый, мальчик вышел во взрослый мир одновременно с поступлением в институт. Тётю Лилю несколько не трогало то, что институт находится в другом городе, следуя, скорее, традиции, нежели зову души, она собрала вещички мальчика, дала на дорогу немного денег и выпроводила его из дома, в котором оставалась одна-одинёшенька...

5

Дома! Наконец-то дома! Алиса едва не прыгала от радости. В светлой комнате с игрушечным медвежонком и компьютером на фасонистом столике даже дышалось легче. А вместо до смерти надоевшего больничного ситца окно прикрывала кружевная занавесь во всю стену. Но, странно, Алисе вдруг показалось, что какая-то часть её всё-таки осталась в больнице, что вернулась она не полностью. С чего бы это? К погрустневшей дочери заглянул папа.

— Ну чего ты, Заяц? Ведь всё хорошо кончилось. А завтра вернётся из командировки мама, и опять будем все в сборе.

Папа взял Алису за плечи и слегка встряхнул. Алиса улыбнулась ему, кивнула головой, но отголосок чего-то тоскливого оставался.

— Устала, наверное, после больницы? — вслух подумал папа. — Приляг, отдохни, а я пока ужин соображу.

Папа умел хорошо готовить, а что-то — даже лучше мамы. Частые мамини разъезды никак не отражались на питании семьи. И Алиса подумала, что было бы очень хорошо, если бы папа приготовил курицу “по-холостяцки”, с перцем и чесноком. Это у него здорово получалось.

Не раскрывая постель, Алиса прилегла, веки сами собой опустились. Она не спала, погружённая в приятную дрему, всё время возвращалась к мысли — она дома. И была бы совсем счастливой, если бы не гнусная мыслишка на самой окраине сознания. Мыслишка, обвинявшая Алису в некой моральной нечистоплотности, в попытке соблазнения взрослого мужчины, и — едва ощутимое сожаление о том, что ничего из этого не вышло.

Рассердившись сама на себя, Алиса встала и, не зная, чем себя занять (что прежде казалось невероятным), присела к компьютеру. Пискнув, машина послушно загрузилась, и Алиса бессмысленно уставилась в монитор. Что дальше — слушать музыку? Играть? Проверить на верняка накопившуюся за неделю почту? Ничего этого не хотелось. Алиса чувствовала себя выбитой из колеи и не находила этому стоящей причине. Что-то переменялось в ней самой, стало другим, чуточку чужим и неловким, как кузнечик с переломанными лапками. И было жаль



безвозвратно ушедшего светлого прошлого, и к тому, что есть, ещё нужно было привыкнуть.

Из кухни потянуло чем-то вкусненьким, и Алиса догадалась, что папа жарит курицу. Ну надо же — стоило только подумать об этом! Как все девочки с ещё не сформировавшимся характером, Алиса очень легко переходила от грусти к веселью, и предвкушение ужина сказалось на её состоянии положительно. Хорошо всё-таки быть дома.

Она соскучилась сидеть в своей комнате, и пошла к папе на кухню. Напевая что-то невнятное, папа увлечённо готовил. Передник с петушком на худощавой папиной фигуре казался столь же привычным, как и строгий галстук. Милый папа! Алиса только сейчас поняла — как она соскучилась по нему.

Присев за столик у окна, на своё любимое место, Алиса подпёрлась ладошкой и принялась смотреть, как ловко папа управляет.

— Что, Зая, отдохнула? — спросил папа и, не ожидая ответа, добавил: — сейчас уже будет готово.

— А как ты догадался, что мне хотелось именно курицу?

— Сорока на хвосте принесла.

Папа достал противень из духовки и придирчиво осмотрел его.

— В самый раз.

Румяная, истекающая душистым соком, курица перекочевала на блюдо с синенькими цветочками, и папа поставил перед Алисой тарелку. Алиса не заставила себя спрашивать.

Насытившись, отец и дочь не спешили покидать кухню, здесь как-то уютней болталось о том о сём, в общем, обо всяких пустяках. Алиса рассказывала папе о больнице, папа ей — о работе. Странно, но о маме они не говорили. Об этом Алиса подумала позже, укладываясь спать. Может быть, потому, что завтра мама приедет, и всё, что захочет, скажет Алисе сама?

Засыпая в своей постели, Алиса мельком вспомнила арабские глаза доктора и нескладную фигуру Ксении, зачем-то притащившейся за нею в зимний сад. Но эти образы неуловимо скользнули куда-то, и Алиса, словно в тёплую воду, погрузилась в сон.

Утром они поехали в аэропорт, встречать маму. Маленький “Фоккер-50”, на котором она прилетела, уже сел, и вот-вот мама должна была показаться в дверях таможенного терминала. Алиса никогда раньше так не скучала по маме, наверное, сказала больница, изоляция от родных людей.

Мама вышла в зал аэропорта, высокая и стройная в перетянутом в талии сером плаще. На плече у неё висела дорожная сумка, непокорная прядка белокурых волос лезла на глаза, и мама привычным движением головы откинула её. Алиса едва не бросилась маме на шею, пыталась забрать у неё сумку, словом, вела себя, как домашний щенок, соскучившийся по “членам своей стаи”. Папа отнял сумку у Алисы, понес её в багажник машины. И тут Алиса вдруг подумала о том, что родители даже не поцеловались. Это было очень странно: обычно, прощаясь или встречаясь, папа всегда целовал маму в щёку, а сейчас — нет. Тоненькая ледяная иголочка беспокойства кольнула Алису. Может быть, они в ссоре? Но родители никогда не ссорились надолго, и уж, возвратившись из командировки, мама не поминала старых обид.

Вторая иголочка, больше и больней кольнула, когда в салоне машины повисла напряжённая тишина. Папа выруливал со стоянки, мама



устало смотрела в сторону, словно серый параллелепипед аэровокзала мог заинтересовать её. Неужели они не рады друг другу?

Алиса притихла. Она не понимала, что происходит, но ощущение беды не оставляло её. Беды неизвестной, а оттого ещё более страшной. За весь путь домой родители не сказали друг другу ни слова, молчала и Алиса, впервые растерявшись в собственной семье.

Уже дома, на кухне, за чашкой горячего чая, мама спросила:

— Ну как вы тут?

— Нормально, — ответил папа.

Ответил странным голосом, совсем не своим. Прокашлялся и с мукой взглянул на маму.

— Да что происходит? — не выдержала Алиса. — Что вы как чужие?

Мама промолчала, а папа сказал:

— Всё будет хорошо, Заяц, вот увидишь.

— Да что хорошо-то?

— Нет, я так не могу.

Мама поднялась из-за стола и ушла в спальню. Алиса требовательно уставилась на отца.

— Мама просто устала с дороги, — фальшиво сказал папа.

Было абсолютно ясно, что он лжёт. Зачем?

— Знаешь, Зая, мне пора на работу, я и так задержался.

Папа спокойно собрался и вышел, во дворе заурчал мотор. Всё, больше спрашивать не у кого. Тщательно оберегаемый внутренний мир мамы неприкосновенен, и если она не хочет о чём-то разговаривать, лучше к ней не приставать. Алиса ушла в свою комнату, уселась в кресло, обняв медведя, и принялась думать о том, какая кошка могла пробежать между родителями. Ведь до её болезни всё было иначе. И вчера папа был обычным, ничего особенного в его поведении Алиса не заметила. Иной была мама — напряжённая, как натянутая струна, это она внесла беспокойство в тихий уют дома. Почему?

Звонок Макса прервал Алисины размышления. Говорить с Максом вовсе не хотелось, было не до него. Алиса сослалась на подготовку к занятиям и положила трубку. В самом деле, завтра в колледж, каникулы окончились. Выходило, что все каникулы Алиса пролежала в больнице. Вот тебе и отдых. Беспокойные мысли вернулись к размолвке родителей. Что-то произошло между ними, пока Алисы не было дома. Алиса вспомнила, что вдвоём они приходили в больницу только один раз, а потом всегда по отдельности. Значит, это началось не сегодня? Но что началось?

Мама тихо прошла по коридору и вскоре в ванной зашумела вода. Алиса думала о маме, ведь неведомое нечто произошло с ней, папа-то оставался прежним. Оставался бы, поправила себя Алиса, если бы не сегодняшняя ложь. Что случилось?

Пока в ванной шумел душ, Алиса извелась, строя разные догадки, одну нелепей другой. Мама тяжело больна, и призналась в этом папе, и они оба решили скрывать это от дочери. Нет, не то. Папа не поцеловал маму в аэропорту. Значит, всё-таки ссора? Но какая страшная обида могла настолько отдалить родителей друг от друга? Ведь всё было нормально до Алисиной болезни.

Мама в махровом халате и с полотенцем на голове заглянула к дочери:

— Чаи гонять будем?



Это было настолько обычно, что Алиса едва не подпрыгнула от радости — мама была прежней! Никакой отчуждённости, и от усталости не осталось и следа. На радостях Алиса пролила заварку на стол, наливая маме чай. А мама рассказывала о поездке, делилась впечатлениями, то и дело заглядывая в свой дорожный блокнот, куда она торопливым, с разбегом, почерком заносила для памяти то, что её “зацепило”. Она рассказала о том, что сейчас носят в Алматы, о том, что там снега уже и в помине нет, а в пригородах цветут яблони. Алиса, подпершись рукой, слушала маму, иногда задавала вопросы. Мама смеялась, рассказывая о забавных случаях, свидетельницей которых она стала, и Алиса совсем успокоилась. Может быть, мама действительно просто устала? И запах, непривычный, слабый, исходящий от неё, Алисе просто почудился?

После чая мама прилегла отдохнуть, а Алиса пошла готовиться к занятиям. В колледж не хотелось, Алиса считала себя незаслуженно обойдённой судьбой. Пока её однокурсники отдыхали и развлекались, она, видите ли, валялась в больнице. Очень приятное времяпрепровождение, ничего не скажешь. А если учесть её фиаско в соблазнении доктора, то вообще — и вспоминать не хочется.

Память беспокойно метнулась, и Алиса вновь ощутила на своём лице тёплое дыхание Валерия Антоновича. Стало стыдно, страшно и — сладостно. Если бы не Ксения... И что? Что было бы дальше? Это Алиса представляла себе смутно. Знала одно — что бы ни было, она бы не стала об этом жалеть.

Почувствовав жар в лице, Алиса поняла, что покраснела. В зеркале над туалетным столиком отразились её полыхающие уши, полускрытые кудрявыми волосами. Вот так воспоминания! Необходимо срочно умыться ледяной водой, а то этот маков цвет просто несносен.

В ванной пахло маминым шампунем и — валерьянкой. Так вот что за необычный запах вилась вокруг мамы. Но... но — зачем валерьянка? Её принимают истеричные дамы и старушки-сердечницы. Мама — не истеричка, и до старушки ей далеко. Выходит, всё же есть что-то? Теперь уже не иголочка, а целая глыба льда обрушилась на Алису. Происходящее вокруг неё жило по своим собственным законам и правилам, не желая посвящать её в свои тайны. И Алиса взбунтовалась. Она решительно направилась в спальню родителей, правда, в дверь всё-таки постучала.

— Входи, — отозвалась мама, — я не сплю.

Она лежала на нерасстеленной кровати, на спине, сложив на груди руки, и ждала. Ждала Алисиного вопроса. И Алиса бухнула с порога:

— Мама, что происходит? Я имею в виду — между тобой и папой.

Мама вздохнула, но лгать не стала, и сказала просто, без предисловий:

— Папа уходит от нас.

В фильмах о врачах и больницах так говорят об умирающем. Ужас полоснул Алису по сердцу.

— Как — уходит? Он болен?

— Нет, девочка моя, здоров.

Мама села на кровати и снизу вверх посмотрела на Алису:

— А, вот ты о чём. Нет, он просто больше не будет жить с нами.

Папа, любимый, самый умный, самый добрый! Как такое может быть? Но ведь он остался таким, каким был, переменялась мама. Значит, причина в ней. Со свойственной её возрасту жестокостью Алиса спросила:



— Ты ему изменила?

— Нет.

— Тогда — почему?!

— Он полюбил другую женщину. Такое случается, малыш.

У Алисы потемнело в глазах. Этого не может быть! Её папа, её самый лучший папа, и — грязь, чужая женщина... Это невозможно!

— Ты лжёшь, — сказала Алиса.

В покрасневших маминых глазах плеснулось удивление, но она ничего не сказала по поводу Алисиного хамства. Только отрицательно покачала головой.

— Лжёшь! — уже крикнула Алиса, и бросилась вон.

Она лихорадочно одевалась, когда мама появилась на пороге её комнаты.

— Ты куда?

— К папе. Я больше не хочу с тобой разговаривать.

Алиса пронеслась мимо молчаливой мамы, как ракета, и только на улице спохватилась, что забыла ключи от квартиры...

6

Новая жизнь могла бы захватить мальчика, закрутить весёлой кутерьмой бесконтрольности, перед которой так слабы уехавшие из дома студенты. Только ему не понравилось дешёвое “плодово-выгодное” вино, которое его сверстники пили на привезённые из дома родительские деньги. Не понравились и разбитные девахи из женского общежития, с которыми так просто было договориться. Мальчик помнил о существовании аквариума, и снова замкнулся в нём, никого не впуская в его стеклянные стены. Замкнутость породила ответную неприязнь, мальчика окрестили Монахом и Дикарём и забыли о его существовании. В свою очередь, мальчик не страдал от одиночества, давно ставшего привычным для него. Он не мучился своей непохожестью на однокурсников, но и не кичился ею, просто жил сам по себе. И этот иммунитет к разгульной студенческой жизни не замедлил сказаться на учёбе. В отличие от большинства отчаянных “буршей”* у мальчика не было “хвостов” к концу первого семестра. Впрочем, зубрилой он тоже не был, просто вовремя делал то, что от него требовалось, вот и всё.

Тётя Лиля прислала коротенькое письмо, в котором сварливо выговаривала ему за возможное разгильдяйство и высказывала предположение о том, что, оказавшись без присмотра, он непременно попадёт под чужое влияние и кончит тюрьмой. Мальчик набросал в ответ несколько стандартных строк в стиле “в Багдаде всё спокойно”, месяц пронесил письмо в кармане, забывая отправить, а потом выбросил его за ненадобностью. Какое дело тётке Лиле до его поведения? Разве она не выполнила данного бабушке обещания?

У мальчика не было ностальгии по розовому детству, он жалел только изувеченный клён в палисаднике. Мысль о том, что тётки Лилина судьба весьма схожа с участью несчастного клёна, ему в голову ещё не приходила. Огромный пласт жизни, вместе со старым, потрескивающим и

* Нем. жаргон. — студент.



поскрипывающим по ночам домом, просто отвалился от бытия мальчика, и возвращать этот пласт не хотелось.

Иногда мальчику казалось, что он невероятно стар, а всё происходящее уже было и неоднократно, но дежавю проходило, и жизнь продолжалась.

Из прошлого мальчик вынес только страсть к чтению, но в магазинах почти не было хороших книг, и в библиотеках сыскать что-нибудь стоящее было непросто. Наверное, поэтому самым интересным магазином мальчик считал недавно открывшийся “Букинист”. На книги денег не было жалко, но стипендии хватало ненадолго, пришлось искать подработку. Ему повезло, взяли дворником в большой ЖЭК, даже выделили “служебную” халупку на первом этаже рядом с лифтовой шахтой.

С общежитием мальчик расстался без сожалений, у него не было там ни друзей, ни приятелей. Единственное неудобство — жил он теперь далеко от института, приходилось ездить с пересадкой. Но это неудобство компенсировалось полной изоляцией своего свободного времени от назойливого внимания однокурсников. За это мальчик получил ещё одно прозвище — Рака-отшельника, но его это не волновало.

Поначалу было противно убирать у мусоропровода, замечать за мусоровозом, потом притерпелся, работа как работа. Всё равно ведь временная. Зато теперь мальчик мог себе позволить тратить деньги на приглянувшиеся в “Букинисте” книги, примелькался там, и очень скоро перезнакомился с завсегдатаями магазина и девочками-продавщицами. Те “по знакомству” могли “придержать” понравившуюся мальчику книгу до зарплаты или договориться об обмене одной книги на другую. Мальчик дорожил расположением продавщиц и иногда приносил им шоколадки.

Зимним вечером не было ничего лучше давно искомого потрёпанного томика, неожиданно свалившегося в руки. Придя домой, мальчик грел чай и устраивался за шатким столиком, выброшенным кем-то из жильцов. Пончики с ливером по четыре копейки за штуку, несладкий чай и — вожделенная книжка. Это ли не счастье? И счастьем нисколько не мешало рычание астматического лифта за стеной, хлопанье подъездной двери, на которую мальчик недавно установил тугую пружину, и даже ошибавшиеся номером квартиры чьи-то гости не могли омрачить этого счастья.

Оказалось, что у мальчика просто энциклопедическая память. Он запоминал труднейшие имена героев прочитанных книг, малознакомых для широкого круга читателей авторов, вроде японца Нацумэ Сосэки, мог ответить на любой вопрос, связанный с прочитанными им книгами. Эти знания не систематизировались, незачем, просто лежали в памяти беспорядочным ворохом. При случае извлекались любопытным мозгом, неизвестно зачем собиравшим эту коллекцию помимо воли мальчика. Это свойство послужило причиной ещё одного прозвища, уже вовсе не обидного, мальчика стали называть Книгочеем.

Блиzkих друзей Книгочей так и не завёл, однако к его мнению стали прислушиваться, его ответы использовали в качестве аргументов в споре.

Так или иначе, но учебный год закончился гладко, без особых потрясений. Чтобы не потерять работу и свою обжитую конуру на первом этаже, мальчик не поехал домой. Написал тётке Лиле короткое письмо, в котором всё объяснил, и на этом успокоился. Тётя Лиля ответила неожиданно



обидчиво, написала, что он, мальчик, может вообще не беспокоиться ни о ней, ни о родном доме. В его заботах не нуждаются ни она, ни он. “Чудит старушка”, — решил мальчик, но оставил всё, как есть.

Он выполнял несложные обязанности дворника, читал книги, валялся на горячем песке на берегу реки Эны, словом, использовал каникулы по своему усмотрению. Одиночество по-прежнему не тяготило его, разве что — влекли, влекли пёстрые юбки и загорелые девичьи тела энских пляжей. Иногда девицы бросали на мальчика выразительные взгляды, и он решил, что не так уж плохо выглядит. В самом деле, юношеские прыщи как-то сами собой пропали, мальчишечья клочковатая борода превратилась в жёсткую щетину, которую необходимо было сбривать каждый день. Иногда, намыливая смуглые щёки, мальчик жалел, что времена бородатых дворников в брезентовых фартуках до полу прошли.

О своих детских страхах мальчик больше не вспоминал, единственное, что прочно вросло в его сознание — страх темноты. Не обычной, физической, которой боятся многие дети, а темноты, окружающей человека, не умеющего справиться с собственными слабостями. Мальчик научился побеждать слабости, поступая наперекор им. Если после долгого ночного чтения утром не хотелось вставать, он всё равно вставал, но в наказание лишал себя завтрака. Если испытывал беспокойство по поводу трудного зачёта, шёл сдавать первым. Если очень хотелось заговорить с красивой однокурсницей, вообще переставал замечать её. Конечно, в своей “ковке характера” он сильно перебарщивал, и процесс этот уже отдавал рахметовщиной, но его советчиками были книги, которые не всегда правы. А вот умного, умудрённого жизнью наставника у мальчика не было. Не сварливую же тётю Лилию считать им? Правда, была ещё Елизавета Петровна, очень гордившаяся своим “императорским” именем. Дама не упускала случая, чтобы не залучить к себе мальчика — то розетку починить, то “посмотреть” закапавший вдруг кран. Елизавета Петровна тоже жила на первом этаже, в старомодно обставленной душной квартирке, тесной от каких-то комодиков, пуфиков, креслиц. И — она была вдовой, отчаянно молодящейся тёткой лет сорока. Заманив к себе мальчика, она поила его невероятно сладким чаем с очень жирными сливочными пирожными, столь же сладким и жирным голосом говорила, бросая на гостя весьма недвусмысленные взгляды. Елизавета Петровна была большой мастерицей провокационных тем, и, отвечая ей, мальчик всегда был настороже. Мало ли как соседка сумеет истолковать его ответ.

В наставницы Елизавета Петровна явно не годилась. Не впечатляли мальчика и её коротенькие кружевные халатики, из которых яростно выпирала кондитерски розовая плоть, не соблазняли и завуалированные обещания показать — на что способна многоопытная женщина. Мальчик с трудом глотал пирожные, запивая их вязким от сахара чаем, а потом благополучно сбежал в свою убогую, но свободную от всех этих пуфиков-комодиков конуру.

Позднее лето бродило по городу, расцвечивая его последними яркими цветами, ещё маня несбыточными надеждами, но с каждым днём мальчику всё больше приходилось выметать с тротуара жёлтых листьев, а на лавочке у подъезда прекратились ночные вздохи и хихиканье. Ночи в августовском Энске прохладные, до хихиканья ли тут?



В один из последних дней августа к мальчику зашёл одноклассник Егор Постышев.

— Здорово, чёрт! — обрадованно затряс мальчикову руку Егор, — а загорел-то как, словно на югах был!

Радость Егора показалась мальчику несколько неожиданной, они никогда не были близкими друзьями. Но не отталкивать же человека.

— Знаешь, я очень много думал о тебе этим летом, — заявил Егор, — мне кажется, что ты мог бы ответить на некоторые вопросы.

— И какие же? — удивился мальчик.

— Вопрос номер один — быть или не быть?

Мальчик нарочито почесал в затылке:

— Слушай, Гамлет, на этот вопрос я ответить не смогу. Да что случилось-то?

— “Есть много, друг Горацио, на свете...” — загадочно произнёс Егор.

На минуту мальчику показалось, что Егор разыгрывает его. Но только на минуту, потому что гость вдруг вскочил с шаткого табурета и с преувеличенным вниманием принялся разглядывать книги на самодельных полках. Мальчику был знаком этот приём, так скрывают смущение. Он спокойно выждал, пока приятель снова сядет, и сказал:

— Слушай, я ведь исповедей не принимаю и отпущения грехов не даю. Не продвинулся и в чтении мыслей, так что ты уж просвети.

Некоторое время Егор смотрел на мальчика оценивающе, словно раздумывал — сказать или не сказать. Потом махнул рукой и из принесённого с собой “дипломата” добыл тяжёлую книгу в кожаном переплёте. Мальчик онемел — фолианту лет четыреста на глазок! Осторожно расстегнув позеленевшие от времени медные застёжки, он раскрыл книгу. Готический шрифт, наивные средневековые гравюры на ломких листах.

— Откуда это у тебя? — спросил мальчик.

— От верблюда. Ты лучше скажи — сколько это сокровище может стоить?

— Много...

— Без тебя знаю, что много, — грубовато ответил Егор, — а сколько именно?

— Ну, это тебе только оценщик может сказать.

Егор разочарованно забрал книгу у мальчика.

— Я думал, ты оценишь.

— Если хочешь, я покажу её знающим людям, которые смогут оценить.

— Ну нет, этой книжке лучше зря не “светиться”, да и ты помалкивай, что видел её.

После ухода Постышева мальчик долго думал о книге. Это действительно очень старый фолиант, наверняка библиографическая редкость. Но откуда он у легкомысленного Постышева? Мальчик жалел, что не догадался взглянуть на титульный лист, а на кожаном переплёте названия книги не было. Единственное, что запомнилось — латинское слово *maleficii*, что могло означать “ведьмы”, а также “колдовство” или “дурные дела”. Какой-то средневековый трактат о колдовстве?

Нужно было готовиться к занятиям, и мальчик выбросил из головы Постышева и его раритет.

Продолжение в следующем номере.



Тамара НЕЧАЕВА

“В конце пути
мы постигаем Бога...”

После праздника

Спешили мы далёкими путями
Успеть на праздник жизни и судьбы.
Теперь там ветер кружит над холмами —
Песчаные и снежные столбы,

И вечность пролегла теперь меж нами...
В лучах заката ты, теряясь, исчезал.
Неугасимое уже проснулось пламя,
И ты приходишь, как девятый вал!

Приходишь ты, и сон мой длится, длится,
Ты — это мой земной последний сон.
Неразличимы, как на небе, лица,
Но память говорит мне — это он!

Я сердцем говорю с тобою прежним,
Ты кажешься мне снова молодым,
И ты влюблён без памяти и нежен.
Я и не видела тебя другим.

Ты был, как бог! И я была моложе.
Но бог — везде, пойди его найди!
Искала истину — она всего дороже —
Нашла я бога, он у нас в груди!

Ты — это мой последний долг земному,
Здесь нет тебя — давно нет и меня.
И долгу покорилась я иному —
Хранительницы вечного огня.

И, как тогда, встаю из бездны духа,
Встаю из тех неповторимых лет.
Весь мир открыт для зрения и слуха!
И истина на всё даёт ответ!

О творчестве

Без пищи духа изнывает грудь,
И жизнь скучна, и тяжела дорога.
В конце пути мы постигаем Бога,
А творчество — к Нему короткий путь.
И счастье, если свой мы любим труд!
И отступает, словно тать, разруха.
Когда душа парит в объятьях духа,
Здесь это вдохновением зовут.
Любить людей! В ответе головой



За судьбы мира мы в кольце событий!
 Пусть служит людям дух твоих открытий,
 Тогда народный голос — голос твой!
 Придёт пора — стихии сменят нрав.
 Цветами небо засеивает грядки —
 Нектар любви мы собираем сладкий,
 Хоть с горечью целительною трав!

Язык любви

Здесь было Слово во главе угла,
 И это было равенство земное,
 Не верили мы в магию числа —
 В их двоевластии — спасенье от застоя!

Ломать — не строить. И сказать нельзя,
 Здесь камня не оставили на камне!
 И в этой революции недавней
 Врагами стали бывшие друзья.

Вводили в заблуждение народ,
 Разбили Родину, как чашу, на осколки.
 Кому — назад теперь, кому — вперёд.
 Путь к справедливости — мучительный и долгий.

Сепаратизм — к разделу путь, назад,
 Хотя бывает в нём и признак роста.
 Вы с высоты на Землю киньте взгляд —
 Ведь и её разбить, как чашу, просто!

Мы жили в дружбе, равенстве и братстве,
 Отчизну отстояли в дни войны!
 Свидетельствует мир о святотатстве
 Развала величайшей той страны!

Та Родина была для нас — святая.
 Мгновенно понастроили границ,
 И люди разлетелись, словно стаи
 На разных языках поющих птиц.

Душа, как Родина, бескрайнею была!
 Мир оказался Вавилонской башней.
 Объединял — язык любви вчерашний!
 Из-за него Земля ещё цела!

Приметы времени

Здесь детский сад и Дом культуры был...
 Их приобрёл “за так” — хозяин вёрткий.
 Кафе и супермаркетов грибы
 Взметнулись на останках перестройки.

И джунгли рынков буйно разрослись,
 Хозяин хваткий им построил крышу.
 Мечети, церкви устремились ввысь,
 Весь род людской на службу к богу вышел.



Как на погостах разрослись кресты!
И шум могуч кладбищенского леса!
И неземной прощальной красоты
Звучит в ушах Торжественная месса...

Рекламой переполнен весь эфир,
И не спасают от неё “тарелки”.
И Интернет объединяет мир,
И кризис времени показывают стрелки!

Гротеск кризиса

Нам духовность даёт приют —
Без неё человек — манкурт.
Служат плоти своей умы,
Нужен хаос для жизни тьмы.
В небе прячут наш вечный свет,
Там культуры остался след...
На дворе двадцать первый век,
Снова зверем стал человек.
Он зверей приручил давно,
Приручить себя мудрено.
Из благих намерений власть
С капиталом тогда срослась.
Всех — его корыстная цель
Загоняет в кризис, на мель.
И он рвёт пожирней кусок,
Из земли выпивает сок!
И, в стране совершив разгром,
Заметает след за “бутром”!
Выпил жизнь из деревни он,
Без работы народ обречён.
И, не зная, как дальше жить,
Разбрелись по земле бомжи.
Весь народ не станет зверьём,
Ведь жива ещё память в нём,
Как за совесть, а не за страх,
Он Отчизну спасал в боях!
Надвигалась звериная рать,
Человек сумел устоять!..
А теперь потерял лицо,
То, что было дано Творцом.
Кто в ошейнике на поводке
Припадает к чужой руке?..
Стал народ снова сир и нищ —
Ранний гость городских кладбищ.
На культуру надели суму,
Не нужна она никому.
И она на поклон идёт —
Танцовщицей новых господ.
До сих пор во все времена
Защищала народ она!
Спит духовный потенциал!



Перед зверем мир спасовал!
Вот уже две тысячи лет
С этой тьмою борется свет.
Предсказал в писаньях пророк,
Что закончится зверя срок.
И ему приходит конец —
Кризис времени шлёт Творец!
Нужен зверю наш общий страх —
Совесть мира — в наших глазах!
Человек там найдёт любой
И достоинство, и любовь!
Человечество — это Храм,
Возносящийся к небесам!
Заявляем зверю: “Мы — есмь!”.
Жизнь людей — это песней песнь!
Это скажет каждая мать —
Жизнь на деньги нельзя менять.
И не зря младенец кричал!
По карману жизнь — богачам...
И во тьме коротает век
Полузверь-получеловек.
Он рабсилою должен быть —
Знание мира всем не купить!
Потому ли — тюрьму и суму
Присудила судьба ему?
Если плохо жилью трущоб,
Значит, будет хуже ещё!
В своём чреве чужой кумир
Переваривает наш мир!
Расшатали морали твердь,
Чтобы в людях проснулся зверь.
Берегите своих детей,
Не растите из них зверей!
И пока мы на свете есть,
Пусть к народу вернётся честь!
Он, как новые господа,
Не продаст её никогда!
Наш духовный потенциал
И Отчизну, и мир спасал!
Открывается крестный путь —
Человечность людям вернуть.
Или новым балластом лечь?
Но над нами дамоклов меч —
Нам корысти грозит порок!
Чтобы в людях проснулся бог,
Нам недолгий отмерен срок!

Ищем спасения дух

Мир наш падением нравов опасен —
Зверя синдром и недуг.
Станет, как зомби, душа в одночасье,
Свой потерявшая дух.



Звёздную пыль осыпает на плечи
Кто-то невидимый — ей.
Манит в неволю, рекламой расцвечен,
Шёпот обманных огней.

Там сутенёр от свободы с куртажем
Купит вас или продаст.
Рынок (путана с космическим стажем)
На преступленья горазд.

Пляшем всем миром под адскую дудку,
Хора не слушая звёзд.
С нами сыграли коварную шутку —
Небо закрыли всерьёз.

Рвутся страну оседлать кукловоды...
Знать не привыкла к ярму.
Вся пирамида — на теле народа,
Надо привыкнуть ему!

Бросило снова нас в средневековье
Время тотальных разрух.
В нашей истории, в голосе крови
Ищем спасения дух!

Родина спит. И душе одиноко.
Колокол неба звучит!
Дух наш великий! Ты в небе высоко!
Меч ты народный и щит!

Неба приговор

Убитый жизнью, к жизни воскресал,
Когда бродил ты по горам Алтая.
Среди вершин там облака не тают,
И девственные есть ещё леса.

Росой на травы пал туман густой.
Луч золотит деревьев спящих кроны,
И родники их умывают корни.
Одним дыханьем слит ты с жизнью той!

С корыстной человеческой руки
Там вырубают лес на верховине.
И земли превращаются в пустыни,
И в глубь земли уходят родники.

И рыбы ловят воздух рыбьим ртом —
Арал уходит — соль там да болота.
Где нефть была, вода ушла в пустоты,
В пустыне этой будем жить потом!



Животных истребили мы давно,
 Кончаются природные запасы.
 Нужда нас гонит, разделив на классы.
 А будущее — будет ли оно?

Корысть — не грех — врождённый наш порок.
 У капитала тот же тип натуры.
 Духовность отделил он от культуры,
 Ему — весь мир, а храм — тебе, пророк!

Что остаётся для простых людей?
 Пока мы спорим о насущном хлебе,
 Другую пищу нам готовят в небе.
 Но век попсы не пустит нас и к ней!

И племя незнакомое, не мы,
 Мечту исполнит прежних поколений.
 Да будет свет, что не имеет тени,
 Предвестницы падения и тьмы!

Нам мать — Земля. И неба приговор —
 Отнять людей от материнской груди.
 К духовной пище перейдут все люди,
 Когда решится в пользу духа спор!

И как же надо истину любить

Когда в огне любви — земля и небо,
 К нам истина приходит, как стихи.
 Как молния, она снисходит с неба,
 В любовь переплавляя все грехи!
 И как же надо истину любить!
 Как любим мы очаг родного дома
 И Родину, где все пути знакомы,
 И вечности не прерванную нить!
 Напоминает край родимый нам,
 Что, как и мы, он к вечности причастен.
 Спасём наш мир, расколотый на части!
 Любви вселенской здесь построим Храм!
 Вопрос духовности решался испокон
 Культурой — поэзией и прозой,
 И во поле растущею берёзой,
 И музыкой, что дух берёт в полон.
 Диаспорою став в семье родной,
 Стоит поэзия в сторонке, как чужая,
 Поля культуры для себя сужая,
 Мир одержим заботою земной.
 И так ясна печаль родных степей,
 Скорбь древних гор в окаменевшем теле
 О том нечеловеческом пределе,
 Что не достичь в тщете гордыни и страстей!
 Эпоха, где инстинктам только жить,
 Предчувствует свой крах и окончанье.



И наше расширяется сознание,
 Чтоб бытие своё определить!
 Бог отразился в облике твоём!
 Оно в тебе — духовное богатство.
 Пусть снова наше равенство и братство
 Народам мира станет маяком!

На благо расширения вселенной

Оставив в Индии священные поля,
 Осели скифы у семи потоков.
 И Веды русские услышала Земля,
 И было общее в них с Ведами Востока.

Души бессмертью радовались мы,
 Героев наших гибель не страшила,
 И на исходе длительной зимы
 Мы славили природу и Ярило.

Запретным плод познания стал для нас,
 Жгли книги на кострах и ясновидцев.
 В темнице плоти дух томился, гас,
 И это время не могло продлиться.

Мы у вселенной, как зеница ока,
 Слеплены! Страстей вращаем карусель!
 Учителей нам посылали и пророков,
 Чтоб главную не забывали цель!

Три измеренья, время — только мерка,
 Лишь многомерность — мера всех вещей.
 Здесь вся Земля и Люди — наша Церковь.
 Не оскверни, не погаси свечей!

В земном аду — любви учили нас —
 Она слепцам дорогу освещает!
 Взорвали Мирву*, что к Земле неслась,
 Армагеддон теперь не угрожает.

Наш мир — трагикомическая сцена,
 И наша жизнь — один рабочий день —
 На благо расширения вселенной,
 Где будет новой жизни цитадель!

Окна вселенной

Как окна открытые — звёзды вселенной!
 Из отчего дома в просвет
 Приходит к нам вечно живой и нетленный
 Творения нового свет.

* Мирва — комета. Она должна была упасть на Землю. Это означало предсказанный конец нашей цивилизации. Взорвана Крайоном из магнетической службы.



Два солнца светили нам в небе высоком —
Юпитер звездою сиял.
Закрылось его светоносное око,
И чёрным он карликом стал.

О звёзды, вы — вечные наши кумиры,
Вы — Отчего дома привет.
Но тягой бездонною чёрные дыры
Вбирают обратно ваш след.

И нет до сих пор во вселенной застоя!
Здесь время незримо течёт,
Рождённое светом в бескрайнем просторе!
От звёздных полей его счёт.

От звёздных полей до далёкого устья
По руслу небесной реки
Плывём и поём мы от счастья и грусти
Под музыку звёздной тоски.

Щемящие сердце напевы земные —
О вечности нашей печаль.
Здесь наша Земля, наши нивы родные,
Но манит туманная даль.

За далью туманной есть дальние страны,
И звёзд мириады горят.
И жизнь возродится с рассветом багряным,
И Солнцу, как жизни, ты рад!

Приход и уход, равновесия силы —
Мы с ними всегда на плаву.
Вселенная дышит! Ушло всё, что было,
И сон наш пройдёт наяву.

Мы все здесь — пришельцы из Отчего края,
О нём нам напомнят цветы.
Туда мы восходим, как дети, играя.
И свет наш — другой частоты,

Любовь — его имя. Он наш прародитель.
Стутившись, он мир сотворил.
И каждый землянин — творец и воитель
Любви создающих сил!

Айсбергов вершины

Сюда пришли мы из других миров,
Здесь было лишь животное начало.
И на Земле тогда светлее стало —
Была духовность высшим из даров.



Борьба начал испытывала нас,
 И человек стал Янусом двуликим.
 Порой он зверем становился диким,
 Когда душа теряла с духом связь.
 Переплетает сферы бытиё,
 И общего одним касаясь боком,
 Мы помнили о вечном и высоком!
 Но стало выше общего "моё".
 Земля животный очищает смог
 Тысячелетий горестных и длинных.
 Закован дух наш на полях причинных —
 Он нашей человечности залог!
 Там Бог творит Единства полотно,
 Фрагменты мы божественной картины.
 Мы выглядим, как айсбергов вершины,
 Но главного не видно, мы — Одно!
 Проходит праздник тела, как всегда.
 К душе своей вы приложите ухо —
 Она взывает о единстве с духом!
 Он чист, как родниковая вода!
 На горних нивах — путь во все миры,
 Века — для тела, а для них — минута.
 Нам клад завещан — вечность Абсолюта
 И Разума вселенского дары!

На земле будет, как и на небе

Потеснились границы вселенной,
 Всё яснее в незримое путь —
 К тем мирам, к той Отчизне священной,
 Где мы встретимся все "как-нибудь".

И не дремлет там ангел-хранитель,
 Вездесущий, как наш Интернет.
 Там любви бесконечной обитель,
 Но тельца золотого там нет!

Всё, к чему тот телец прикоснётся,
 В наш, земной, превращается ад.
 Даже совесть, и та продаётся,
 Продаёт и отчизну примат.

Разве много для счастья нам надо?
 Разве много земля может дать?
 Всемогущество — духа награда,
 И её не купить, не продать!

На земле будет, как и на небе,
 Здесь духовности будет расцвет!
 Вспомним мы, как великую небыль,
 Безысходность промчавшихся лет!



Алекс СЕРГЕЕВ

День отца

Рассказ

Каждую ночь мне снится один и тот же сон. Жаркий майский день, пустые улицы, зародыши кленовых листьев только начинают крепчать, тёплый ветерок щекочет лицо, волны плещутся о гранит бульвара и повсюду чирикание копошащихся в песке воробьёв. Я всегда ходил со школы домой этой дорогой. Уже который десяток лет, как я закончил её. Но во сне остаюсь всё тем же мальчишкой с тяжёлым ранцем за спиной.

Вокруг никого: ни хулиганов, ни крикливых старух, ни пьяниц... Кажалось бы — радуйся, дыши полной грудью, кидай камушки в реку, кричи во всё горло, балуйся, ты же ещё ребёнок! Жизненные тяготы ещё впереди. Ты даже не подозреваешь, что придётся пережить. Поиски работы, разбитые как китайский фарфор мечты, предательства друзей, растущая с каждым днём долговая яма... Это всё в прошлом, вернее — ещё в будущем. Столь юна и наивна наша молодость. Столь беззаботна и прекрасна. А мы, как последние глупцы, тратим её впустую...

Почему я не могу расслабиться? Почему каждую ночь я иду по дневным улицам родного города настороженный? Страх паразитом засел где-то внутри. Я озираюсь по сторонам очень редко. Боюсь лишний раз повернуть голову. Смотрю вперёд и иду. Иду домой. Набитый тяжёлыми учебниками ранец давит плечи. Скорей бы спасительный двор, скорей бы...

Майский воздух трескается, рвётся на части пастями собак. Они выселили меня. Стая дворняг вышла на охоту. Их вожак замечает меня. Зачем я обернулся на их лай? Они ведь могли и не видеть... Я начинаю бежать. Быстро, отчаянно. Живая шерстяная масса мчится следом. Клыки блестят на нежном солнце, брызжет пена, десятки лап отталкиваются от тротуарной плитки, асфальта, земли. Они догоняют. Они совсем близко. Ранец мешает мне бежать, бьётся о спину. Я вспоминаю о нём и сбрасываю с плеч. Становится легче. Страх несёт мои ноги с невероятной для них скоростью. А может, я и смогу спастись?

Но воля к жизни гаснет, когда я упираюсь в стену. Стая диких собак с бешеными глазами несётся на меня. Я раздираю руки, пытаюсь забраться наверх, но слишком неглубоки уступы, слишком гладки кирпичи. Челюсти дворняги впиваются в мою ляжку. А потом ещё одни — в икру. И ещё, и ещё. И вот я лежу на асфальте. Ещё в сознании. Разрываемый собаками. А потом всё гаснет. Чернеет. Умирает.

Этот сон настолько реальный, что каждую ночь я просыпаюсь от своих криков. Один. Некому меня утешить, некому поддержать.

Сегодня особенный день! Я ждал его весь месяц. Даже кошмар не способен его омрачить. Ведь сегодня я встречаюсь с детьми. Дочурке девять.

Александр РЫЖКОВ

(псевдоним **Алекс Сергеев**) родился 5 марта 1985 г. Живёт в г. Николаеве (Украина). Магистр экологии. Аспирант, преподаватель национального университета кораблестроения имени адмирала Макарова. Публикуется в периодической печати.

В "Ниве" выступает впервые.



Она отличница в школе. Самая красивая на свете. Вздёрнутый носик, пухленькие губки. Вся в мать... Анжелина каждое утро завязывает ей огромный розовый бант. И разрешает пользоваться помадой. Лиза знает, что мне это не нравится, поэтому перед нашей встречей не красится. Пашке уже тринадцать. Совсем взрослый. Он тоже пошёл в мать. Такой же строптивый. Такие же чёрные, как смола, волосы. Те же задумчивые глаза.

Таксист уже стоял у подъезда. Я немного проспал, поэтому пришлось поторопиться. Принял душ и, едва обсохнув, натянул свой лучший костюм. Кремовый с синими пуговицами. Захватил пакет с подарками. Прохладный утренний воздух. Влажный и вкусный. Совсем недавно был дождь — мокрая земля и капельки на ветках.

Утренние пробки не смогли испортить моего хорошего настроения. Я попросил таксиста подождать. Входная дверь была закрыта. Я позвонил. Долго не открывали. Это тоже ничего, уже привык. Наконец-то открыли. Это была Лиза. На ней красовались голубенькое платьице и громадный бант. Ох, вырастет она, скольких мужчин с ума сведёт...

У лестницы стояла Анжелина. Как всегда хмурая и злая. Ничего, тебе не испортить мой маленький праздник, мегера. Сегодня никто и ничто на это не способны!

— Папочка! — полезла обниматься дочурка. — Я так по тебе соскучилась!

Я поднял её и покружил, аккуратно опустил обратно на пол.

— Кто мой послушный персик-мерсик?

— Я! Я! Я! — начала прыгать вокруг меня Лиза.

— Послушной девочкой была? — я старался не замечать полный ненависти взгляд Анжелины.

— Да! Папочка! Я была очень послушной!

— А не врешь?

Дочурка нахмурилась.

— Ну ладно, ладно. Знаю, что не врешь.

Она продолжала хмуриться.

— А у меня кое-что есть для своего персика-мерсика...

Её нежное личико вновь засияло. Глазки пылливо блеснули. Губки расплылись в самой очаровательной во всём мире улыбке.

Я достал из своего пакета коробку. Вообще-то я не большой специалист по куклам и другим девчачьим игрушкам. Но каждый мой подарок вызывал в Лизе только восторг. Этот исключением не был. Длинноногая кукла с пышными волосами, какими-то там одеждами, расчёсками и прочей глупостью в комплекте. Дорогая, зараза, но ради такой реакции дочурки я готов и не на такие затраты. Были бы деньги.

По лестнице спустился Пашка. Как всегда хмурый.

— Привет, бандит! — радостно поздоровался я.

— Иди ты, — огрызнулся он.

Некоторое время я боролся с собой. Никак не могу привыкнуть к подобным выходкам. Следовало снять ремень и хорошенько выпороть. Тогда бы он понял, что с отцом так не разговаривают. Но я сам дал себе клятву: ничто не омрачит этот день. Да и рука, попросту, не поднимется. Когда с детьми раз в месяц видишься, способен прощать многое...

Притворившись, что не расслышал ответ, я подошёл к Пашке и обнял. Он отвернулся. Такое ощущение, что обнимаешь застывшую статую, а не родного сына. Пора бы мне перестать этому удивляться.

— Был хорошим мальчиком?

— Отцепись.



— Хорошим. Я тебе подарочек принёс.

— Засунь себе его...

Я еле удержался, чтобы не дать ему затрещину. Глубоко вздохнул и достал из пакета последнюю коробку. Протянул сыну. Это был грозный робот-трансформер. Недавно показывали одноимённый фильм. Вся ребятня от них без ума.

Благодарный сынишка даже не глянул на подарок. Взял коробку и пренебрежительно швырнул на стол. Мол, погляжу потом, папаня.

Ладно, не обращаю внимания. Глубокий вдох, выдох, вдох, выдох. Пнев проходит, уступает место отцовской любви. Мне вновь хорошо и весело. Я люблю своих детей. Особенно Лизочку...

Я тщательно планировал маршрут нашей прогулки. Вначале зоопарк, потом пиццерия, потом кинотеатр, а на завершение — кондитерский магазин. Мне хотелось побаловать детишек. И себя — их присутствием. Вновь побыть полноценным отцом. Так, чтобы запомнилось надолго.

Таксист подвёз нас к зоопарку. Я расплатился и мы пошли к кассам. Уже в машине я обратил внимание на мелкие капельки на лобовом стекле. Дождик почти незаметно моросил. Солнце прятали мохнатые тучи. Я всей душой надеялся, что хуже не будет.

Клетки с экзотическими птицами. Павлины, попугаи, куропатки, фламинго, цапли, страусы — кого там только не было. Лиза восхищённо рассматривала, дразнила птиц, высовывая язык, читала таблички, радостно бегала вокруг меня, повторяя, как она рада, что я приехал. Пашка шёл хмурый как барсук. Всё его не интересовало. Как так можно? Или это он назло мне? Достал сигареты и прикурил одну. Я выдрал её у него изо рта и бросил на асфальт. Хотел накричать, но сын опередил. Покрыл меня такими матами, о существовании которых я даже и не подозревал. Потом демонстративно достал другую сигарету и прикурил. У меня опустились руки. Ладно, хоть дочурка меня любит...

Не успели мы подойти к клеткам с обезьянами, как хлынул ливень. Спасибо тебе, погода, удружила! Мы спрятались в зале с кошачьими. Жутко воняло мочой. Долго находиться там было невозможно. Мы обошли все клетки несколько раз, а дождь и не думал прекращаться.

Вонь взяла своё. Дни уже были достаточно тёплыми, чтобы не бояться заболеть, попав под дождь. Я вызвал такси и потащил детей к выходу из зоопарка. По дороге мы наткнулись на навес, под которым люди прятались от дождя. Да, там не воняло кошками. Но вдруг ливень будет идти весь день? А я столько всего запланировал.

В такси мы сели полностью мокрыми. Шофёр включил обогреватель на полную. Что ж, спасибо ему за это.

Следующим пунктом моего запланированного дня была пиццерия. Я уже давно в подобные заведения не хожу, но знаю — дети от них в полном восторге. Мы долго разъезжали по городу от одной переполненной людьми пиццерии к другой. Дождь добавил им клиентов. Но и на нашей улице настал праздник — в седьмой по счёту был свободный столик. В полуобморочном состоянии я расплачивался с таксистом. Двойной тариф, как он сказал. Не ругаться же мне с ним при детях?

Пашка тут же выбрал самый дорогой коктейль, блинчики с красной икрой, тортик и гранатовый фреш. Лиза была менее требовательной и согласилась только на пищу с молочным коктейлем. Ну и тортиком вон тем, очень аппетитно выглядящим. Хорошо, что я вчера зарплату получил...



Официантка долго не несла заказ. Ничего страшного. Всё хорошо. Моё настроение ничто не испортит. Ни дождь, ни выходки сына, и уж тем более — плохое обслуживание. Стоит только взглянуть на дочурку, сразу тепло на душе становится. Так похожа на мать...

Еда, к моему удивлению, оказалась очень пристойной, можно даже сказать — вкусной. Пашка запихивался как троплодит. Но это и к лучшему. Хотя какое-то время не будет кидаться в меня своими колкостями. Лизка тоже очень увлечённо ела. Всё нахваливала тортик. А когда пришла пора нам собираться и ехать в кино, она вдруг начала задыхаться. Свалилась на пол, держась обеими ручками за горло. Вся покраснела, бедняжка, глаза слезились, тело покрылось пятнами. Чёрт, это ведь аллергическая реакция. Я схватил официантку за шиворот. К своему дикому ужасу я узнал, что в съеденном дочуркой торте был мёд. Как я мог не спросить об этом до того, как его принесли? У Лизы страшная аллергия на мёд.

— Ты тварь, сволочь, подонок! — орал Пашка и бил меня кулаками. — Ты ублюдок, гад! Тебе мало смерти мамы?! Хочешь и сестру мою убить?!

Благо, у входа стояло такси. Держа в руках задыхающуюся Лизу, я заскочил на заднее сиденье и приказал гнать что есть силы в ближайшую больницу. Сынишка сидел спереди и звонил Анжелине, родной сестре моей покойной жены. После автокатастрофы она настояла на суде. Извратила все факты и взяла опеку над моими детьми. Я всегда знал, что она стерва, но чтоб воровать чужих детей... Я удивляюсь, как это она меня ещё в тюрьму не упрятала.

Мы успели вовремя. Врач сделал Лизе укол эуфилина и напищал всевозможными таблетками против аллергии. К вечеру, как он пообещал, её можно будет забирать домой. Домой...

Прибежала Анжелина. Как дикий зверь, она накинулась на меня, надавала пощёчин, прокляла и пообещала добиться отмены судебного решения видетсья с детьми. Ну что ж, может быть, так оно и произойдёт. Но пока я ещё имею на это право. Поэтому я пробыл в больнице до того, как Лизе стало лучше. А этого не так долго пришлось ждать, как и обещал доктор. Приблизительно через час она уже пыталась вскочить с кровати.

Анжелина повезла детей к себе домой. Я даже и не надеялся, что смогу поехать с ними. Но с Лизочкой всё в порядке, а это самое главное.

Домой я решил пройтись пешком. Всё равно делать больше нечего. Кончился дождь, и майское солнце выползло из-за туч. Я брёл по бульвару. Погружённый в тяжёлые думы. Волны речки бились о гранит. Тёплый ветерок ласкал раскрасневшееся от пощёчин лицо, сдувая на него капельки с кленовых листочков. Влажный запах земли. Как я люблю этот запах... Нет, я не виноват в смерти жены. Мы тогда ехали с вечеринки. Я сел за руль подвыпившим. Но Аня была гораздо пьянее. Это не первый раз, когда мы так возвращались домой. Конечно, надо было вызвать такси, а машину забрать утром. Но кто же мог знать? Кто?! Я ничего не нарушил. Грузовик не затормозил на красный свет и врезался в нас со стороны, где сидела Аня. Она умерла через несколько часов в больнице, а я, к сожалению, выжил... Анализ моей крови выявил алкоголь. Водитель грузовика стоял на своём, мол, ехал на зелёный. В общем, мне выпал очень плохой карточный расклад. А бездетная Анжелина этим воспользовалась.

Вдруг тишина разорвалась на мелкие кусочки злым лаем. Десятки бродячих собак, сбившихся в стаю. Их глаза горят бешенством, из их пастей течёт пена. Они бегут на меня...



В гостях у “Нивы” — литобъединение “Заречье” Костанайской области

Николай КОВТУН

(Живёт в п. Затобольск Костанайской области. Куратор районного литобъединения “Заречье”. Автор поэтических сборников “Берегите ветеранов” (2003), “Незатухающая память” (2004), “Родник” (2005), “Журавлиный клин” (2005), “Вектор удачи” (2007), “Свет и тени” (2008), “Берёзовая тишина” (2009). Член Союза журналистов Казахстана. Печатался в журналах “Простор”, “Нива”, “Берега”, в центральных, областных и районных периодических изданиях).

Весна в деревне

Запахло наконец весной,
Хотя снега ещё лежат,
И от мороза под луной
Деревья во дворе дрожат.

Назад
Возврата уже нет.
И пусть беснуется метель,
Но через несколько недель
Седой зимы исчезнет след.

В обед
Уже капель звенит,
Сосульки с крыш плетут ажур.
Сияет свежестью зенит,
Как самаркандская лазурь.

Не хмурь
Бровей и не сердись.
Смотри, как пляшут воробьи
И моют крылышки свои
Водой, стекающею с крыш.

Услышь,
Как радостно поют
Они, от света захмелев,
Как от пригревшихся деревьев
Мелодии весны плывут.

Идут
Весёлые деньки.
Плетут забот извечных сеть.
Свои озимые смотреть
С утра выходят мужики.

Легки деньки...
А пашня ждёт —
У мужиков особый срок.
Они усвоили урок,
Что лишь весна накормит год.

**Ранью**

Миг до зари
Неуловим.
Такая темь
Стоит на свете.
Чуть освежает
Дали ветер,
Над горизонтом —
Сизый дым.

И где-то там,
У стыни той,
Где тополей
Гряды чернеет,
Знакомый абрис
Водолея
Над нивой
Выгнулся дугой.

А где-то в самой
Глубине,
В едва мерцающей
Полоске,
При красоте, пока неброской,
Пробился слабый
Луч извне.

Земля вот-вот
Воспримет свет.
И заискрит
Росою поле,
Обнимет радуга
Раздолье,
Которого
Красивей нет.

Секунды быстро
Пролетят,
И вот рассвет
Сверкнёт росой,
И примет на руки
Дитя
День
С материнскою душою.

Берёзовая тишина

Как хорошо
В полях распаханых!
Стоишь один
Ночной порой.



И небо —
Звёздное опало —
Висит, искрясь,
Над головой.

Стоишь один
Над бесконечностью
Среди
Невыдуманных снов.
А Млечный Путь —
Дорога вечная —
Уходит
В глубину веков.

Тропинка льётся
В лунной мутности
В лес, где качается
Луна,
Где спит,
Наполненная мудростью,
Берёзовая тишина.

Шагнёшь,
Навеки очарованный,
В мир, где краса
Ещё жива,
И запоёт душа
Раскованно,
И в строки выльются
Слова.

Андрей УДОВИЦКИЙ

(Живёт в п. Заречный Костанайской области. Кандидат сельскохозяйственных наук. Работает завотделом картофеля Костанайского НЦИСК. Лауреат премии "Казына" областного клуба меценатов. Печатал свои стихи в краевых, союзных и областных газетах и журналах. Член Союза журналистов Казахстана).

Разговор о духовной пище

В понятии ёмком — духовная пища —
Кроется сгусток материй простых:
Кто-то в безбожии истину ищет,
А результатов ещё не достиг!
Всё ли течёт, как порою нам кажется,
А может, застыло на вечность, как лён?
Всё ли с учением Дарвина вяжется,
Так уж короток мгновения день?
Всё ли всегда познаётся в сравнении,
А если сравнимое не с чем сравнить?
Даже, порой, ошибаются гении
И рвётся о тупость красная нить!
От перекосов мышление скудное,
Тратятся даром талант и умы:
Нельзя попугайничать: "Времечко трудное", —



Время не трудное — трудные мы!
 Времени не бывает ни тяжких, ни лёгких,
 Сетовать грех на своё бытие, —
 Хватило бы воздуха — пищи для лёгких,
 Да места в газете — вот счастье моё!

Я с картошкой летаю без крыл...

По какому-то свыше наитию
 Отвечаю на сложный вопрос:
 Кто мешает нам делать открытия?
 Кто до истин простых не дорос.

Ключ к познанию один — жизнелюбие
 Без нытья и скрипучих колёс;
 Не хочу, чтоб моё трудолюбие
 В труд Сизифа без пользы влилось.

Где бы ни был: в саду ль, в огороде я,
 Вдохновеньем натружен до жил;
 Воплотилось судьбы плодородие,
 И в стихах, что попутно сложил.

Вновь крылатое слово замолвилось:
 Я с картошкой летаю без крыл,
 И ведёрко горою наполнилось,
 Значит, что-то я в жизни открыл!

Урожай — нет важнее события,
 Не грешно и уборку “обмыть”;
 Вот такие земные открытия
 Помогают всем дачникам жить!

Агроном

В саду-огороде я жизнь изучал,
 Банк генов в природе — начало начал,
 И мне непонятно, за что жизнь клянут,
 Хочу непревратно на вещи взглянуть.
 Природа — даринка, в ней только творят,
 Там каждой травинке к сезону наряд,
 Где в жмурки играют грибы-пацаны,
 Любовь проявляют, не зная цены.
 Даруй мне, Всевышний, не должность, не чин,
 Не дай мне быть лишним средь женщин, мужчин.
 По полю идущий, причастный к перу,
 Я хлеб наш насыщенный возвращу, уберу.
 Заполню амбары картошкой, зерном,
 Зачем тары-бары, коль ты агроном!
 Царю-огороду судьбу я вручал,
 Лишь грядки народу — надёжный причал,
 А всё остальное — никчёмный парад,
 У каждого Ноя — земля Арарат!



Сергей ОНЧА

(Родился в Костаная. Стихи пишет в основном для детей. Публиковался в областном литературно-художественном журнале "Берега", в городской и районной прессе. Выпустил первую книгу стихов для детей "Светофор" (2009).

Наша каша

У меня сестрёнка есть,
Зовут её Даша,
Мы решили с ней сварить
Рисовую кашу.

Но рецепт не знали мы
Даже понаслышке,
Отыскать пришлось его
В кулинарной книжке.

Книжку с полки мы достали
И страницы полистаали,
Букву "К" с сестрой нашли,
По слогам рецепт прочли.

Оказалось, всё так просто,
Можно к делу приступить,
Только бы к приходу мамы
Нам с сестрой не опоздать.

Рис в коробке мы достали,
С Дашей зёрна перебрали,
Газ зажгли, кастрюлю взяли
И воды в неё набрали.

Опустили рис, спеша,
Стали ждать с ней, не дыша.
Вода вскоре испарилась,
Наша каша — получилась!

Газ с сестрёнкой потушили,
Масло в кашу положили
И сидим, читаем книжки, —
Вот какие мы малышки!

В дверь нам вскоре позвонили,
Мы с сестрой её открыли,
Громко крикнули: "Ура!
Наша мамочка пришла!"

Три котёнка

Три котёнка, шесть ушей.
Разный цвет у малышей:
Рыжий Васька на диване
Лижет лапки все в сметане,

Белый малый, звать Снежок,
Стажил с кухни пирожок,
Ну а чёрный, как смола,
Мышь поймал из-под стола.

Мы его назвали — Ночка,
Это нашей кошки дочка.
Она вылитая мать,
Любит с мышками играть.

Вот набегались котята,
Улеглись в корзинке спать,
Кошка, видите, ребята,
Села сон их охранять.



Художница Осень
Лес разрисовала,
Что и как покрасить,
Точно она знала.

Ягодами красными
Рябину одарила,
У берёзки листики
Золотом покрыла.

Разными цветами
Вся листва сияет,
Ёжик те листочки
На шубку примеряет.

Елена ДУБОГРЕЙ

(Закончила Костанайский университет, филолог. Живёт в посёлке Заречный Костанайского района. Работает телеведущей в компании "Алау". Печаталась в журналах "Нива", "Книголюб", "Берега", в областной и районной периодике).

Переломанных крыльев,
Ещё полосующих воздух,
Ошалевших от боли
И наспех бинтованных ран,
Ей теперь не спасти...
В их попытках отчаянья доза.
В глубь зрачков пробирается
Неотвратимый туман —
Отливает наигранной верой
И ввевшейся грустью.
Растеряла броню оперенья
В бессмысленных схватках.
Поддалась искушенью надежд
И последних напутствий,
Защищая красивое тело
От властных и жалких.
... В исступлении комкает пальцы...
Крыло волочится...
Остывающий воздух хватает
Запёкшимся ртом.
Затихает в беспомощности... Ждёт...
Вдруг ещё раз приснится
Ей когда-то покорная высь
Под упругим крылом.

По тропе, темнотой укрытой,
Преступив дней минувших порог,
Ты пойдёшь с душою убитой
На восток.



Вновь припомнишь проклятье пустое
И молитвы безумный порыв...
Впереди вдруг блеснёт пустотою
Обрыв.

Ты уже отрешенье познала...
Постояв, устремившись вперёд,
И шагнёшь, чтобы тень узнала
Полёт...

Руки крыльями к небу вздымая,
Ты взлетишь — дитя высоты —
До безумства последнего края,
До черты...

Она уйдёт топить снега горячей солью
И бинтовать прорехи ран на голом теле,
Она заест труху признаний комом в горле,
Сны зазовёт в свои объятия до апреля.

Она научится дышать чужою болью,
Себя заставит прекратить паденье в память,
Заплатит дань за ею сыгранные роли
И ночь от окон ожидающих избавит.

Она отпустит дымом стопку фотографий,
За дверь отправит шум вчерашних споров
И образцы любовных каллиграфий
Решит законной силы договоров.

Она простит и окунётся в шум вокзала:
Она сильнее, чем предполагал он.

Любовь ГОЛУБЕВА

(Живёт в посёлке Мичурино Костанайского района. По профессии — медик. Стихи публиковала в литературно-художественном журнале "Берега", в областной и районной периодике).

Счастье

Укажи дорогу к счастью,
Где и как его найти,
Не ссылаясь на ненастье
И на трудности в пути.

Разбухает цвет сирени
У раскрытого окна.
А с рассветом рвётся в сени
Света яркая волна.



Спозаранок у калитки
Обсуждают бабы сны —
Про любовь, как про напитки,
С лёгким привкусом весны.

И коров ушедших стадо
Не видать за бугорком.
Что же в этой жизни надо...
Пахнет мятой, молоком,

Разноцветный блик долины,
Утро брызжет синевой...
Одному без половины, —
Что, как перст, в ночи зимой.

Весна

Заутюженный снег на дорогах.
К рассвету крепчает мороз.
И зимнего дня тревога
Весны, не скрывающей слёз.

Серебрятся под солнцем сугробы
И капли дрожат синевой.
Весенние первые пробы —
Проталинок цвет восковой.

Запощутся кроны деревьев
В прозрачно-лазурной струе...
За такое одно лишь мгновенье
Начинаешь ценить бытие.

Не пытайся меня озадачить —
Волненья совсем ни к чему.
В этом мире многое значит
Бесконечный вопрос — почему?

Предсказанья гадалок напрасно
Принимать за чистую блажь,
Судьбы повороты опасны —
Может, в них и таится кураж.

Не заканчивай жизнь обрывом —
У неё своё время, расчёт.
Хватит ей вполне перерыва —
Предъявить неоплаченный счёт.

За плечами прошедшее время,
Но не стоит сжигать мосты...
В свои судьбы многие верят
И живут воплощеньем мечты.

**Марта ПЕТРОВА**

(Живёт в посёлке Заречный. Студентка Костанайского педагогического колледжа. Печаталась в областной и районной периодике, а также в журнале "Берега").

Как много нам сказать с тобою надо,
Как много объяснить друг другу вновь.
Я знаю, мы друг другу не награда,
Наградой будет вечная любовь.

Так распахни же сердце ей навстречу,
Прими в объятия пылкие свои,
И береги её, как тайну, вечно
Ведь тайна эта только для двоих.

Природа спит под снежным одеялом —
Равнинам нет начала и конца.
И за собой куда-то увлекают,
Блестя под ярким солнцем, небеса.

Ещё вчера вокруг стояли лужи,
А за ночь всё сковало мёртвым сном.
И словно ожидая лютой стужи,
Дрожат берёзки под моим окном.

На что похожи облака?
На белые сугробы снега,
Они, как шумная река,
Что мчится в торопливом беге.

А мне напомнили они
С тобой последнее свиданье,
И тянутся чредою дни,
И плачет ветер состраданья.

Я знаю, ты уже не мой,
Но в сердце образ твой навеки.
Я всё же жду тебя домой
Попутным, свежим летним ветром.

Наталья ФИЛИН

(Живёт в п. Затобольск Костанайского района. По образованию филолог, работает корреспондентом в редакции газеты "Козкарас-Взгляд". Печаталась в областной и районной периодике).

Словно в пыльный ящик комода, заглянуть в свою душу,
Праздность и леность чертят границы.
Насладилась скупостью жизни и наружу,
Беспетельной мечты спицы.



Заливая водой фабиановский холст — сходим с ума,
Воруем ключи у других, остаёмся, немые под тяжестью связи.
Скорбным меццо-сопрано скрипнет дверь-тюрьма,
На полу сидишь и строишь глазки.

Протяни безбожные длани к небу. Слышишь набат?
Паралич из жизни, Змор из сознания.
Ведь в телесной темнице душе — ад,
Пока Радегаст не прольёт поток сострадания.

Довольствуйся тем, что есть — не аксиома,
Не акцентированных мыслей и планов пенный поток.
Не вини никого в своих бедах, жизнь — амальгама,
Тыча ликом в потемневший оконный ток.

Сотворённый из глины белой, человек — не воин,
Алебарду, отжившую — в угол, крыльев силу — ввысь.
Коллекцию мыслей чужих и путей за порог. Будь спокоен.
Всё возможно: и смысл обрести и жить.

Спицы в руки, петля за петлёй — вяжется новое..

И незачем уже возвращаться, читать дорожные вехи,
И незачем обижаться на неоспоримость судьбы.
Сердце — неликвид маскарадного тела, разума потехи,
Сердце болит, но не слышно мольбы.

Осталась лишь печаль цифровых фотографий,
Остались листы, вьются строки любви.
Рассеялось марево, пред мною мир явий,
Рассеялось прошлое, осталась лишь сладость в крови.

И словно бы извечно пребывать в аванложе,
И словно бы маргаритку сжимать в руке.
Случайностей нет: и жизнь, и смерть тоже,
Случайностей нет, его рука тихо спит, на потолке.

Уж если случилось так, неологизм возник в сердце,
Уж если иную любовь даровал.
Благослови же мой путь и открой мира дверцы,
Благослови и помоги преодолеть перевал.



Юрий ПОМИНОВ

Хроника СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Записки редактора

Книга вторая

(Окончание. Начало в № № 1-12 за 2009 г. и в № № 1-5 за 2010 г.)

1 октября**1994 года**

Библиотеки Экибастуза тоже теперь работают по законам рынка. Если раньше можно было прийти в читальный зал и свободно взять подшивку или последние номера газет, то теперь за их чтение приходится платить — по два тенге с носа. То ли ещё будет!

Приславший эту заметку П. И. Оноприенко пишет и о благотворительном вечере, который проводили в этом городе медики. Цель — собрать хоть какие-то средства для умирающей медицины. Долг лечебных учреждений города за лекарства, питание больных, коммунальные услуги достиг 33 миллионов тенге. Зарплата врачей не достигает трёх тысяч тенге, но и ту месяцами не платят. Врачи и медсёстры бегут из больниц и поликлиник: только за полгода уволилось 37 врачей и 70 медсестёр.

Но средства медики собирают не на зарплату и не на коммунальные платежи, а на лекарства и на лечение так называемых экстренных больных. Благотворительный вечер принёс медикам три миллиона 80 тысяч тенге, но это большей частью лишь векселя — то есть обещание перечислить деньги, передать продукты, лекарства. Сбор средств будет идти целый месяц.

П. И. Оноприенко цитирует Марка Твена, который когда-то сказал: “Благотворительность — это когда у вас отберут доллар, а потом вернут десять центов”. Очень похоже на нашу нынешнюю действительность.

Уже дней десять стоит прекраснейшая осень, та самая — “очей очарованье...”. Как я любил когда-то эту пору в совхозе: пышное разноцветье наших михайловских колков, последнее скуповатое тепло, умиротворённость в природе... В городе всё это ощущается не так остро, но привкус остаётся.

С утра ходил на дачу — вырезал и корчевал старую малину, наработался до пота, до усталости... И было — в радость.

Потом ходили с Ольгой в гости к Воробьёвым — Ирине Павловне и Валентину Петровичу, моим железинским землякам. Казалось бы, они совершенно разные люди, но вот свела судьба вместе. Помогаю И.П. искать спонсоров для поездки на международную выставку. Её картины из природного материала пользуются куда большим спросом за рубежом, нежели у нас.

4 октября

Увеличили состояние семьи ещё на сто долларов — итога накопили за год 500 долларов... Богатеем! Наверное, столько редактор областной российской газеты зарабатывает за пару месяцев.

**6 октября**

Убийственный материал Бейбута Байдилова о положении дел с моргами и работе похоронной службы. Морги сплошь и рядом отказываются принимать покойников — либо из-за того, что у них не работают морозильные камеры, либо из-за того, что у них нет свободных мест. И только бюро судмедэкспертизы принимает всех — и “своих” (т. е. умерших как раз не своей смертью), и “чужих”, от которых отказались везде. Всё больше становится “ничейных” трупов — это не только бомжи, но и те, кого родственники по каким-то причинам не хотят или не могут хоронить.

Минувшим летом на территории судмедэкспертизы целый месяц лежало двадцать так называемых безродных и неизвестных покойников. Не хоронили их потому, что не было гробов и обивочной материи к ним. И только после неоднократных жалоб в областную администрацию нашлось и то, и другое...

Нет теперь и похоронного бюро, зато есть кооператив. О том, как он “специально обслуживает” население, поведал недавно наш читатель, которому пришлось хоронить родственника. Нужно было отвезти умершего в морг, позвонили в кооператив и услышали в ответ: “Привезёте бензин — пришлём катафалк...”. Не дай Бог умереть в наше время!

Молодая журналистка Жанар Кентаева написала для рубрики “Монолог о жизни” исповедь проститутки. Я, помня о реакции читателей и коллег на мою “Сладкую женщину”, сомневался: давать-не давать. Опубликовали — и ни одного отклика! Притерпелись и к этому.

Российский рубль стремительно обесценивается: за две недели он “обвалился” по отношению к доллару наполовину — с 2400 до 3600 рублей за “бакс”. И никто из российских властей ничего вразумительного не говорит.

7 октября

Ни дня без неприятностей... Позавчера прямо из редакции увезли в реанимацию дядю Колю Хухарева. Он подрабатывает у нас по завхозовской части... В последнее время чувствовал себя неважно, но на работу всё равно выходил — в редакции всегда найдётся что делать, да ещё с его характером... На душе кошки скребут — вроде и я виноват в том, что случилось, хотя ещё неизвестно — удалось ли бы вызвать ему “скорую” самому, случись с ним приступ дома...

В Павлодаре прошли похороны, подобных которым здесь, пожалуй, ещё не бывало. Траурная процессия растянулась на несколько километров: десятки автомашин, идущих в три ряда по улицам в сопровождении “гаишников”, сотни людей на кладбище и поминках... Между тем усопший в свои 35 лет никаких ответственных постов не занимал и, кажется, вовсе ни на какой официальной работе не числился. Зато возглавлял одну из наиболее могущественных криминальных группировок и, по свидетельству знающих людей, был весьма влиятельным человеком. Отчаявшись найти поддержку в официальных структурах, к нему шли всякого рода обиженные, обманутые партнёрами по бизнесу, и он вершил правосудие “по понятиям”...

Говорят, погиб нелепо. Сел за руль своей новой иномарки и врезался в дерево. Был трезв, по слухам — вообще не пил, да и машину до этого сам не водил...

Похороны же как будто имели целью продемонстрировать городу — кто в нём на самом деле хозяин, власть и авторитет. После долгих колебаний сделал короткую заметку обо всём этом.

**8 октября**

Б. В. Исаев возглавляет теперь областной благотворительный фонд. Пишет в нашей газете о том, кому надо помогать: это более 160 тысяч пенсионеров и получателей разных пособий, 12700 матерей-одиночек, есть ещё детдомовцы, дети-инвалиды и т. д. и т. п. Пенсию в 700 тенге получают почти четверти пенсионеров, при том, что минимальный потребительский бюджет почти вдвое больше.

Б. В. активно занимается сбором средств, в чём ему, конечно, помогает и его руководящее партийное прошлое. Собрать предстоит сумму, эквивалентную более полутора миллионам долларов, чуть меньше должна дать республика из централизованных источников. Само собой, и этих денег не хватит, чтобы помочь всем страждущим. Но всё же...

Публикуем концепцию оздоровления экономики области. В промышленности ставка делается на создание промышленно-финансовых групп, которые объединят потенциал и финансы для решения целевых задач — скажем, выпуска на базе глинозёмного производства первичного алюминия и изделий из него. В Экибастузе уже создаётся транснациональная компания “Интеруголь” с участием угольщиков, машиностроителей — наших и российских.

Небывалый случай: со страниц нашей газеты крупнейшие промышленные “генералы” — директора Ермаковского завода ферросплавов, павлодарских алюминиевого и тракторного заводов, мясокомбината, нескольких банков агитируют земляков “сделать правильный выбор и доверить свои инвестиционные купоны фонду “Мади-инвест”. Фирмой “Мади” “рулит” мой земляк Е. Этембаев (говорят, он из “Весёлой рожи”). Он-то и учредил фонд с одноимённым названием. “Агитаторы” пишут в своём обращении, которое мы публикуем как рекламу, что годовой оборот фирмы составляет 20 миллионов долларов. Как ей удалось “раскрутиться” за столь короткое время — никому не ведомо. Именно “Мади” купила “Як-42” для павлодарского авиаотряда, и мы давали в газете снимок Е. Этембаева за штурвалом этого самолёта. Скорее всего, реклама подействует...

11 октября

Мощные заметки в “Комсомолке”: о событиях октября 1993 года; о политике и политиках; о неприятии их всех — и “ельцинистов”, и коммунистов, и демократов. В том числе и о том, что Ельцин уже заслужил своими деяниями политическое небытие. Между тем не было, наверное, в своё время большего “ельциниста”, чем сам Воцанов. Этот талантливый и — хочется в это верить — совестливый журналист пошёл даже в пресс-секретари к нему. Но очень быстро разочаровался в Ельцине — президенте и человеке. Хотя вряд ли можно согласиться с Воцановым в том, что Ельцина ждёт политическое небытие. Если даже он его заслужил, в истории он всё равно останется. Другое дело — с каким знаком...

12 октября

Вчера вечером объявлено об отставке казахстанского Кабинета министров. Этому предшествовал отчёт правительства с резкой критикой президента в его адрес. После чего и последовала отставка.

Уже давно было ясно, что это правительство обречено, непонятно лишь, почему президент так долго его отстаивал... В сообщении для прессы говорится: правительство слабо претворяло в жизнь указы президента, направленные на углубление реформ, не смогло сосредоточиться на приоритетных направлениях реформ и вообще наделало много ошибок. Хотя президент лишь недавно (и то — больше формально) дистанцировался от всего, что делает правительство, а по сути он сам руководил его работой, был фактическим главой правительства.



Даст ли что-то смена Кабмина? Станет ли он свободным в своих действиях? Новый премьер — уже третий по счёту. По третьему кругу меняются вице-премьеры, ключевые министры. Будет ли прок от всех новых? Открестится ли это правительство от “грехов” прежнего — “мы тут ни при чём”.

Как поведут себя парламентарии? Будут торжествовать (“Свалили, наконец!”) или приутихнут?

В переданном нам по каналам КазТАГ заявлении правительства говорится: “Верховный Совет вместо целенаправленной работы по созданию законодательной базы фактически занял позицию отрицания экономической стратегии правительства, ограничения его полномочий, вмешательства в оперативную хозяйственную и финансовую деятельность...”. Правда, тут же поступило указание — в печать это заявление не давать.

13 октября

Рекордное количество зерна в минувшую уборку намолотил комбайнер совхоза “Суворовский” Александр Анорин — свыше 1400 тонн. Лишь немного меньше — 1390 тонн — Игорь Высоцкий. Ещё пять механизаторов хозяйства преодолели рубеж в тысячу тонн. Вот это работа! Правда, и техника у механизаторов самая лучшая — комбайны “Дон”. А это уже заслуга директора В. И. Видикера, и вторая — пожалуй, лучший в области урожай — тоже его. Не так давно виделись с Владимиром Ивановичем. Говорит, работать стало настолько тяжело, что иногда просто отчаяние подступает.

14 октября

Из сегодняшнего “Горячего телетайпа”: в Душанбе три человека погибли в давке у хлебного магазина.

А в России экономисты-реформаторы уверяют, что обвальное падение курса рубля, скорее, благотворно скажется на отечественной экономике... По-моему, бред чистой воды...

Начальник областной налоговой инспекции К. А. Нурпеисов сказал в интервью “ЭП”, что уже со следующего года каждый из нас должен будет представлять налоговикам декларацию о доходах и нести ответственность за её достоверность частной собственностью (читай — всем своим имуществом). Каждый получит свой регистрационный номер, и, таким образом, никто не сможет укрыться от налогов.

15 октября

Новое правительство принесло присягу президенту и народу Казахстана — поклялось “посвятить все свои силы и знания делу экономического и духовного развития Казахстана...”.

Среди членов правительства есть и павлодарцы — министр финансов А. С. Павлов, министр транспорта и коммуникаций С. К. Алигужинов, председатель госкомиссии по чрезвычайным ситуациям Н. М. Макиевский.

В то время как одни не знают, как свести концы с концами, другие определяют своих жён (дочерей, родственниц) в платные палаты для родов. Стоит это удовольствие 200 долларов. Палаты — на одну роженицу (пока их всего четыре). Родня будущей матери может присутствовать при родах и помогать ей после них. Рожать “платницам” можно и в воде...

Написавшей первый материал о новой медицинской услуге Кульпаш Кобыровой главврач сказал, что реклама ему не нужна — и так от желающих “рожать за деньги” нет отбоя.



Президент Украины Л. Кучма оценил экономическую ситуацию в республике как худшую на постсоветском пространстве и среди стран Восточной Европы, исключая разве что те из них, где не затихают межнациональные конфликты. Но не сами ли украинские политики-“самостийщики” загнали себя и республику в эту ситуацию?

16 октября

Упорно тружусь над рукописью “заказной” книжки. И, кажется, уже наступает то состояние, которое Л. Н. Толстой называл энергией заблуждения. Понятно, что этот труд не будет иметь никакой художественной ценности, но в нём много интереснейшего фактического материала, и кто-то же должен был сделать эту черновую работу — перелопатить гору сырья — всевозможных докладов и справок, газетных вырезок, старых брошюр, систематизировать, “упаковать”, перевести на нормальный человеческий язык... Пройдут годы, и кто-то, возможно, уже эту мою работу, пусть далеко не совершенную, будет использовать как первоисточник... Так что надо сказать спасибо моему “соавтору”, сохранившему это “сырьё” для истории.

Новым премьером стал бывший первый вице-премьер А. М. Кажегельдин. О нём мало что известно: занимался бизнесом в Семипалатинске, затем перешёл во власть, его заметил Н. А. Назарбаев и “двинул” в правительство, а теперь и в премьеры.

Обновлённое правительство демонстрирует серьёзность и решительность своих намерений: со вчерашнего дня отпущены цены на хлеб, после чего он сразу подорожал в семь-восемь раз. И правда: сколько можно держать цены на пшеницу, добывая и без того забитое сельское хозяйство? Но, с другой стороны, если не будет компенсации малоимущим, которых становится всё больше и больше, пойдут акции протеста...

Договорился с Николаем Корзенниковым (когда-то он работал у нас в “ЗП”, а теперь в “Омской правде”), чтобы он написал несколько песен на Ольгины стихи. Он записал их на магнитофон и уже передал кассету. Я Ольге ничего не говорю — готовлю сюрприз.

18 октября

А. М. Кажегельдин на первой конференции в качестве премьера заявил: в возглавляемое им правительство люди пришли работать не на себя, а на республику. Каждому министру дано право свободно формировать собственную команду.

Вроде всё правильно, но если правительство за последние три-четыре года меняется уже третий раз, и каждый новый министр всё время будет приводить новую команду, то вряд ли это пойдёт на пользу правительству, да и стране тоже.

Обламинистрация принимает экстренные меры, пытаясь хоть как-то помочь малообеспеченным в связи с отпуском цен на хлеб. Кстати, продажа хлеба в Павлодаре сразу после повышения его стоимости уменьшилась примерно на четверть.

В России зарегистрировано около 700 тысяч беженцев и вынужденных переселенцев из стран ближнего зарубежья. Ещё около миллиона пытаются обустроиться сами, не получив ещё официального статуса.

**20 октября**

Павлодарский алюминиевый завод — на грани банкротства. Причём не по своей вине. Столичная фирма, которая подрядилась продавать его глинозём, продукцию исправно получала, а деньги за неё не возвращала. В результате долги завода достигли астрономической суммы — миллиард 600 миллионов тенге.

Предприятие должно всем: поставщикам бокситов, железнодорожникам, энергетикам, таможенникам... Энергетики от предупреждений перешли к действиям и отключили тепло. Его нет ни в заводских цехах, ни в кабинетах управленцев...

Выход видится в создании альянса — промышленно-финансовой группы, куда, кроме завода, войдут угольные предприятия Экибастуза, железная дорога и Павлодарская ТЭЦ-1.

Из опубликованного сегодня сообщения облстатуправления об итогах работы за девять месяцев. В Павлодаре промышленность “упала” на 35 процентов, в Аксу — на 32, и только Экибастуз худо-бедно держится — здесь производство уменьшилось на девять процентов.

Средняя месячная заработная плата по области составляет 2655 тенге. Максимальная — 14273 тенге, минимальная — 248. Зарплата в здравоохранении, образовании, сельском хозяйстве, культуре — в 2,5-3,5 раза ниже среднеобластной.

Отличный материал Зои Алексеевны Суворовой о родословной семьи Берестовских-Кореней, обосновавшихся в нашем краю сто лет назад. Историю семьи много лет изучал и продолжает это делать Фёдор Григорьевич Берестовский. А Георгий Григорьевич Берестовский, с которым мне посчастливилось общаться, стал одним из основателей почвозащитной системы земледелия на целине, лауреатом Ленинской премии.

Вся сегодняшняя страница “Мир семьи”, которую ведёт Суворова, очень хороша. Зоя Алексеевна вкладывает в неё всю душу.

21 октября

Так случилось — побывал в родных краях: правда, не в “Михайловском”, а в окрестностях Церковного... Поздняя осень, голые, неприкаянные околки, сухая серая трава, серое небо... Ветрено, неудобно... А всё равно хорошо!

Схоронили сына Сергея Горбунова. Взрослый уже парень — спокойный, самостоятельный. Провожал девушку — привязались несколько других парней. Избили до полусмерти... Больше месяца пролежал в больнице — уже получело-веком, пока не умер.

Похоронили рядом с матерью, которая умерла, когда ему было тринадцать лет.

На Серёгу смотреть страшно: сначала жена, теперь вот сын... За что ему всё это?

Будут ли наказаны убийцы сына — неизвестно: расследование обстоятельств этого дела ведётся кое-как...

Вообще сегодня человеку, попавшему в сети криминалитета, неоткуда ждать защиты... Не так давно наши Вороновы буквально бежали из Павлодара после того, как их стали преследовать некие молодые подонки из Москвы, претендующие на вороновские “Жигули”. Пару месяцев назад точно так же поступил известный павлодарский журналист: его донимали “партнёры” сына, которым он якобы задолжал. Между тем этот журналист был человек со связями — в том числе и в правоохранительных органах...

Так мы теперь живём...



Меня в очередной раз навестил Пашка Бабенко. Свой прежний бизнес он забросил, создал крестьянское хозяйство, которое, впрочем, тоже пока ничего не производит.. Так и не понял — зачем он приезжал. От нас направился в Томск...

Мне Пашка долго морочил голову своей гениальной идеей создания новой сексуальной эпопеи — “Декамерона наших дней”, или “1001 ночи наоборот”. У этого произведения должно быть два главных героя — вор и проститутка, у которых богатейший жизненный опыт по “этой” части. Встретившись, они предаются любовным утехам, но потом их пыл угасает, а расставаться не хочется... И тогда они начинают рассказывать друг другу истории “про это”, которые с ними случались, подчас самые невероятные. Что опять их сексуально раззадоривает и снова и снова бросает в объятия друг друга...

Я поинтересовался у Пашки — где взять столько историй? Нет ничего проще, отвечивал он: надо через газеты обратиться к людям — пусть присылают свои. От желающих, по его мнению, отбоя не будет, особенно если платить им гонорар.

— Почему бы тебе самому не заняться этим проектом? — спросил я, не шибко вдохновлённый идеей.

— Мне надо новый бизнес налаживать, — отвечивал он, — а ты бы, я думаю, смог.. Кстати, почему не спросишь — чем всё закончится?

— И чем же?

— В конце концов герой распаляется не на шутку, ему “всё время надо”, а ей он уже наскучил, ей хочется чего-нибудь “свежего”. И, понимая, что ему её не удержать, он её убивает.

22 октября

Умер Сергей Фёдорович Бондарчук — один из лучших советских режиссёров. “Судьба человека”, “Война и мир”, “Они сражались за Родину” — всё это его фильмы.

Кинематографисты-демократы в разгар перестройки попросту гнобили этого великого мастера кино, хотя большинство из них ему в подмётки не годились. Бондарчуку не давали снимать и сниматься...

В последние годы он снимал многосерийный фильм по роману Михаила Шолохова “Тихий Дон” — на деньги какого-то, кажется, итальянского компаньона. Но он эту работу не закончил, что будет с фильмом — неизвестно.

Не дремлют наши таможенники — задержали на границе незаконно вывозимые четыре тонны соли, трактор, тонну свинины, 300 булок хлеба и четырёх живых овец...

23 октября

Звонили неизвестные — по поводу нашей заметки о пышных похоронах криминального авторитета, допытывались — чья идея, кто автор? Себя не называли, я тоже не раскололся. Разговор шёл неприятный, тягучий: мне ясно давали понять, что я лезу в такие дела, которые могут мне стоить многих неприятностей. И целый день потом было сумрачное, тревожное состояние.

В Москве похоронили журналиста “Московского комсомольца” Дмитрия Холодова. Он вёл собственное расследование о коррупции в российской армии. Ему позвонили, сказали, что для него оставлен в камере хранения “дипломат” с интересующими его материалами. И когда Холодов, забрав его, начал в редакции открывать, раздался взрыв.



Редактор “МК” Павел Гусев с экрана ТВ обвинил в смерти журналиста министра обороны России Грачёва — в том смысле, что и сам он нечист на руку, и другим потакает. Грачёв написал встречное заявление — уже в связи с высказываниями Гусева...

А молодого парня, который даже жениться не успел, нет и никогда больше не будет...

26 октября

Отпраздновали День республики. Особо пышно — в Алма-Ате, с театрализованными представлениями, демонстрацией боевых искусств (воины разбивали на собственных головах бутылки, ломали доски), народными гуляньями.

Старые праздники (7 ноября, 1 Мая) уходят в прошлое, новые только рождаются, люди к ним ещё не привыкли, они пока не выкристаллизовались...

Я в поте лица трудился над материалами для заказной книги. С разбором бумаг закончил, дело за малым — остаётся написать.

Ходили с Ольгой на день рождения к С. П. Шевченко. Подарили ему лампу — керосиновую. Во-первых, как символ (он ведёт передачу по местному ТВ “Зелёная лампа”); во-вторых, как нужную в хозяйстве вещь — теперь у нас иногда отключают свет.

Знаю немало начальников, которые с уходом на пенсию теряют некую жизненную основу, быстро дряхлеют, превращаются в брюзжащих стариков.

У С. П. же, напротив, как будто второе дыхание открылось: авторская передача на ТВ, собкорство в республиканской сельскохозяйственной газете, написал заказную книжку про завод “Октябрь”, подрядился написать ещё одну. Плюс ко всему увлёкся виноделием и достиг в нём немалых результатов. Прodeгустировали с десятка изготовленных им собственноручно вин, наливок, ликёров. Хотя мне больше всего понравилась по особому рецепту очищенная и сдобренная травками самогонка-“бурьяновка”...

На выходных выпал снег. Утром увидел его первым, за мной встал Пашка. — У меня для тебя сюрприз, — сказал я, — посмотри-ка в окно!

Он подбежал:

— Я знал... У меня было предчувствие...

Нашёл же слово! И сразу засобирался на улицу...

Такое настроение и у меня всегда бывало в детстве: даже не радость, а восторг — хотелось сразу куда-то идти, а если снег ещё валил, запрокинуть голову и ловить лицом снежинки. Вот и Пашке это передалось.

27 октября

Из выступления Н. А. Назарбаева на торжественном собрании, посвящённом Дню республики: “Только лишённому разума человеку не дано понять, что исход русскоязычного населения из Казахстана равноценен полному параличу республиканской экономики... И уж поверьте, если русские, украинцы, немцы, представители других братских народов покинут нашу землю, здесь тотчас начнутся внутринациональные разборки...”.

29 октября

Большинство президентов стран СНГ весьма прохладно отнеслось к настоятельному предложению Н. А. Назарбаева рассмотреть на заседании глав государств в Москве вопрос о Евразийском союзе. Хотя, как сказал на специальной созданной пресс-конференции Н. А.: Евразийский союз разом мог бы снять



все самые насущные проблемы: это единый парламент, автоматическая смена гражданства при переезде из страны в страну, официальный язык — русский, полная свобода передвижения граждан...

Теперь наш президент намерен обратиться за поддержкой к парламентариям республик, входящих в СНГ, и подумывает о проведении всенародного референдума. Хотя референдум, помнится, уже был, и за сохранение СССР высказалось примерно три четверти его участников, что, однако, не помешало трём президентам-демократам объявить этот Союз несуществующим...

Провалилась идея экибастузцев ввести в городе бесплатный проезд, обложив “транспортным налогом” предприятия и организации. На маршруты теперь выходит в лучшем случае треть городских автобусов, остальные на приколе: или из-за поломок, или из-за дефицита бензина.

31 октября

Выступление А. И. Солженицына в Госдуме — его показали по ТВ. Речь — блестящая, давно с этой трибуны никто не говорил так прямо, неангажированно, глубоко, искренне, с болью.

К сожалению, всю речь я не слышал, но даже то, что ухватил, произвело мощное впечатление.

А. И. говорил о бедственном положении народа и о том, что народ не понимает сути происходящего, а потому не может этого принять. О Беловежской пуще: зря пошли Ельцин и Шушкевич на поводу у Кравчука, зря не позвали на эту встречу Назарбаева; Солженицын считает необходимым воссоединение трёх славянских республик и Казахстана.

О бездушной федеративной политике нынешнего российского руководства: все эти договоры с республиками, автономиями, округами и т.д. — несусветная глупость, если действительно думать о судьбе государства.

О брошенных на произвол судьбы 25 миллионах русских в так называемом ближнем зарубежье... Другие страны посылают флотилии и эскадрильи, чтобы вызволить одного-единственного своего соотечественника, а Россия разбрасывается десятками миллионов.

О бесчинствующем чиновничестве, повальном воровстве, безумных привилегиях, установленных нынешним властью имущим.

Выглядит А. И. в свои 77 лет очень хорошо, говорит — замечательно и не по писанному, а лишь по тезисам. Уникальнейшая личность! Казалось бы, всё сделал в жизни, победил всех недругов, сказал обо всём, что хотел, с такой силой, как никто другой. Но ему этого мало. Он ещё хочет быть голосом народа, говорить от его имени. И кто, если не он, имеет на это право! Весь вопрос лишь в том — захотят ли его слушать, смогут ли услышать? Российские депутаты, например, не пожелали ни того, ни другого. Многие из них вообще вели себя по-хамски, демонстрировали откровенное неуважение к Солженицыну; мало того, что не слушали, но ещё и переговаривались, шушукались, разве что не захлопывали, как некогда другие академика Сахарова.

Да и казахстанские национал-патриоты останутся недовольны речью А. И. — он в ней упрекнул Казахстан (может быть, кстати, напрасно) в притеснение русских. Хуже всего будет, если обсуждение думского выступления Солженицына пройдёт “по верхам”, а не по глобальным вопросам, которые он затрагивал. Каждый начнёт выдёргивать нужную ему часть речи, то или иное высказывание, и так похоронят то главное, о чём надо говорить.



1 ноября
1994 года

В Павлодар приезжал один из новых вице-премьеров правительства. С удивлением наблюдал в его свите бывшего партфункционера. Человек он, в общем, пустой, недалёкий, однако со связями. Какое-то время вращался в коммерческих кругах и вот опять всплыл... Сытый, гладкий, лощёный... Резанула его фраза о детях: “Старший сын — в США, средний — в ФРГ, дочь — в Турции...”.

Уметь надо устраиваться в жизни! А в помощниках у вице-преьера мой однокурсник Нурлан Идрисов. Повидались, но пообщаться не удалось — ему было некогда.

Несколько дней — урывками по полтора-два часа — просидел в областном архиве, где сохранились документы о строительстве павлодарского железнодорожного моста. Какими невероятно содержательными могут быть справки, приказы, телеграммы! Спасибо двум замечательным женщинам — Вере Дмитриевне Болтиной и Людмиле Васильевне Шевелёвой за то, что они подарили мне эти бесценные свидетельства истории города (и не только его), и за их многолетний подвижнический труд, который мало кому виден. Давно я не работал с таким упоением.

Мост начали строить ещё до войны (Великой Отечественной), а закончили через несколько лет после её окончания, потому что военно-строительный поезд был в 1943 году отправлен в прифронтовую часть для восстановления разрушенных мостов.

С началом войны работы были засекречены, и во всех служебных документах объект стал именоваться “Строительством 102”. Жили тут по законам военного времени — даже дети. Приказ от 29 августа 1943 года гласил: “...В целях быстреего сбора урожая прося направить на работу в подсобное хозяйство учеников, окончивших 6 и 7 классов, в количестве не менее 20 человек с преподавателями... За утерю и пропажу или уничтожение постельных принадлежностей, обмундирования виновных передавать судебным органам для привлечения к уголовной ответственности...”.

На строительстве моста работали и депортированные немцы, именуемые в документах “бойцами трудовых колонн”. Один из них, минуя начальника колонны, через главного механика подал заявление о переводе его молотобойцем в кузницу, за что оба были наказаны, поскольку нарушили порядок подачи заявлений.

Но, пожалуй, самым любопытным, можно сказать, бесценным документом, стал дневник работ “Строительства 102”. Это выцветшая от времени, похожая на ученическую, тетрадь, заполненная чётким, почти каллиграфическим почерком. В ней с поразительной аккуратностью фиксировалось всё сделанное мостостроителями за каждый день — со 2 января по 20 мая 1943 года. Вела дневник техник О. Фёдорова и оставила потомкам историческую хроникю не только строительства, но и жизни людей.

“Околка льда”... “Разработка мёрзлого грунта горячими ломанами и клинья-ми (не давался никак грунт! — Ю. П.)”... “Подкатка частей шлюзового аппарата вручную на 250 погонных метров”... Или вот такая экзотическая технологическая операция: “Завешивание американского кубла на дымовую трубу локомотива и испытание его (непонятно, правда, кубла или локомотива. — Ю. П.) для электросварочных работ”...

Уже придумал, как назову материал — “Из жизни “Строительства 102””.

2 ноября

Глава Экибастузской городской администрации Р. Ш. Жуматаев в очередной раз принимает удар на себя... Ситуация на угольных предприятиях Экибастуза предзабастовочная, горняки готовы пойти на крайние меры — вплоть до



остановки предприятий и прекращения отгрузки угля, за который по-прежнему не платят многие потребители. Зарплату люди получают с перебоями, а цены растут, и никакого улучшения не предвидится...

Горняки потребовали очередной встречи со своим начальством и городскими властями. Р. Ш. Жуматаев пришёл на неё и держал ответ отнюдь не за свои грехи, а за двусмысленную, лукавую позицию правительства, которое не решает проблем угольщиков (прежде всего — это долги потребителей) и не позволяет им прекратить отгрузку угля должникам.

Р. Ш. Жуматаев говорил о катастрофической ситуации с наличностью в городе: мало того, что её не хватает для выдачи зарплаты, так и выданные деньги обратно в банки не возвращаются (в лучшем случае — 20 процентов, всё остальное “крутится” на рынке в тёмном обороте).

Жуматаев был предельно откровенен на этой встрече и сумел переломить заведомо недоброжелательный настрой участников собрания. Досталось, само собой, и ему, но он убедил горняков отказаться от акции протеста. Оставить тепловые станции и другие предприятия в преддверии зимы без тепла было бы для последних настоящей катастрофой.

В последнее время в ходу новое словечко — санация. Насколько я понимаю, это процесс оздоровления предприятий, переживающих кризис. А вот как объяснил суть этой самой санации один из членов правительства: речь идёт о сложном и трудоёмком процессе реабилитации, своего рода “воспитания”. И если применить этот процесс к производству как к человеку, то лечения и уговоров может быть недостаточно, предприятие бывает необходимо ещё и “выпороть”.

3 ноября

В области создан “Павлодарский промышленно-финансовый альянс”, в который вошли алюминиевый завод, угольные разрезы Экибастуза, “Павлодар-энерго” и управление железной дороги. Это — инициатива администрации, поддержанная правительством. Цель — стабилизировать работу промышленного комплекса области, для которого альянс должен стать своего рода паровозом, способным потянуть за собой остальные предприятия.

5 ноября

В ноябре у нас прибавилось три тысячи подписчиков. Газета выходит теперь тиражом 42226 экземпляров. Треть — 14 тысяч — это розница.

Узнал из сегодняшней “ЗП”, что в Казахстане сокращено восемь министерств и ведомств, но и осталось немало — 35 министерств и комитетов, к ним приравненных, а также одиннадцать главков и агентств. Сокращено 15359 работников органов управления, 1805 служебных легковых автомобилей...

8 ноября

Учителя средней школы имени Баймульдина Лебяжинского района не получают зарплату с июня и грозят с 13 ноября не выйти на работу. Публикуем их письмо вместе с другими, живописующими бедственное положение учительства.

Это — на первой странице. А на второй — корреспонденция Ольги Фроловой “Как я была дояркой”. Ольга сутки провела в совхозе “Заря”, ездила на дойку, ночевала у одной из доярок. Материал её достоин цитирования...

“Зарплату задерживали почти полгода. Доярки пробовали даже бастовать... Пошумели... и пошли доить коров. Скотина-то ни при чём.



... Вместо денег в совхозе выдавали продукты “под ведомость”: гречки — 3 килограмма, масла подсолнечного — 3, мяса — 5, мёду — пол-литра... А сахар надо заработать — прополоть, и не по одному разу, делая сахарной свёклы. Тогда к концу года, после её переработки на сахарном заводе в Талды-Кургане, может быть, мешок сахара дадут...”

Как выживают доярки и их семьи? А кто как. У иных большое хозяйство — скот, птица, огород. У кого-то и коровы нет: как хочешь — так и живи. Доярки ещё и приворовывают молоко:

— Я сначала не брала, — делилась с Ольгой одна, — а потом, когда не на что было купить кусок мыла, — решила. Хоть и кошки скребут на душе, и страшновато, а что делать?

Как многого я ещё не знаю... Принесли материал, приуроченный к 110-летию А. Е. Новосёлова. Он мой земляк, родился в Железинке, учился в Омском кадетском корпусе. Не понравилось, переквалифицировался в учителя. Работал в Северном и Восточном Казахстане, много путешествовал, написал ряд блестящих этнографических очерков о казаках Иртышской линии, старообрядцах Алтая.

Книгу очерков А. Е. Новосёлова “Лицо моей родины” высоко оценил А. М. Горький. О Новосёлове заговорили как о будущем Толстом Сибири.

Один из очерков А. Е. Новосёлов посвятил Павлодару.

Хороша и его художественная проза...

Я слышал, конечно, о Новосёлове и даже видел у кого-то его книгу “Беловодье”, но, к стыду своему, — не читал...

Судьба Александра Ефремовича завершилась трагически. Затянутый в водоворот революции, он вступил в партию эсеров, был избран в совет министров Сибирской областной думы, находившейся во Владивостоке, и был расстрелян в Омске.

9 ноября

Отпраздновали 40-летие сестры Натальи. Славно, по-семейному посидели... Мы с зятем Николаем “догуливали” в его новой котельной, у печки...

“Мутная” история в Усть-Каменогорске. Неизвестные похитили местного казачьего атамана. Требовали выкуп: то 600 тысяч, то 800 тысяч долларов. Потом то ли его отпустили, то ли он сам сбежал. Ещё похитители как будто требовали устранения казаков из всех официальных структур — властных, правоохранительных и т. д.

Что-то тут нечисто: не могут быть похитители такими идиотами, чтобы требовать подобного — на человеке же не написано, что он казак, а позиционируют, как теперь принято говорить, себя таковыми лишь очень немногие...

Какая-то нелепица есть в этой истории...

Наш Димка по собственной инициативе проходил предварительный отбор на учёбу в США. Первый тур прошёл, а на второй со свойственным ему раздолбайством опоздал. На том дело и закончилось... Хотя у меня с самого начала были сомнения относительно серьёзности всей этой затеи — уж слишком примитивно всё там у них делалось...

10 ноября

Оказывается, у нас и в Майском районе есть промышленное месторождение угля. И его, ещё до революции, уже добывали английские концессионеры, а в



военные годы местные жители использовали здешний уголь для сельских кузниц.

Майчане, которым накладно возить уголь из Майкубенья, пытаются возобновить добычу топлива на собственной территории. Уже начата подготовка к вскрышным работам. А запасы месторождения оцениваются в 25 миллионов тонн. В сравнении с Экибастузским месторождением — крохи, капля в море. Но району этих запасов хватит надолго, а залегает уголь неглубоко.

12 ноября

Отличный материал Людмилы Гришиной об одном из последних павлодарских голубятников. Я помню, как страстно мечтал завести голубей, посмотрев фильм “Прощайте, голуби!”.

А Юра Сакин пишет о двух семьях, уехавших из Аксу в Россию и вернувшихся обратно. Один из возвращенцев сказал ему: “Я теперь не тронусь с места, если даже мне скажут, что нашли рай земной и ждут меня там!”. Но возвращаются единицы, в то время как уезжают тысячи.

14 ноября

Ездил на похороны редактора качирской районной газеты Н.А. Проскуракова. Я несколько лет “пробивал” ему квартиру — даже на областной партийной конференции стыдил местное начальство за то, что редактор у них столько лет не имеет нормального жилья. И когда он, наконец, вселился в хороший дом, приехал отблагодарить. Обедали у нас дома, выпивали... Оказалось, у нас много общего: деревенское детство, светлые воспоминания о нём... Я настаивал на том, чтобы он написал цикл новелл о детстве — Николай Алексеевич так ярко, в картинках расписывал его... Он пообещал, и вот..

Его нашли в гараже, где он будто бы прогревал редакционную машину. Я так и не понял: был ли это трагический случай, или осознанный уход из жизни? Якобы первый раз его кто-то обнаружил там уже угоревшим. Вызвали “скорую”, но он отправил её обратно, сказав, что обойдётся без помощи. А после её отъезда вновь завёл двигатель, в том самом гараже.

Как там было на самом деле — теперь уже никто не узнает..

Что за время — никому нельзя верить. Заплатили полмиллиона тенге за 20 тонн бумаги. И меня уверяли, что она уже на складе. Стал разбираться — нет бумаги. Деньги вернули, но, во-первых, они уже обесценились процентов на десять, а, во-вторых, кто-то нагрел на этом руки. Переругался с начальством из “Полиграфии” и со своими подчинёнными...

16 ноября

Заходил один из наших редакционных пенсионеров — рассказывал, как он “общался” с нашей медициной. “Прихватило” его ночью — вызвал “скорую”. Приехавший врач спросил: есть ли дома шприцы и что-нибудь из обезболивающего? Не оказалось ни того, ни другого. “У меня тоже ничего нет”, — сказал врач. “А мне что делать?” — “Полежите, может, полегчает... Ну а нет — снова вызывайте “скорую”. Не полегчало, снова вызвали “скорую”. Увезли пенсионера в дежурную больницу, что-то вкололи, повезли на консультацию в другую больницу. Боль не отпускала... Какая-то сердобольная женщина (тоже больная) дала ампулу анальгина. Вкололи... Остаток ночи наш ветеран провёл на голой койке и утром засобирался домой. “Правильно, — обрадовались в больнице, — вы идите лучше в свою поликлинику...”. В поликлинике сказали — нужен рентгеновский снимок, а это две плёнки по 150 тенге каждая... И т. д. и т. п.

Да уж... Не дай Бог сегодня заболеть...



Как будто объявлено, что со следующего года в Казахстане, наконец, отменяется “продразвёрстка” — грабительский государственный заказ на продажу сельхозпродукции: хозяйства отныне будут вольны распоряжаться ею самостоятельно. Неужели это и впрямь будет? И не поздно ли спохватились?

Год назад в Казахстане была введена национальная валюта — тенге. Между тем в области есть люди (взрослые!), которые тенге в руках не держали. Видели, конечно, у кого-то или по телевизору, но личных тенге не имели. Это неработающие селяне, особенно в глубинке, которые не попадают под категорию малообеспеченных... Чем они живут? Натуральным хозяйством и натуральным обменом...

19 ноября

Вернулся из Алматы — с очередной международной конференции правозащитников, к коим сам не принадлежу... Зачем езжу? Всё надеюсь: может, услышу, наконец, что-то, в чём сам разобраться не могу, пойму то, что не понимаю... Увы... Опять одно большое колхозное собрание: кто — в лес, кто — по дрова, каждый о своём, никто никого не слушает... Такое впечатление, что собрались все обиженные — судьбой, собственным начальством, властями — и токуют как глухари. Выходит человек, начинает говорить, как будто нормально, потом распалывается и уже не может остановиться — “несёт” всех подряд, включая правительство, президента... Я не хочу сказать при этом, что власть у нас хорошая, но не дай Бог, что она достанется таким ораторам.

Звучали на конференции и здравые вещи, но всё это тонуло в мутном словесном болоте... Решил — больше на такие собрания не поеду. Или, если поеду, не буду ходить на них — поболтаюсь лучше по Алматы (не люблю этого её названия: мне по душе — Алма-Ата).

Записал, впрочем, всё то, что говорилось о прессе...

“ООН начала свою работу провозглашением свободы слова критерием всех других свобод...

В большинстве своём пресса в Казахстане управляема — в силу своей финансовой зависимости от центральной и региональных ветвей власти...

Появляется новый тип журналистов — “идеологических наёмников”, готовых служить кому угодно — лишь бы платили.

Прессу толкают не к статусу четвёртой власти, а к статусу первой древнейшей профессии (то бишь проституции. — Ю. П.)”.

Странное чувство испытывал на этот раз в городе моей студенческой молодости. Столица уже не кажется мне, как прежде, близким, родным — “моим” — городом. Сам не знаю — почему, может, просто отвыкаю. А может, и оттого ещё, что дохнуло (и после конференции тоже) каким-то зловонием от загнивающей и разлагающейся верхушки. На всех уровнях говорят о воровстве власть имущих, о том, что они озабочены лишь сами собой и собственным благополучием. Журналист из республиканской газеты, проработавший некоторое время в одной из областей и не понаслышке знающий о царящих в ней нравах, называл её главу не иначе как зажавшимся и зарвавшимся паханом, готовым за деньги и для удержания своей власти на всё...

Заходил в “Казправду”, где также царят разброд и полураспад. Первый зам-редактора в моём присутствии выколачивал по телефону зарплату для



сотрудников, грозящих забастовкой... За сентябрь... У него самого оклад около трёх с половиной тысяч тенге. Гонорар журналисты не получают уже месяцев пять. И это — правительственная газета!

Мнение одного из нынешних руководителей “КП” о “КП” прежней: просионистская газета, которая вела к расколу общества, в том числе и межнациональному. Мнение одного из “бывших” — нынешняя “КП” убога и невыразительна, скоро начальство и вовсе доведёт её до ручки.

То есть раскол в умах — полнейший, о какой объективности и взвешенности тут можно говорить?

Заходил в “Караван”, который набирает всё большую мощь и где редактором наш “казгушник”. “Караван” собрал под своей крышей наиболее способных репортёров, газета — сверхинформативна, задириста, если не сказать — скандальна. Принцип оплаты: минимум оклада, максимум гонорара (чем ценнее по общественному резонансу, сенсационности и т. д. материал — тем выше он стоит). Таким образом, журналисты зарабатывают от 5-6 до 8-9 тысяч тенге в месяц.

О своей зарплате редактор говорить отказался, заметив лишь, что она очень значительна, поскольку он входит в круг лиц, определяющих политику “Каравана”. Вообще же главный принцип работы для всех — интересы “фирмы”, владеет которой один человек — Борис Гиллер.

Брал с собой несколько книжек “Помню и люблю” — раздаривал знакомым. Кое-кто сразу откликнулся добрым словом. Светлана Задулина с республиканского телевидения, прочитав новеллу о бабушке, тут же вознамерилась записать меня для телепередачи. Я решительно отнекивался: это не моё и т. д. Но она вцепилась в меня мёртвой хваткой — и я согласился.

Лена, жена брата Петьки, узнав о моём согласии, удивилась: “Ты же не готов!”. Я отвечал ей, что раз написал книжку, то что-то о ней сказать всё же смогу; и потом, поскольку мне это не особенно надо, я спокоен: как выйдет — так выйдет...

Записывала меня Светлана где-то в вестибюле или в коридоре на подоконнике. Обещала попросить кого-то из актёров Лермонтовского театра, чтобы прочитали вдогонку к моему интервью несколько “блесток” из книжки. Поглядим, что из всего этого выйдет.

Повидался в “Просторе” с Евгением Гусяровым. Подарил ему книжку, а он мне — свою. Очень, кстати, хорошую, в ней собраны лучшие его вещи, написанные в последние годы, в том числе история взаимоотношений Пушкина и Анны Керн, составленная исключительно по свидетельствам современников (их переписка с Пушкиным, воспоминания друзей и т. д.). Вроде скучная материя, но читается эта своеобразная документальная повесть на одном дыхании (она была опубликована в “Просторе”).

С Гусяровым мы познакомились в Павлодаре, куда он приезжал освещать областную комсомольскую конференцию. Он очень интересно рассказывал, как жил в Экибастузе, оставив на несколько лет столицу. Работал в самой популярной газете Казахстана — “Ленинской смене”, был на особом счету — и по заслугам, и вот, почувствовав, что “закисает”, отправился за впечатлениями на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку — ЭТЭК. Написал потом об Экибастузе и его людях немало хороших журналистских материалов и книжку “Экибастуз”. Теперь — в “Просторе”, отчасти опекает и меня...



Книжка его — большая, под триста страниц, тираж — огромный, двадцать тысяч. Гонорара ему полагалось — 13 тысяч тенге. Не такие уж, между прочим, деньги, в прежние времена за такую книгу ему бы заплатили столько, что хватило бы, наверное, на “Жигули”... А теперь не смогли выдать и эти деньги, поэтому на весь полагающийся гонорар он забрал у издательства собственные книги (ещё и доплатил) — тысячу штук. И собирается держать их до лучших времён, когда они опять будут в цене.

“Простор” еле дышит. Писатели сегодня тоже никому не нужны.

Добавление из 2008 года. “Лучшие времена” для книг Е. Гусларова так и не наступили. Я их потом покупал у нас в книжном магазине, очень дёшево, и раздаивал друзьям и знакомым. А сам Женя уехал через какое-то время в Москву, не пропал, продолжал разрабатывать открытую им ещё в Алма-Ате золотую жилу, и как-то я купил в Новоарбатском Доме книги очередной его том “Сталин” — жизнеописание вождя, также составленное по документам, воспоминаниям и другим свидетельствам.

Цены в столице повыше, чем у нас: и на рынке, куда я заглядывал, и в коммерческих магазинах. Появились первые супермаркеты. И один из них теперь — в бывшей диетической столовой, куда я несколько лет ходил в студенчестве, переболев желтухой. “Диетичка” в ту пору была каким-то заповедником среди достаточно серой, невыразительной “общепитовской” сети — и по части разнообразия блюд (индейка — и та была!), и по части их качества... Время от времени “бесхозных” посетителей вроде меня отсекали, но потом я каким-то образом опять туда проникал и, может, отчасти благодаря “диетичке”, о которой сохранил самые лучшие воспоминания, восстановил свою “постжелтушную” печень.

Так вот, теперь там продовольственный супермаркет — с десятком отделов и богатым выбором вкусов — вплоть до солёных грибов и раков. Но и цены — космические. А больше всего мне понравилось то, что молодые продавщицы в униформе здороваются, когда к ним подходишь. Мелочь, но весьма существенная.

В другом супермаркете — “Товары для дома” — лицезрел раковину с умывальником и унитаз с крышкой — всё под мрамор — по три тысячи долларов и треугольную ванну — “жакузи” — в треть моей отнюдь не крохотной кухни — за девять тысяч долларов. Что значит — “жакузи”, я не знаю, а спросить постеснялся...

В целом моя алматинская поездка всё же удалась. Понял, что курс в газете держу, в основном, верный, что в столице меня знают и помнят.. И что время от времени просто необходимо “выпадать” из своей обычной круговерти, этой сутолоки редакторских будней...

22 ноября

“Реформы требуют жертв” — так мы озаглавили очередной отчёт облстатуправления.

Сравнение идёт с декабрём 1991 года — отнюдь не самым благополучным временем советской поры. И так...

Средняя зарплата с тех пор возросла примерно в две тысячи раз, однако с учётом инфляции уменьшилась почти в 5,5 раза.

Общество всё более расслаивается. Средняя зарплата в сентябре была по области 3623 тенге; в промышленности она выше в 1,8 раза, а в образовании —



ниже в 3,4 раза. Разрыв же между максимальной и минимальной зарплатой (по некоторым отраслям) достигает десятков раз. Плюс ко всему мало кто получает эту самую зарплату вовремя и в полном объёме.

Из этой же серии — уже в масштабах всей республики. Производство мяса уменьшилось по сравнению с прошлым годом на 26 процентов, молока — на 58 процентов. (Из информации КазТАГ).

Раскрылась, наконец-то, тайна “окопа”, вырытого за забором нашей дачи, на самом берегу. Обнаружив его несколько месяцев назад, мы с Ольгой никак не могли понять — что это? Я склонялся к мысли, что это просто чей-то розыгрыш. Хотя непонятно было — кому и зачем он понадобился.

Недавно к Ольге пришёл специалист инспекции по охране памятников истории и культуры Виктор Мерц с материалом о необычной находке, обнаруженной на одной из дач в черте города.

Во время полевой практики группа студентов-биологов нашего пединститута изучала под руководством своего профессора В. Г. Ваккера геологические отложения на обрывистом берегу реки в районе лесозавода. Там они обнаружили человеческие кости, торчащие из обрыва, медные части от наборной уздечки, фрагмент керамического сосуда... Потом нашли ещё несколько медных блях и других артефактов. Заложили небольшой раскоп между дачным забором и обрывом. (Это был тот самый “окопчик”, что мы в своё время обнаружили... Ну взяли бы записку поясняющую оставили, а то ведь мы могли бы и закопать его... — Ю. П.). В конце концов раскопали парное погребение, в котором были похоронены мужчина и женщина, с чучелом коня, седлом и уздечкой, керамическим сосудом. Мужчину сопровождал в загробный мир ещё и лук со стрелами. Женщину — медные серьги и другие украшения, а также железный нож.

Археологи относят эту находку к так называемой сrostкинской культуре (по названию первых подобных находок у алтайского села Сrostки — того самого, родины писателя В. М. Шукшина) и датируют её 8-10 веками нашей эры. Аналогичные захоронения были обнаружены в окрестностях Павлодара и других местах области и раньше.

“Наша” могила была частично разрушена ещё в шестидесятые годы, когда на берегу устанавливали дачные столбы. В. Мерц предполагает, что, копая ямку для одного из них, люди наткнулись на погребение, разрушили его, а потом закопали. Но, может, это было и не так. Ямы под забор могли и бурить, в таком случае могилу просто не заметили бы. Во всяком случае, женщина, у которой мы покупали дачу и которая владела ею вместе с мужем с момента основания этого дачного сообщества, ничего “такого” нам не говорила. А мужа её к тому времени уже не было в живых, и теперь никто не узнает — как оно было на самом деле.

Материал В. Мерца публикуем в сегодняшнем номере.

25 ноября

17 лет назад родился Данька. Мне брат Петька позвонил из Железинки, где он тогда работал: “Ольгу увезли в больницу...”. Я тут же ринулся на вокзал и, к счастью, успел на автобус. Приехал в совхоз (Ольга жила у моей матери) — уже стемнело. Мать меня встретила на улице: “А у тебя сын родился! Не знаешь ещё?”.

На следующий день утром поехал в Михайловку, где Ольга рожала (кстати, на родине своего отца). Она подошла к окну, показала Даньку... Запомнилось сморщенное, жёлтое личико... О. говорит, что я в тот момент выглядел счастливым, я ведь хотел сына!



Я не знал тогда, что роды были тяжёлыми и Данька родился без дыхания — его отхаживали. Это ей потом рассказали. А она мне ещё позже рассказала, что настраивала себя не кричать, а если будет совсем больно — кусать себе руку. И кусала — руку медсестры...

И вот он вырос. Студент университета. Утром пошли его поздравлять: О. — с новой рубашкой, я — с туфлями, Димка — с упакованной коробкой, перевязанной тесёмкой, Пашка — с диковинными плодами киви, которых никто из нас никогда ещё не пробовал...

Собираемся вечером устроить праздничный ужин, а Данька с друзьями будет отмечать день рождения в ресторане. Дожились!

Опять приезжал Пашка Бабенко. Дела в его очередном бизнесе идут хреново — в очередной раз “пролетел”. Просил денег в долг. Я не дал, сказав, что хочу дружить с ним и дальше. Говорит — не обиделся. У меня такое впечатление, что он уж как-то легко затевает и бросает свои проекты, не чураясь при этом маленьких радостей в жизни.

Заходил Сергей Горбунов. Дело об убийстве его сына почти не движется: передаётся от следователя к следователю... Был он и у прокурора области, и у начальника УВД. В обоих случаях сразу после этого начиналось какое-то шевеление, а потом опять всёглохло.

Серёга говорил мне в сердцах: наверное, проще обратиться к местным “авторитетам”: те быстрее найдут виновных, а там уж он сам решит — что с ними делать...

26 ноября

В Качирском районе из тридцати детских садов, полностью укомплектованных оборудованием и кадрами, в “живых” осталось семнадцать. Да и те дышат на ладан. Большая часть детей детсадовского возраста сидит теперь дома.

Ольга Воронько решила поколебать не слишком доброжелательное отношение народа к коммерсантам-“челнокам”. Она пошла на наш “Манакбай-базар”, чтобы выяснить — кто же там торгует? Контингент, как оказалось, высокообразованный...

Вера. Закончила Кемеровский пищевой институт, работала по направлению во Владивостоке главным технологом. Домой, в Павлодар, вернулась после декретного отпуска. Работы нет, пошла на базар.

Таня. Среднее специальное образование, красный диплом, бухгалтер. Работы нет.

Алла. Образование высшее педагогическое. Работает в школе и детском саду (тут девять месяцев в отпуске без содержания). Утром стоит на “Манакбае”, после обеда идёт на уроки и встретить своих учеников на базаре уже не боится — комплексы позади.

Татьяна. Выпускница Томского университета, инженер-программист. Работала на тракторном... “А там, сами понимаете...”.

Наташа. Инженер-конструктор первой категории на тракторном заводе. Сама взяла отпуск без содержания (работы всё равно нет). Будет после Нового года увольняться.

Ира. 12 лет проработала ведущим конструктором на опытном заводе монтажных установок. Завод ликвидировали, конструкторы нигде не нужны...



Спрашиваю Ольгу: “Ты что, специально их выбирала?”. Говорит — нет: шла по ряду и записывала всех, кто соглашался отвечать. А так — сама бы не поверила.

Все эти женщины ездят в Китай, Турцию, Польшу, Россию, везут товар в сумках на поездах и автобусах. И торгуют сами и с помощью родни или нанятых ими людей. Это и есть наш сегодняшний рынок.

Грабят у нас теперь не только квартиры, но и гаражи-погребка. Забираются в один, проламывают стену в следующий — и так до пяти-шести... Берут всё, что подвернётся под руку: запасные части, инструменты и даже соленья-маринады... Не поймали пока ни одного. Если бы владельцы гаражей поймали воров, могли бы и убить...

29 ноября

В аэропорту Усть-Каменогорска арестован местный коммерсант, который вёз с собой в Москву восемь килограммов золота. Задержали его уже на трапе самолёта.

30 ноября

Последний день осени. Гуляли вечером с нашим Пашкой. Шёл густой мокрый снег. Погода совсем алматинская — тепло и сыро. Зимы ещё не было.

Страшная круговерть на работе. Много хлопот создаю себе сам, но без них не будет никакого движения вперёд. А мы пытаемся двигаться: объявили подписку в самой редакции, чего прежде не было, — за полцены. Разница в том, что газету подписчики будут забирать в редакции сами. За три дня подписалось 200 человек. Ещё собираемся организовать параллельную розничную продажу газеты в бойких местах. Может, тем самым умерим растущие аппетиты почтовиков.

Ещё задумал делать двоянный номер в субботу. Это будет непросто, но надо — нужен большой читабельный номер, который был бы интересен всем: от пионеров до пенсионеров.

Пашка с Димкой грызутся, как собачата. Ни тот, ни другой ни одного слова друг другу не спускают.. Наверное, возраст такой — пора самоопределения, перерастут, и само пройдёт.

У Димки глаз подбит (не Пашкой). И он теперь — точно волчонок из фильма “Красная шапочка”.

У нас дома война — ребячья, а в Чечне настоящая — оппозиции и сил, преданных Джохару Дудаеву. Б. Н. Ельцин сделал очередное грозное предупреждение обеим сторонам. Суть его: не помириться — употреблю все необходимые средства... Так они и послушались. Дудаевский МИД (есть, оказывается, и такой) расценил заявление президента России как угрозу Чечне.

Урывками работаю над заказной книгой... Писать мне её — не переписать...

Посмотрел по республиканскому телевидению себя любимого — сюжет Светланы Задулиной, весьма приличный. Сначала говорю я, потом актёр театра прочитал три “блэстки”, преврав, правда, одну фамилию... Надо будет позвонить Свете — сказать спасибо.



1 декабря
1994 года

Мэр Санкт-Петербурга А. Собчак предложил президенту, парламенту и правительству России в день смерти В. И. Ленина — 21 января будущего года — захоронить его тело. В письме А. Собчака говорится: “Мы единственная страна в мире, где по сей день выставлено напоказ тело вождя. И, наверное, прав Патриарх всея Руси Алексей Второй, когда говорит, что не будет Россия иметь спокойной жизни, пока не захоронено тело Ульянова-Ленина”.

Наши парламентарии бурно обсуждали проект закона “Об обеспечении сроков выдачи зарплаты, социальных и других выплат”, но, так и не приняв его, разъехались по избирательным округам. Хотя если бы и приняли, то просто одним неработающим законом стало бы больше.

3 декабря

Около трёх тысяч стогов сена затоплено в пойме Иртыша в результате аварийного сброса воды из переполненного Шульбинского водохранилища. Сразу после сенокоса хозяйства их вывезти не смогли — силёнок не хватило. Теперь часть сена будет безвозвратно потеряна, и спросить за это не с кого.

Посмотрели с Ольгой по “Останкино” “Курочку Рябу” Андрона Кончаловского. Это своеобразное продолжение его же фильма “История Аси Клячиной...”. Великолепна Инна Чурикова в главной роли, да и сам фильм хорош... Но мне больше по душе — первый, снятый 27 лет назад, в нём была какая-то удивительная искренняя атмосфера и правда жизни.

Толковая статья главы Экибастузской городской администрации Р. Ш. Жуматаева в сегодняшнем номере. Он не только считает, что региональные связи — тот “локомотив”, который вытянет нашу бедствующую экономику, но и делом это доказывает — всеми возможными способами.

7 декабря

Ездили с Ольгой в Экибастуз — на “День счастья” Володи и Вали Федосенко. Это 5 декабря, день их свадьбы, который они всегда празднуют и никогда не переносят на другую дату. Был шикарный — богатый и изысканный стол. Из гостей — мы с О. и матери Володи и Вали — интереснейшие женщины. Давно я так не отдыхал душой...

Живут Федосенки, пожалуй, в большем достатке, чем мы. Но и работают много...

Умер В. С. Колчин... “Сидорыч” — это целая эпоха в истории нашей газеты. Он проработал у нас лет 30 фотокором, да ещё не один год водителем.

С ним я ездил в одну из первых своих в “ЗП” командировок ещё практикантом. И он мне тогда сказал, жалуясь на кого-то из редакционных начальников: “Запомни одно: станешь редактором — оставайся человеком!”. Я завозмущался: “С чего вы это взяли, каким ещё редактором?”.

Со временем мы подружились, и, когда я стал уже замом, он попросился ко мне водителем. Взял я его не без сомнений (всё же человек в возрасте и с характером), но зато потом ни разу об этом не пожалел: более надёжного и обязательного человека в редакции, пожалуй, не было...



Умер Колчин в своей квартире, ночью, видимо, во сне: дочь разговаривала с ним около полуночи, а утром он ей уже не ответил. После обеда взломали дверь и обнаружили его мёртвым.

У него было большое сердце, но жить он собирался долго — его родители и дед с бабушкой были долгожителями... Он прожил очень трудную, но по-своему счастливую жизнь; в одиночку поднял четверых детей, вывел их в люди; его многие знали и уважали в области; он был великим тружеником... Пусть земля ему будет пухом...

13 декабря

Всё время набрасываю в папки материалы для будущей “Хроники”: газетные вырезки, письма, какие-то заметки... А вот записывать по горячим следам удаётся не всегда. И это плохо: “Хроника” должна стать главной книгой моей жизни. Надо только не гнаться за лёгким заработком (то есть не отвлекаться на всевозможную “казакуху”, что я иногда делаю — надо же содержать семью), не оправдываться трудностями службы и жизни... И записывать, записывать, записывать...

Представитель президента в нашей области В. И. Шокарев собрал пресс-конференцию. На ней он заявил о своей отставке, протестуя против заведённого против него прокуратурой дела. Это — давняя история. В бытность главой Аксу он сумел переселить в свою трёхкомнатную квартиру тестя с тещей, а для него самого построили особняк. Прокуратура усмотрела в том, что он порадел родителям жены, злоупотребление служебным положением. Шокарев же считает, что он чист перед законом (хотя рыльце у него, похоже, в пушку), и характеризует действия прокуратуры как грязную политическую игру неких сил, имеющих целью скомпрометировать не только его самого, но и президента... Я написал сдержанный отчёт, не стараясь никого ни обвинить, ни выгораживать, хотя в данном случае на Шокареве можно было бы и “выспаться”...

Много дел на работе, притом таких, какие нельзя никому перепоручить: финансы, бумага, подписка, новое штатное расписание и ещё всякая мелочь... Собираюсь в отпуск — опять в профилакторий “Строитель”. Но и там придётся подчищать все эти хвосты...

Клуб интеллигенции Павлодара организовал творческий вечер Ольги. Народу собралось немного, и это хорошо: атмосфера была камерная, душевная. Ольга читала свои стихи, переводы, прозу, звучали с магнитофона песни на её стихи. По сути получился настоящий моноспектакль — отлично продуманный и выстроенный. Она хорошо и естественно держалась... В иные моменты я просто любовался ею... Таким людям, как она, время от времени просто необходимы такие творческие отдушины.

Очередной кризис в России, где всё туже завязывается чеченский узел. Сделанная высшим российским руководством ставка на оппозицию, противостоящую Дудаеву, провалилась. Предпринятые оппозицией с участием российских военнослужащих наступления на дудаевские отряды закончились полным крахом. Часть российских солдат взята в плен. И теперь в Чечню введены уже регулярные войска, чтобы блокировать Грозный, не допустить туда наёмников — союзников Дудаева.



В очередной раз ставка сделана на силу, которую надо было применить куда раньше. Но с Дудаевым долго заигрывали, потом хотели перехитрить, а теперь сами российские власти остались в дураках. Судя по последним сообщениям, “дудаевцы” отобилизованы куда лучше, чем не приученные воевать на своей территории российские военные. В Чечне был сбит десантный самолёт, направленный туда организацией украинских националистов. Число боевиков этой организации, посланных в Чечню по приглашению Дудаева, приближается к 200. Да и вообще, как свидетельствует история, Кавказ — это такой узел, который может быть затянут на многие годы.

В “Комсомолке” — жёсткие комментарии с уничижительными характеристиками министра обороны Грачёва и президента Ельцина.

15 декабря

Очередной крик души в подборке писем. Пишут санитарки и медсёстры, чья тарифная ставка составляет 388 и 560 тенге. Чтобы зарплата была в 700-800 тенге, они вынуждены работать сутки через сутки. Можно ли так жить, спрашивают они?

В правительстве тоже решили: нет, нельзя — и повысили ставки, соответственно, до 517 и 797 тенге. Разве это не издевательство?

Дачники шлют в редакцию письмо за письмом и звонят: “Спасите наши дачи!”. Дачи грабят, ломают, жгут... И за последние годы — ни одного уголовного дела за воровство и вандализм.

17 декабря

То, что во многих сёлах уже давно торгуют продуктами и другими товарами первой необходимости “под зарплату” и “под пенсию”, никого уже не удивляет. А вот в одном из хозяйств Майского района зарплату стали платить ещё и так называемыми банными талонами. Иным выдают на руки сразу по 30-50 штук: мойтесь всей семьёй хоть три раза в неделю.

20 декабря

Выступая на сессии Верховного Совета, Н. А. Назарбаев попросил депутатов высказаться — можем ли мы поставить на обсуждение вопрос о частной собственности на землю и о введении двух государственных языков? Важно остановить все инсинуации и домыслы на этот счёт, подчеркнул президент.

В результате рейтингового голосования такое обсуждение было признано нецелесообразным, после чего Н. А. предложил Верховному Совету, правительству, лидерам политических партий и общественных движений заключить договор или объявить на определённое время мораторий и не поднимать подобные вопросы. Это, по мнению президента, нужно для того, чтобы не ввергать казахстанское общество в раздоры, сохранить стабильность и спокойствие и не допустить политических спекуляций на этих темах.

22 декабря

Своего рода сенсация: некая английская фирма “Уайтсвен-лимитед” (говорят, в переводе это означает “Белая лебедь”), учредила которую некая швейцарская финансовая группа, заключила договор с правительством Казахстана о передаче ей на пять лет права управления нашим алюминиевым заводом.

На днях вице-президент фирмы А. Машкевич представил главным специалистам и начальникам цехов и отделов новое начальство. Прежняя руководящая тройка — Б. Акимкулов, С. Туракбаев, К. Чалгимбаева — уволены без права работы на ещё вчера родном заводе. Такова практика работы иностранных компаний. Профком завода пытался оспаривать все эти нововведения, направив обращение в Верховный Совет, прокуратуру республики и Совет федерации профсоюзов.



95-летний юбилей отмечает Павлодарский судостроительно-судоремонтный завод — одно из старейших предприятий города. Ещё недавно здесь строили сухогрузные и нефтеналивные суда грузоподъёмностью от 80 тонн и выше. Были воплощены уникальные проекты: построен катамаран “Комсомолец Павлодара”, велась сборка венгерских плавучих кранов. Суда, изготовленные на заводе, ходили от верховий Иртыша до Обской губы. В цехах было налажено чугунное и цветное литьё.

Нынешний год стал труднейшим для предприятия, которое постепенно скукоживается, как шагреневая кожа... Так что это отчасти грустный юбилей, но завод всё же держится на плаву...

24 декабря

Публикуем письмо коллектива службы “скорой помощи” (177 подписей) депутатам городского маслихата. Неотложная медицинская служба дошла до ручки: из 35 положенных бригад в городе ежедневно работают лишь одна-две — не на чем ездить, нечем лечить...

Горняки и шахтостроители Экибастуза провели региональную конференцию и решили на ней бастовать. Шахтостроители не получают зарплату с августа, у горняков положение не намного лучше...

На днях состоится такая же конференция в Караганде, и настроение у тамошних шахтёров и шахтостроителей — такое же.

Что будет, если забастует вся угольная отрасль Казахстана? И ведь отчаявшиеся люди готовы на крайние меры...

Неожиданный скандал. Опубликовали стих поэта Владимира Балачана, посвящённый Павлу Васильеву. Активисты местного еврейского общества усмотрели в нём шовинистические нотки. Вот они — эти строки (из разных четверостиший):

“Его (П. Васильева. — Ю. П.) картавым матом крыли...”

Творцы великих потрясений ему расправой грозят...”

— Вы что, не заметили, что тут явный намёк и на еврея-следователя и на евреев-организаторов революции? — наседали на меня.

— Честно говоря, ничего такого не вижу, — отвечал я, никогда до того не сталкивавшийся с подобным.

Они ушли, недовольные мной, а я остался — растерянный и обескураженный.

Невероятно, но факт: молодая женщина, изрядно “принявшая на грудь”, свалилась с балкона собственной квартиры, расположенной на девятом этаже, но осталась при этом жива... Сломала правое бедро, не получив больше вообще никаких травм. (Из сегодняшней “ЗП”).

25 декабря

Бурная сессия областного маслихата утверждала соучредителем “ЗП” и “Сарыарка самалы” областную администрацию. Теперь у двух наших газет по три соучредителя: областная администрация, областной маслихат и трудовые коллективы редакций. Вроде есть какое-никакое равновесие интересов, хотя ясно, что “рулить” нами, конечно же, будет областная администрация.



Наиболее значительным на сессии было выступление прокурора области Е. Ф. Овчинникова. Считается, что именно он “свалил” представителя президента в области В. И. Шокарева. На этот раз досталось одному из замов главы (теперь, правда, уже бывшему). А больше других — председателю постоянной комиссии по законности и правопорядку областного маслихата М. Тот создал несколько малых предприятий (МП), набрал кредитов в банках и перекачивал их из одного предприятия в другое, параллельно закрывая одни МП и открывая новые. Одному из банков М. задолжал более полумиллиона тенге. На М. заведено два уголовных дела, а он тем временем продолжает возглавлять комиссию по законности областного маслихата.

Меня прокурор тоже пнул: мало печатаем их материалов...

А. М. Ажибаевой предложено подать в отставку с поста председателя телерадиокомпании — в связи с достижением пенсионного возраста. Она нашла меня по телефону и, когда я приехал, просила о поддержке. Я сказал, что попытаюсь, хотя в успехе не уверен: если “политическое решение” уже принято, то изменить уже ничего нельзя. Про себя в то время думал: видите — как всё получилось: давно ли я к вам приходил просить за Лиду Петрову (она работает на своём месте)?

На следующий день нас с А. М. Мухамеджановым пригласил глава облминистрации Д. К. Ахметов — благодарил за работу, предлагал газетам финансовую помощь... И я, воспользовавшись моментом, сам завёл речь об Ажибаевой: она многое сделала на телевидении, её приняли журналисты и теперь стоят за неё горой. Сказал ещё, что в крайнем случае отставку можно отложить на некоторое время, и журналисты это тоже оценят..

Из дальнейшего разговора стало ясно, что вопрос, в общем, решён, но какое-то время Ажибаевой поработать всё же дадут. И это хорошо...

27 декабря

“Плюю на Запад” — так называется новая книга В.В. Жириновского, которую он доверил печатать журналу “Молодая гвардия”.

В АО “Вторчермет” выпущена первая тысяча тонн электродов. Вот это работа!

Другая хорошая предновогодняя новость: завтра впервые из Павлодара в Алматы отправится фирменный поезд “Баянаул”. В нём — 19 вагонов, в том числе два спальных, где каждое купе на двоих. Я в таких ещё не ездил.

28 декабря

Получил отпускные — вместе с зарплатой, премией и материальной помощью 36 тысяч тенге. Аж неудобно — что так много...

На радостях купили Ольге шубу — волчью, с рыжим отливом — за двадцать тысяч тенге. Шуба эта ей очень к лицу, и она с удовольствием щеголяла в ней в драмтеатре, на традиционных Васильевских чтениях.

Конец второй книги.


Любовь ФЕОФАНОВА

“Целилась в сердце война...”

Ветеранам Великой Отечественной войны, труженикам тыла — поколению, одержавшему Великую Победу над врагами нашей Родины и сохранившему мир на всей Земле, — посвящается.

Целилась в сердце война в сорок первом:
Била по душам, била по нервам.

Сорок второй накрывал артобстрелом —
Койка санбата: ангелы в белом...

Пулей свистел у виска сорок третий:
Снова ты был на прицеле у смерти.

Сорок четвёртый отведал штыка —
Ноют к ненастью плечо и рука.

Выдохнув боль, ликовал сорок пятый...
Жив ты — но Память войною распята.

Век уходящий взметнул обелиски.
Звёздные холмики, чёрные списки...

Век двадцать первый бурлит за порогом —
И обжигает строкой некрологов.

Мамаев Курган

Здесь каждый камень сражением дышит.
Здесь воздух влажен от слёз матерей:
Сквозь гром канонады их голос слышен —
Тебя защитивших, Земля, сыновей.

Здесь ветер листает гранитные списки,
И небо скорбит морозящим дождём.
Здесь падают звёзды на грудь обелисков,
Склоняется Вечность над Вечным огнём.

Здесь выдаст скупая слеза ветерана,
И память осколком царапнет висок...
Здесь Время сбивается в бурный поток —
И падает ниц пред величием Кургана.



Краснодонцы

1

Год сорок третий. Зима в Краснодаре.
 Злится фашист — обжигает мороз:
 Истерзанным, но не издавшим ни стоны —
 Звёздами спины метит допрос.
 Видит лишь месяц, помнят лишь стены
 Боль, что стекает свинцом в кулаки:
 Сжатые зубы, вспухшие вены,
 Кровь — что не смоют вовек сапоги.

Снег, пощади их кровавые раны!
 Ворон, не каркай — тебе ли не знать?..
 Чёрные тени падают в ямы —
 Вот она, шахта под номером пять.

В скорбном молчанье её терриконы.
 Ждут полицаи — приказ: не стрелять!
 — Братцы, они ж экономят патроны —
 Значит, живыми нас будут бросать?!

2

Слышали камни как люди стонали,
 Острые гребни подставив телам:
 Если б они эту боль ощущали, —
 Лопнули б камни в тот миг пополам.

Сердце, не выдай, замри на мгновенье!
 Знаю, из мёртвых никто не воскрес —
 Только всё вижу рук их сплетенье,
 Слышу их голос с небес.

Два деда

Ветра их давно отшумели,
 И снится им вечный покой:
 Я знаю, как письма их грели,
 Как рвались сердца их домой —
 Сквозь посвист свинцовых метелей
 Той страшной, далёкой Беды:
 Как рано они поседели —
 Мои дорогие деда!
 Как странно их судьбы скрестились:
 Ранения, госпиталя:
 Пылая, закаты дробились, —
 И пухла от крови земля.
 Судьбой ли, любовью хранимы —
 От мины, от пули шальной?
 А может быть, ангел незримый
 Помог им вернуться домой?..
 Один — в орденах и медалях,
 С осколком у сердца — другой:



И часто с сестрой мы играли
 Тем орденом — Красной Звездой.
 Гордились медалями деда:
 Мол, вот он — геройский какой!
 С экранов гремела Победа —
 Он помнил какую ценой.
 Слезинка щеку бороздила,
 Да ныла к ненастью рука...
 И свято бабуля хранила
 Награды на дне сундука.

Мадонны в телогрейках

Кто женщина в твоей судьбе, Солдат?
 Быть может, — мать, чьей не измерить боли.
 Иль та вдова, чьей горше нету доли,
 Невеста — чей в тоске тускнеет взгляд.

Всмотришься в их лица, загляни им в души —
 И ты тогда поймёшь наверняка,
 Как по сердцам прошлись их голод, стужа
 И похоронок скудная строка.
 Как, захлебнувшись горем, — воскресали,
 Как жили — от весны и до весны...
 Как на плечах, на хрупких, удержали
 Страну в кровавом зареве войны.

Невесты — обречённые на вечность!
 Мадонны — в телогрейках, сапогах!
 Ночей и дней холодных бесконечность,
 Мозоли на натруженных руках.

Что согревало их?.. давало силы?
 Быть может, вера в то, что будет Май:
 Что ты — назло смертям — живой, красивый,
 Протянешь руки: “Я пришёл, встречай!”

Солдатка

Разве она виновата,
 Что шла не в атаку — на смену,
 Что не в бинтах санбата
 Стыли душа и вены?..

Разве она виновата,
 Что вместо наград — похоронки,
 Что каждой своей утратой
 Тот День приближала звонкий?..

Разве она виновата,
 Что ей, уцелевшей, несладко?!
 Какая высокая плата —
 Всю жизнь оставаться Солдаткой!



Лихое время им досталось —
 Кто у черты, кто — за чертой:
 И доживает век свой старость,
 Отмеченная той Бедой:

Пайком, слезой, кусочком жмыха
 Да горько-радостным “Ура!”:
 И в мир иной уходит тихо,
 Хлебая ши из топора.

Не потому ль так больно ранит
 Та сытость, обжигая нервы, —
 Что в модном клубе, ресторане
 За рюмку водки платит евро?!

Ветераны

Ноют к ненастью старые раны.
 Минное поле — солдатские сны:
 Носят осколки в груди ветераны —
 Эту трофейную память войны.

В праздник, надев ордена боевые,
 Выпьют за тех, кого рядом уж нет...
 Смотрят с альбомов друзья фронтовые —
 Им салютует победный рассвет.

Сколько же вас, дорогие, осталось?..
 Как вас сбережь от обстрелов судьбы?!
 Знаю, нужна вам лишь самая малость —
 Капля вниманья и миг доброты.

Нет, мы в сырых окопах не сидели,
 У нас не отнимали сыновей.
 Мы хлеб осьмушками по карточкам не ели,
 Не хоронили близких и друзей.

Не расставались на дорогах пыльных,
 Не ждали так, чтоб “всем смертям — назло”:
 Мы дети тех, послевоенных, мирных, —
 Кому в живых остаться повезло.

Не знаем мы как может снег дымиться,
 Как пуля-дура бьёт наверняка...
 Как кружит “мессер” хищной чёрной птицей,
 И рвётся в бой мальчишка — сын полка...

Но если те, что мир мечу предали,
 Начнут войной и смертью нам грозить, —
 Мы встанем, как отцы тогда вставали,
 Чтоб шар земной собою заслонить!



Сапаргали ЖАГИПАРОВ,
ПОЛКОВНИК

Честь служить Отечеству

Человеком из легенды называли командира танкового батальона капитана Анатолия Гершунова бойцы 213-й отдельной Оршанской Краснознамённой, ордена Кутузова 2-й степени танковой бригады. Она входила в состав 3-го Белорусского фронта, командовал которым выдающийся полководец, генерал армии Иван Данилович Черняховский.

На завершающем этапе войны танковый батальон, возглавляемый Гершуновым, прорвав сильно укрепленный район обороны противника, уничтожил много фашистской техники и живой силы.

Бои на территории Восточной Пруссии были тяжёлыми. В одном из населённых пунктов враг особенно огрызался. Батальон понёс большие потери. Комбат, оставшись с одним уцелевшим танком Т-34, воспользовавшись внезапностью, подавил огнём командный пункт, захватил крупный аэродром гитлеровцев, на котором были сосредоточены более 40 боевых самолётов. Застав врага врасплох, взял в плен командира батальона охраны с его личным составом.

За этот бой кавалер двух орденов Красного Знамени, ордена Александра Невского, двух — Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медали “За боевые заслуги” капитан Анатолий Гершунов был представлен к званию Героя Советского Союза. Однако представление, видимо, где-то затерялось в командных инстанциях, и Золотую Звезду он так и не получил.

Кстати, в департаменте по делам обороны Северо-Казахстанской области подсказали именно адрес полковника в отставке Анатолия Ивановича Гершунова, добавив: “Настоящий герой, человек очень скромный, интеллигентный. Не пожалееете, если о нём напишете. К тому же боевые заслуги весьма весомы, как один из талантливых командиров в годы войны, был удостоен полководческого ордена Александра Невского. Это редкость...”.

И вот встреча с ветераном.

— Анатолий Иванович, вас на фронте называли человеком из легенды, как вы относитесь к этому?

Гершунов заулыбался.

— Как сами видите, я живой, среди вас, а не из легенды. Думаю, что бойцы преувеличивали, называя меня таким образом.

Что и говорить, всякое было в жизни героя. Ведь войну он прошёл от звонка до звонка — от Подмосковья до Пруссии. Длинная эта боевая дорога была ухабистой. Она оставила на всю жизнь свой отпечаток — тяжёлые ранения. Но, несмотря на это, Анатолий Иванович сохранил завидную молодцеватость, оптимизм, доброту, уверенность, энергию. Видимо, сама судьба наградила такими чертами.





“Каждый человек кузнец своей судьбы, счастья”, — так гласит пословица. Своё счастье Гершунов нашёл в Северном Казахстане, приехав сюда ещё до войны из России. С тех пор он полюбил эту древнюю землю. Степные просторы, раскрыв объятия, стали близкими, своими, любимыми и для его родных сестёр Нины, Зины, Александры, Любви. Не зря говорят, что Родину любят не за то, что она велика, а за то, что она своя. Здесь прошла вся жизнь Анатолия Ивановича. В первой средней школе города Петропавловска он учился, а затем в октябре 1940 года призвался в армию.

Службу проходил во взводе конных разведчиков. Кстати, у его отца служба тоже была связана с лошадьми. Иван Александрович — участник первой мировой войны. О третьем Замирском казачьем полку, где отец воевал, обстоятельно рассказал великий писатель Михаил Шолохов в своём “Тихом Доне”.

— Иван Александрович всегда был открыт, честен и добр, помогал людям, защищал их от несправедливости, — вспоминает фронтовик. — За это поплатился, его репрессировали, отправив на ссылку в Архангельскую область. Рядом с отцом всё время находилась моя мама. Мария Яковлевна была настоящей женой отца, опорой, нашей заботливой мамой. Она делила все трудности и невзгоды ссыльного. Никогда не сетовала на тяготы и лишения, которых было в том далёком крае в изобилии.

Те же трудности на фронте испытал и Анатолий Иванович. Громадные физические и психологические нагрузки выпали с началом войны, которую он встретил в Минске, обучаясь в танковом училище. В связи со сложившейся обстановкой на фронте учёбу ему пришлось завершить в Ульяновском танковом. Тут среди обучающихся Гершунов выделялся рассудительностью, широтой мышления, серьёзным подходом к делу, организаторскими способностями, отличной выучкой.

Эти важнейшие качества командира тотчас сказались, когда лейтенант Гершунов возглавил танковый взвод.

“В июле 1943 года наша танковая бригада участвовала в боевой операции на Курской дуге, — рассказывает ветеран. — Только что вышедшая из боёв, она пополнилась людьми, оснащена была новой техникой и вооружением. Мы, танкисты, не раз спрашивали командира батальона майора Муравлёва:

— Скоро ли в бой?

Майор, выдержанный, хладнокровный, прошедший огонь и воду, спокойно ответил:

— Сынки, держите себя в руках, не спешите, готовьтесь основательно, враг он есть враг, ошибки не прощает. Наряду с храбростью выдержку нужно иметь.

Эти слова комбата я запомнил и повторял своим подчинённым не раз. Спокойствие и выдержка пригодились в последующих боях”.

Взводу Гершунова предстояла задача решительным ударом прорвать оборону противника, проделать проход для пехоты, которая пойдёт следом, выбить фашистские танки. Тем самым, проявляя активность, инициативу, не давать гитлеровцам чувствовать себя хозяевами положения. Задача была не из лёгких, ответственная, предстоял бой с мощными танками “тигр”.



Вместе с командирским экипажем Анатолий Иванович сидел в танке, мучительно ждал рассвета.

Взвилась красная ракета. За ней ещё одна, зелёная, а потом снова красная. Всё вокруг содрогнулось, под ногами, казалось, заколыхалась земля. Высунувшись из люка, командир решил быстро сориентироваться, но невозможно было что-либо рассмотреть: всё заволочло непроницаемым дымом.

Захлопнув люк, Гершунов скомандовал механику-водителю сержанту Черниченко:

— Заводи!

Опытный механик-водитель, не теряя ни секунды, мгновенно выполнил указание лейтенанта. Он был с техникой на “ты”, в любое время, в том числе в бою, умел заставить мощную “тридцатьчетвёрку” быть послушной.

Когда загудели двигатели соседних машин, офицер отдал приказ: “В атаку, вперёд!” и приник к оптическому прицелу. Неприятельская артиллерия обрушила огонь на танки, а затем пошли “тигры”. Но вот заговорили пушки машин Гершунова. Огневые точки фашистов замолкли одна за другой: танкистам удалось подавить их. Снаряды уже были на исходе. Анатолий Иванович распорядился беречь боеприпасы. Бой не стихал несколько часов. Очередной залп из пушки, и снаряд вонзился в серую стальную громадину, окутав её дымом.

Когда бой закончился, командир осмотрелся. В разных концах на поле сражения дымилось множество чёрных бугорков — всё, что осталось от гитлеровских машин. Были потери и со стороны взвода, но командирский танк остался неповреждённым.

Подводя итоги сражения, командующий армией генерал-майор Полenov особо отметил смелые действия Гершунова и дал указание за проявленное мужество представить его к награде.

А он в свою очередь поблагодарил за отвагу свой экипаж: механика-водителя сержанта Черниченко, радист-стрелка сержанта Муравьёва, заряжающего рядового Амплейкина.

В части пошла молва: “Надо же, молодо-зелено, однако везёт лейтенанту Гершунову, не берёт ни одна пуля!”.

Анатолий Иванович задумался и, не ожидая очередного вопроса, продолжил:

“Помнится, в сентябре 1943 года войска Западного фронта начали решительное наступление на Смоленск. Бои за город характеризовались особой жесточённостью, ибо фашисты во что бы то ни стало пытались удержать Смоленск в своих руках. Наша танковая бригада оказалась на острие атаки. А мой взвод был в самом пекле огня”.

— Огонь по фашистам! — скомандовал Гершунов, находясь в экипаже “тридцатьчетвёрки” механика-водителя сержанта Черниченко.

Заработала пушка, застучал пулемёт. В машине всё гремело, ревел мотор. В голове командира взвода стоял шум, тело гудело, лицо горело. Гвардейцы подавляли огневые средства фашистов. Танки утюжили окопы врага, подминая под себя всё, что могло оказывать сопротивление. Рядом с машиной Черниченко продолжали рваться снаряды. Пули градом стучали по броне. Несколько часов танкисты сдерживали натиск превосходящих сил противника, обеспечивая переправу войск через реку Устрой. Атаки фашистов были отбиты. Бой закончился, когда на землю опустилась ночь, на сиреновом небе замерцали звёзды. Багровое кольцо пожаров



и орудийных зарниц окружило место сражения. Только не было над землёй тишины. Всю ночь не умолкал тревожный гул моторов.

Неслучайно вскоре после взятия Смоленска грудь Гершунова украсил орден Красного Знамени. То была награда за мужество и храбрость, проявленные им в боях.

Анатолий Иванович в самых сложных ситуациях не терял присутствия духа, оставался выдержанным, решительным. Подчинённые заражались его спокойствием и чувствовали себя уверенно.

Высоко ценили его человечность, внимательное отношение к людям, отвагу командир батальона майор Муравлёв, командир бригады полковник Котов. Они выдвинули Гершунова на должность офицера связи танковой бригады. И здесь он оправдал высокое доверие, оперативно доводя все приказы и распоряжения комбрига до подчинённых частей.

К любому порученному делу офицер относился с должной ответственностью. Даже будучи в распоряжении командующего 31-й армии, собирая на танке разведанные о противнике, подорвавшись на mine под городом Ржевом, остался в строю.

О фронтовой жизни, военной судьбе полковник в отставке рассказывал не спеша, придиричиво отбирая эпизоды.

“Для себя всегда считал, что сильнее долга нет, крепче долга брони нет. Каждый бой, спрессованный в секунды, минуты, часы — особое измерение профессионализма, доблести, всей жизни человека. Слава и ордена доставались в боях высокой ценой”.

На землю Восточной Пруссии капитан Гершунов вступил в должности командира гвардейского танкового батальона. Поэтому он заранее собрал информацию об этом крае, провёл разъяснительную работу среди личного состава. Объяснил, что немцы Восточную Пруссию всегда считали своей исконной землёй. Завоеванная в средние века Тевтонским орденом, она имела большое значение, выступая своего рода форпостом Германии на востоке. Ещё задолго до первой мировой войны Германия построила тут большое количество крупных крепостей, создала мощные оборонительные сооружения.

“С учётом особенностей данной земли, подготовка к предстоящему наступлению велась интенсивно, — продолжает Анатолий Иванович. — Проводил с танкистами тренировки как “пеший по-танковому” (в этом случае экипажи — без машин — отрабатывали различные ситуации, возникающие при движении), так и непосредственно на танках. Хочу отметить, что данные тренировки очень пригодились сразу же — во время очередного рейда по тылам противника”.

Рельеф местности, на которой предстояло действовать танкистам, был очень сложным. Полосу продвижения гвардейцев пересекали непроходимые болота. Несколько суток приходилось двигаться по бездорожью. Весенняя распутица сделала своё дело, измотав людей, да и технике досталось. Замысел был в том, чтобы внезапно атаковать врага, умело используя складки местности, ударив дружно и прицельно со всех орудий “тридцатьчетвёрок”.

Батальон с ходу захватил железнодорожную станцию, уничтожив живую силу, удалось поджечь и бронепоезд. Фашисты на смельчаков бросали подразделение за подразделением, мощную технику. Батальон понёс потери, но держался. Земля была усеяна гитлеровскими трупами, дымились самоходки. Как говорилось выше, Гершунов с одним уцелевшим танком, ошеломив врага, захватил крупный военный аэродром, взял в плен командира



гитлеровского батальона охраны с его личным составом. А глаза пленных без всяких слов говорили, какого страха нагнал на них советский командир.

Офицеры и бойцы других частей с большой радостью узнали из фронтовой газеты о необычном подвиге комбата. Порадовался и сапёр, племянник Гершунова Владимир Токарев, который воевал рядом в одной из частей.

После войны капитан Гершунов продолжил службу в Вооружённых Силах, окончив в Ленинграде высшую офицерскую школу самоходной артиллерии, Центральные бронетанковые курсы. Совершенствуя свои знания, щедро передавал свой опыт молодёжи. Службу завершил в войсках Закавказского военного округа — в годы хрущёвской «оттепели».

Очевидно, кочевая жизнь, широкий круг общения повлияли на формирование взглядов и характера, «вылепили» особый «гершуновский» стиль общения с людьми. Умение находить общий язык, точки соприкосновения помогли в решении проблем в войсках, да и впоследствии, когда Анатолий Иванович долгое время возглавлял областной стрелковый клуб при ДОСААФ.

Фронтовик и ныне не сидит сложа рук, принимает участие в военно-патриотическом воспитании молодёжи. При встрече с ветераном-танкистом воины с интересом расспрашивают о знаменитой «тридцатьчетвёрке», в чём было преимущество данной машины?

«Танки Т-34 зарекомендовали себя в боях с самой лучшей стороны, — подтверждает фронтовик. — «Тридцатьчетвёрки» превосходили по всем параметрам средние гитлеровские танки. Танк массой 28 тонн имел надёжное противоснарядное бронирование с эквивалентной толщиной в носовой части до 90 мм. Первоначально на машине была установлена 76-мм пушка, к 1944 году значительно была увеличена толщина брони, а прежнюю пушку заменили на 85-мм орудие, что обеспечивало уверенное поражение любого танка. Разумеется, техника техникой, но успех во многом зависел от действий и профессионализма экипажа. Несмотря на тяжелейшие условия войны, высокий боевой дух не покидал наших танкистов. Это касается и нынешней армии. Она всегда нуждалась и нуждается в подготовленных солдатах, экипажах».

К боевым наградам полковника в отставке Гершунова добавился казахстанский орден «Парасат».

В Петропавловске Анатолий Иванович встретил свою единственную любовь в жизни. С супругой Галиной Николаевной воспитали троих детей — Александра, Наталью, Ирину. Выросли и внуки.

... О многом поведал Анатолий Иванович, рассказывая не только о себе, но и о боевых друзьях-товарищах, для которых понятия Отчизна, Родина, честь слились воедино.

Когда вышли на улицу, уже был вечер, вспыхнули огни витрин, рекламных щитов, побежала по крышам многоэтажных домов световая газета, город стал светлее, уютнее. По улице прошли ровным строем солдаты под командованием молодого офицера. Фронтовик внимательно смотрел на молодёжь. Видимо, вспоминал свою лейтенантскую пору — пору становления командирского характера.

Да, не стареют душой ветераны.

*Как танки в бой,
В легенду входят люди,
Вошны
Долга и отваги.*



Сергей Марков и Роберт Граббе

(Дружба в письмах)

Творчество Сергея Николаевича Маркова (1906—1973) представляет большой интерес при изучении взаимодействия русской и казахстанской культур. Будущий поэт, прозаик, учёный, географ-историк, с 1919 года жил в Акмолинске, потом в Петропавловске, Новосибирске. Автор популярных книг “Вечные следы” и “Земной круг”. Первым предложил “Увековечить память Чокана Валиханова” (“Известия”, 1958, 27 июля, 18 декабря). Чокану Валиханову посвящена его историко-биографическая повесть “Идущие к вершинам” (Алма-Ата, 1963). Казахским фольклором богаты и другие книги С. Н. Маркова — “Голубая ящерица”, “Солёный колодец”, “Арабские часы” и другие.

Из Москвы С. Н. Марков отправлял письма и почтовые открытки своим казахстанским друзьям. Среди них Л. Ф. Семёнов, В. А. Волгин, С. Н. Афонской (Караганда), А. Брагин, Н. Ивлев, А. Изотов (Алма-Ата), А. Дубицкий, Нагаев (Целиноград), К. Мухамедханов (Семипалатинск) и другие.

Особый рассказ о переписке с Робертом Андреевичем Граббе (1904—1991).

Роберт Граббе был другом поэта Эдуарда Багрицкого. Сотрудничал с газетой “Гражданская война”. Увлекался батальной живописью. Занимался росписью потолков павильона Туркменской ССР на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (потом ВДНХ). Однако более всего художник-любитель прославился как талантливый аппликатор. Он составлял свои картины из вырезанных бумажных деталей, которые делал цветными. Сложная, буквально ювелирная работа — каждый предмет он вырезал отдельно, без предварительного наброска карандашом, резал изящно, удивительно пропорционально.

Искусствоведы считают, что в своих работах Р. А. Граббе добился уникальности: силуэт и цвет в них неразделимы, они одинаково важны для всего облика его картин.

В Караганде художник жил с 1951 года, работал в институте “Караганда-гипрошахт”, где конструировал модели угольных разрезов и поверхностных сооружений шахт.

С 1930 года Роберт Андреевич проживал в Москве, начал работать в книжных и журнальных издательствах. Он иллюстрировал книги Э. Багрицкого “Дума про Опанаса” и “Юго-запад”. В доме Багрицкого он впервые встретился с Марковым.

“В Кунцеве мы оказались соседями, — вспоминал Роберт Андреевич. — Виделись ежедневно. Сергей был непоседа, он часто уезжал в командировки. Когда отправлялся в Казахстан, то говорил: “Еду на свою родину...”. После войны и я оказался на родине Маркова. Был направлен в Караганду для работы в проектных организациях”.

Всех писем Маркова к Р. А. Граббе более сорока (РГАЛИ, г. Москва, ф. 2884). Часть из них личного характера, другая связана с работой писателя над книгой “Идущие к вершинам”. Марков предлагал Граббе сделать иллюстрации к этой повести. Читая письма С. Н. Маркова к Р. А. Граббе, чувствуешь, что они сродни его книгам. Объединяют их принципиально важные черты — пытливость, зоркость взгляда, умение приближать прошлое к современности, сохраняя одновременно всё историческое своеобразие.

Чёрные силуэты на белом фоне. Именно так выглядят иллюстрации Р. А. Граббе к книге Сергея Николаевича Маркова “Арабские часы”, вышедшей



в Алма-Ате в 1959 году. Рассматривая рисунки, чувствуешь события эпохи, наполненные живыми образами.

Роберт Андреевич жил в стране силуэтов почти полвека. Жизненная нить была у него прямой, как струна, и очень простой, дела шли своим чередом. К сожалению, после смерти Роберта Андреевича исчезла большая часть его архива. Пропала богатая переписка художника, кроме подлинных посланий знаменитого географа, историка, учёного, пропагандиста великих русских открытий на земном шаре — Сергея Николаевича Маркова.

Публикация Н. И. Иваниной и Ю. Г. Попова (Караганда) знакомит нас с письмами, которые почти на протяжении 25-ти лет писали друг другу писатель и художник.

Переписка Роберта Граббе и Сергея Маркова

Москва, 40.

Беговая улица, 1/а, корпус 7, кв. 7.

Писателю Маркову Сергею Николаевичу.

Без даты (почтовый штампель 19.12.51).

Дорогой Сергей!

Поздравляю тебя с Новым годом и желаю тебе успеха в лит. творчестве; надеюсь, в 1952 году буду иметь счастье читать твою новую книгу. Я сейчас посылаю тебе привет из далёкой угольной Караганды, где я работаю. Искусство не бросил, а наоборот, усиленно работаю над графикой.

Заходил к тебе попрощаться, но, к сожалению, не застал тебя дома. Жму руку. Привет твоей супруге.

Роберт.
Караганда, Новый город,
Ленина, 11, кв. 3. Граббе.

Караганда, Новый город, Ленина, 11, кв. 3.

Р. А. Граббе.

26.XII.1951.

Дорогой Роберт Андреевич!

Спасибо за память. Напиши, что делаешь в Карагандах. Я жил неподалёку от них когда-то и мы всегда говорили: Караганды, а не Караганда. Зайди от моего имени к директору музея — Леониду Фёдоровичу Семёнову, передай привет. Может быть, вы сумеете договориться о работе для музея. Если Л.Г. в Караганде, передай ей сердечный привет. Тебе передаёт привет моя семья и мой младший брат Юлий. Ты его должен помнить по Кунцево. Пиши. Жму руку.

Сергей Марков.

Москва, Д-284, Беговая, 1/а, корпус 7, кв. 7.

Без даты (почтовый штампель 15.01.53).

Добрый день, Сергей Николаевич.

Разрешите поздравить Вас с Новым годом и пожелать Вам всех благ жизни, а главное, творческих удач в литературе. Надеюсь, что Вы снова в этом году дадите книгу. Я с интересом слежу за Вами по журналу "Вокруг света", но не знаком с книгами. Живу неплохо, много работаю по искусству, думаю участвовать на выставке.

Пишите, не забывайте старых друзей и поклонников.

С уважением, Роберт.



20.I.1953.

Дорогой Роберт Андреевич!

Открытку получил. Спасибо за память и за поздравление с Новым годом. Рад, что ты устроился в Караганде, и там тебе, видимо, нравится. В Караганде в музее директором т. Семёнов, мой старый знакомый и, можно сказать, воспитатель. Если бываешь в музее — передай ему привет от меня.

Семья моя здорова, я — так себе, но работаю. Готовлю новое издание и летописи Аляски! Будешь ли в Москве? Заходи, если приедешь. Жму руку и желаю успехов.

Сергей Марков.

Без даты (почтовый штемпель 1.1.55 ?).

Добрый день, Сергей Николаевич.

Поздравляю Вас с Новым годом и желаю всего-всего хорошего в жизни, а главное, в творчестве и надеюсь, что Вы в 1955 году получите Сталинскую премию. Желаю это от всей души.

Про себя могу написать, что женат. Живу очень хорошо, тихо, спокойно. Сейчас много работаю по искусству

Что и над чем работаете, с интересом жду новую Вашу книгу. Какие новости, где Татьяна Дубинская?

Пишите. Крепко жму руку.

Уважающий Вас, Роберт Андр.

4 апреля 1957 г.

Дорогой Роберт Андреевич!

Вчера я закончил своё путешествие и вернулся в Москву — к семье, бурханам, книгам и рыбкам. На пути в Москву делал остановку в Акмолинске; собрал там очень ценный материал. Там были стужа и бураны; весна нас встретила лишь за Уралом. В Москве — тепло и солнечно. За поездку очень вымотался. Сейчас отдыхаю; через день-два начнутся трудовые будни. Про книгу — помню, буду искать её в самое ближайшее время.

Передай привет Павле Андреевне. Пиши, а как будешь ли в Москве, не забудь нашего дома. Крепко жму руку.

Sergius.

30.V.1957.

Дорогой Робчик!

Как ты живёшь и как у вас с Павлой Андреевной прижился мой “Александр Грин”? Я сижу, сгибая спину над карагандинскими своими записями и печатными источниками, готовлю статьи о своей поездке. Скоро, вероятно, ты их прочтёшь. У нас в Москве уже несколько дней — собачий холод, и я мечтаю об Акмолинске, где позавчера было + 29. Садик мой — в полном цвету, расцвёл в этом году раньше всех привычных сроков. Оленька моя кончила школьные занятия, сейчас дома; собирает для тебя спичечные этикетки и, как накопит, пришлёт их тебе сама. Боли у меня прошли, зато одолела... крапивница: привязалась и не отстаёт уже недели две! Вероятно, это нервные явления. Вероятно, буду работать для будущей декады казахской литературы — перелagать на русский язык один из романов. Может быть, снова побываю в Казахстане.

Привет тебе и П. Г. Пиши. Жму руку.

Сергей.



11/VI 57 года.

Здравствуйте, Сергей Николаевич!!

Не хотела Вам писать, обиделась за то, что не простились со мной. Но Ваш Грин примирил меня с Вами. Читаю и наслаждаюсь каждый раз. И невольно вспоминаю Ваш голос. Читали стихи в альманахе, хорошо — очень.

Радуюсь, что спазмы покинули Вас, а крапивница не страшна, только неприятна. У меня, после Вашего отъезда, был приступ один раз, а вот изжоги мучают основательно, кончились свежие овощи, которыми я спасалась.

Спасибо Вашей Оленьке за присланную спичечную этикетку. Робчик целует в щёчку за её внимание и ждёт обещанное. А вот Вы, Сергей Николаевич, забыли прислать обещанные фотографии монгольского Будды. Завтра будем у Семёнова, попросим помочь в подборе материала по созданию образа Амангельды.

Робчик задумал сделать несколько графических работ. Помните, он Вам говорил об этом.

Несчастный! Так ленив писать, а на старости лет даже своих друзей ухитряется ввести в заблуждение своим молчанием. Вчера получили письмо, где просто пишу; ежели до первого июля не будет отчёта, будут считать без вести пропавшим.

И Вы думаете, на него это подействовало? Прибалтику ничем не прошибешь, а по сему сегодня день, когда я отвечаю его друзьям.

Привет Вашей жене (не знаю имени и отчества). Жму Вашу талантливую руку и поцелуй от меня и Робчика Оленьке.

P. S. Приезжайте погреться в солнечный Казахстан.

2/XI 57 года.

Уважаемый Сергей Николаевич.

Поздравляю Вас, Вашу жену и милую Оленьку с наступающим праздником Октября. Желаю Вам всем здоровья и плодотворной творческой работы. Порадовалась за вас, за вашу жизнь на лоне природы. Только что вернулась из Ташкента, жила там 2 месяца. Болела сестра, упала, и у неё было сотрясение мозга. И я, пока не выходила её, не поставила на ноги без головокружения, не смогла вернуться домой.

Робчик без меня был много занят, но это, конечно, не оправдание его молчания, но, всё же, можно сделать скидку за его молчание к Оленьке. Спасибо дорогой девочке за её внимание к дяде Роберту. Все спичечные сокровища получены, и дядя Роб восторгался ими, и я любовалась на них. Дядя Робчик просит простить его и обещает Оленьке выслать вырезку, как только закончит предпраздничные работы, а их много, почему я пишу Вам от его имени.

В Ташкенте бывала у Сергея Бородина, он много работает, очень гостеприимный дом. Но меня тянуло к ним из-за детей. У него их четверо. Старшая дочка его из Москвы Ксения, его жены дочь Саида, очень интересная содержательная девочка, талантливая, любит балет, учится музыке, балету, иностранным языкам, перешла в 7-й класс отличницей. И двое мальшей — мальчиков, один Андрюша, 5 лет, и Саша 3-х лет, чудесные ребята, а я люблю детей, скучаю о своей внучке, которую не видела 8 месяцев. И когда ещё соберёмся в Москву с Робчиком, не знаю.

В музее у Семёнова были весной, а позже заходили узнать, проезжали ли Вы или пролетали через Караганду, но он был в горах в командировке. Вашу просьбу “наругать” его за молчание исполню, как только выберу время позволить ему или съездить в музей.

Робчик работает сейчас над серией графических работ на тему “Образ Амангельды”, думает закончить к декабрю месяцу. И если Вы ещё будете в Алма-Ате, то пришлёт их Вам посмотреть, а моя просьба — подтолкните его, чтобы он скорее кончил эту работу (помешало ему моё длительное отсутствие из дома).

Сердечный привет от Робчика и меня, поцелуй Оленьке.

Без даты.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!!

Решила и Вам черкнуть несколько строк о нашем житье. Роберт только сегодня встал с постели, болел гриппом семь дней. Начал работать, всё та же тема “Амангельды”, думает сделать как иллюстрации к несуществующей книге. Не знаю, как и раскачать его на творческую работу, обленился совсем после войны, ни за что не берётся.

Спасибо и Вам, Сергей Николаевич, за толчок, который я почувствовала здесь в Караганде, когда пришёл местный художник узнать, живёт ли по этому адресу интересный художник Граббе. И рассказал, что получил задание разыскать Граббе из Алма-Аты. Конечно, сразу же догадалась, что это исходит от Вас. Роберт всё гадал и думал, кто это, пока я ему не объяснила.

Теперь у Робчика появилось желание и стремление работать, а раньше он всегда говорил: “А кому это нужно”.

Когда Вы собираетесь в Москву? Как работаете? И главное, как здоровье? Ещё раз спасибо за раскачку ленивого балтийца.

Привет от меня и Роба всей вашей семье.

Павла Граббе.

9 ноября 1957 года, горы близ Алма-Аты.

Уважаемая Павла Андреевна!

Спасибо Вам за память, сейчас получил Ваше письмо. Оленька передаёт Вам и дяде Робу сердечный привет. Заранее благодаря за вырезки, она также просит по возможности присылать ей красивые почтовые марки, которые она ревностно собирает.

У нас в горах сейчас здесь очень хорошо. Сегодня снова выдался чудесный солнечный день, очень тепло. Сейчас пойду опускать Вам письмо и с удовольствием прогуляюсь. Дом наш затерян в огромном яблоневом саду, очень высоко над речной долиной, видны великолепные снежные горы с главными вершинами Алатау. А из башенки нашего дома, в которой помещается бильярдная, видна, далеко внизу, вся алма-атинская долина, на которой стоит и город. Вечерами всё это залито морем огней: зрелище удивительное.

Здесь я впервые в жизни выдерживаю ритм, правильно сплю, болей у меня почти не бывает, хотя вполне очевидно, что это, конечно, явления ангионевроза, спазмы, в конечном счёте — нервное переутомление

Работа моя продвигается вперёд, хотя остаётся ещё немало сделать. Сколько я здесь проживу ещё — в точности неизвестно.

Но, кажется, вслед за первой, мне хотят поручить ещё одну работу по переводу и, похоже, что я здесь пробуду до Нового года.

В перерывах между своей основной работой я пишу очерки для здешних газет. В десятой книге литературного журнала напечатаны три моих стихотворения, написанные все за последнее время.

Из любопытства, пожалуйста, взгляните отрывной календарь за 1958 год, листок от 21 мая. Он, как мне писали из Москвы, посвящён моему “Юконскому ворону” и даже воспроизводит обложку книги. Сам я календаря здесь ещё не нашёл.



Так Робчик и не пошёл работать в газету! Жаль, он мог бы там быть очень полезен, и заработок был бы больше. Но навязывать это ему никак, конечно, нельзя и ему самому виднее.

В общем, передаём от всех нас Вам и Робу самый сердечный привет. Нас не забывайте.

Сергей Марков.

22/158.

Милая Олечка!

Дядя Роб [просит передать] большое спасибо за твоё [письмо] с пачкой этикеток. Посылаем тебе, Оленька, немного марок, какие нашлись в доме, возможно, такие и есть у тебя, но ты можешь поменять.

Напиши нам, как ты провела каникулы в Алма-Ата? Где тебе больше нравится жить — в Москве или в Алма-Ата? И соскучилась ли ты о доме, о Москве? Как здоровье папочки?

Вот сколько вопросов я тебе задала. Буду ждать на них ответы.

И последний вопрос — загадка, это уже посылает тебе дядя Роб. Напиши, что вырезано силуэтами на этих трёх картинках? И понравились ли они тебе?

Целуем тебя крепко, будь здорова, хорошо учись.

30 января 1958 года, горы близ Алма-Аты.

Дорогие Павла Андреевна и Робчик!

Получили с Олей ваше письмо и рисунки и спешим благодарить Вас за это. Дела наши наладились. Я заключил здесь договор на книгу избранных рассказов и художественную биографию Чокана Валиханова. Обе книги будут изданы в этом году. Сейчас я дополняю биографию Чокана, значительно расширяя её. Рассказы уже сдал. Скоро они пойдут в набор.

Из Москвы тоже получена благая весть: издательство “Советский писатель” решило выпустить новым изданием мой “Юконский ворон”. Издательство потребовало у меня “расклейку” книги. На моё счастье, мне за день до этого прислали три экземпляра книги из Москвы, и я смог немедленно послать авиапочтой два из них — для набора. Теперь надо лишь ждать, когда они пришлют мне сюда договор для подписания, а затем можно просить о выплате 60 % гонорара. Если всё будет так, как надо, в этом году у меня всего выйдет из печати четыре книги — в том числе две здесь, а в Москве — книга стихов и “Юконский ворон”, это даст возможность писать новый роман.

Сердечный привет! Сергей Марков.

10 февраля 1958 г.

Дорогой Сергей Николаевич!

Благодарю Вас за внимание и товарищеские добрые чувства в отношении Робчика.

Письмо получили в обеденный перерыв. Роб загорелся и просил меня срочно ответить Вам. Обещает приняться за работу, как только получит от Вас рукопись и гранки “Сборник рассказов о Казахстане”. Работа ему по душе, тем более он уже познакомился и полюбил Казахстан, но просит Вас поскорее написать, что бы хотел автор для своей книги рассказов видеть? В обложке, в заставках и рисунках? А в отношении технической стороны, если нужно будет, это Роб всегда сможет взять отпуск за свой счёт и прилететь к Вам.



“Юконского ворона” мы ещё не имеем, но постараемся достать в календаре от 21 мая. Мы читали отрывок из Вашей книги, которую Вы посвятили исследователю А. А. Загоскину к его 150-летию со дня рождения. Полюбовались обложкой и иллюстрацией. И тогда ещё Робчик говорил, что интересно иллюстрировать такую книгу. Если бы Вы знали, Сергей Николаевич, как я буду счастлива возвращением Роба к творческой деятельности. Так хочется вернуть его в мир искусства!!

Не подумайте, что это ради денег, нет. Его и моя зарплата для нашего возраста вполне достаточна. Дело не в деньгах, а просто жаль, что человек способен ещё творчески работать. 20 лет из-за лени ничего не делает.

С Робом мы связаны с детства (родственники). Рос он талантливым мальчиком, и юношей обещал дать многое. Но судьба его столкнула с такими людьми (Вы их знаете), которые, чтобы удержать его около себя, не дали ему расти, идти вперёд. Старики внушили ему какие-то стариковские идеи, отжившие, а при его врождённой лени (у нас дядя был такой в роду) только и нужна была эта почва. Все мы, родные, бились с ним долгое время и ничего не могли сделать.

Простите за скучный откровенный разговор, при встрече объясню Вам всё это, а сейчас ещё раз сердечно благодарю за всё-всё.

Привет Оленьке и Вашей супруге от меня и Робчика.

С приветом, Павла Граббе.

P. S. Роб просил написать, что по мере исполнения эскизов он будет высылать Вам их авиапочтой на Ваше усмотрение.

15 февраля 1958 года, горы близ Алма-Аты.

Дорогие Павла Андреевна и Робчик!

Спешу ответить на письмо Павлы Андреевны, ибо верный себе лентяй Роб не пожелал мне прислать своего манускрипта, очевидно, боясь, что я его выгодно продам в какой-нибудь Эрмитаж или другой музей...

Начну с сугубо деловых вещей... Получили ли Вы письмо из издательства, в котором содержится официальное приглашение насчёт иллюстрирования меня, грешного? Такое письмо, как мне говорили, послано. У меня есть одно затруднение, которое мы, надеюсь, решим сообща. В издательство я сдал рукопись книги, по всем правилам, в двух экземплярах, а третьего у меня нет. Эти два экземпляра должны быть в издательстве — один редакторский, а другой наборный. Для художника ничего не остаётся. Я думаю, можно поступить так: я присылаю Вам бандеролью все три книги, из которых выбрано 22 рассказа, список отобранных рассказов. Робчик трудится, имея у себя эти книги, делает обложку, заставки и рисунки, а затем возвращает мне тоже почтой эти, единственные мои экземпляры книг или привозит мне их сюда, если этого потребуют технические условия работы.

Это — единственный выход из положения. Свои пожелания я пришлю в письме. Одновременно я выясню у издательства, на что они пойдут в иллюстрировании — сколько рисунков, заставок и прочего они смогут заказать, попробую выяснить возможности заключения договора с Робчиком.

Я очень хочу, чтобы Роб сделал с присущим ему мастерством и вкусом скромную, но в то же время нарядную книгу. В общем, я буду продвигать здесь формальную сторону дела с тем, чтобы всё устроить, ибо книгу намерены скоро сдавать в печать. Как только я всё узнаю, я немедленно напишу и пришлю книги. Договорились? Да, я забыл ещё добавить, что надо согласовать с издательством титул книги. Ранее я хотел её назвать просто “ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ”, теперь же думаю назвать её по одному из, как я думаю, наиболее удавшихся мне рассказов: “АРАБСКИЕ ЧАСЫ. Избранные рассказы”. Так будет литературно, да и название, по-моему, неплохое.



Не сомневаюсь, что Робчик с блеском сделает мою книгу и это будет для меня очень дорого.

Из Москвы получил известие, что издательство “Советский писатель” выпускает четвёртым изданием мой “Юконский ворон”. Разумеется, у меня и Гали с Олей — праздник и мы с нетерпением ждём из Москвы договора на книгу — вещественный знак такого замечательного для нас события, как новое появление моей книги. Тираж ещё неизвестен, но мои друзья писали, что, очевидно, это будет массовое издание, с тиражом порядка не менее 76 тысяч. Я сижу за машинкой и стучаю на ней научно-художественное повествование о Чокане Валиханове и его современниках-исследователях Казахстана, Средней Азии и Западного Китая в XIX веке. Работаю с увлечением, иногда в день делаю до четверти печатного листа. Сейчас рано говорить, но когда работа будет готова — заставлю Робчика снова работать на меня, рассчитываю нещадно его эксплуатировать, не давать ему опомниться! Вот так... Мне, между прочим, прислали из Даурии тибетскую статуэтку одиннадцатиликого Будды-Ариаболо, дух которого, по верованиям буддистов, воплощается в далай-ламу. Это — редкая штука, она имеется не во всех коллекциях предметов буддийского культа; её нет в печатных каталогах самых известных собраний. Она небольшая (10 сант. высоты), зато прекрасно выполнена (бронза). А сегодня получил письмо, что мой кузен привёз мне из Пекина изваяние “Бога благоденствия”, но не знаю какой высоты статуэтка и из какого она материала — она сейчас в Москве.

Мы шутим, что “Бог благоденствия”, видимо, не случайно приблизился к нам, перешагнув Великую Китайскую стену, а может быть, даже прилетев к нам на самолёте “Ту”. Семья моя здорова, шлёт Вам привет. Ольга застенчиво советовалась со мной: “Можно ли мне послать дяде Робчику аппликацию “Буратино”, которую я сделала? Он меня не засмеёт?”. В целях поощрения творческого порыва я счёл необходимым рекомендовать, на правах руководителя домашнего искусства, провести намеченное Ольгой мероприятие...

У нас тепло. На днях мы сидели на крыльце без пальто и шапок и любовались на мух, оживших на солнце и трогательно кружившихся над осыпанными снегом ступенями. У меня задрался нижний край письма. Прошу извинить. С. М.

Дружески и сердечно приветствую Вас, Сергей Марков.

P. S. Край письма пришлось отрезать: прошу извинить за неряшливый его вид. Робчик, дорогой, не поленись поискать в книжном магазине книгу Плано Карпини “История монголов” / Рубрук “Путешествие”, в одной книге, Географгиз, 1957. Нигде, ни в Москве, ни в Алма-Ате достать её не могу. Нужна позарез для работы над Чоканом. Если случайно достанешь — пришли!

20 февраля 1958 года, предгорья Алатау.

Дорогой Робчик!

Очень рад, что у нас будет творческое содружество, и ты сделаешь мою книгу. На днях я буду в издательстве, и мы с редактором обсудим все “орговопросы”, связанные с оформлением книги. Он обещал составить и послать тебе договор. Теперь вот о чём... У меня, к сожалению, нет третьего экземпляра книги, перепечатанной Галей на машинке, а два экземпляра рукописи, сданные в издательство, нужны ему — один для набора, а другой — для редакционных поправок. Я решил сделать так — послать тебе три моих книги: “Арабские часы”, “Голубую ящерицу” и “Солёный колодец” (единственные и изрядно потрёпанные экземпляры!) и список рассказов, которые я отобрал из этих книг для нового издания.



Ты работаешь с этими книгами, а потом их мне возвращаешь почтовой бандеролью, это — самое удобное, что мог я придумать. Одновременно я тебе пишу — на какие из рассказов тебе надо будет обратить внимание и т. д. Обложку, по-моему, надо делать сюжетную, а не орнаментальную. Книга “Арабские часы” оформлялась покойным Борисом Титовым: ты увидишь, как он пытался решить обложку. Ошибся он лишь в одном: изображая “арабские часы”, он не учёл, что собственно арабские цифры имеют своё особенное начертание. Коли тебе эти часы придётся рисовать, тебе придётся справиться — как изображать эту арабскую цифирь. Я тебе потом подробно напишу — как должны выглядеть эти часы.

Мы спишемся, и я тебе сообщу, на какие рассказы надо будет делать упор. Я ещё не знаю — как решил редактор насчёт количества рисунков, заставок и прочего. Вероятно, это будет всё перечислено в договоре и эти подробности будут уточнены на днях, когда я буду в издательстве.

Я тебе тогда немедленно обо всём сообщу, да, наверное, и редактор сразу тебя поставит в известность.

Книгу обещают издать быстро, без проволочек, даже ранее сроков, которые они назначали до этого. Сейчас я сижу и пишу, вернее, стучаю на машинке повествование о Чокане Валиханове, чтобы скорее сдать его в издательство. Книжка должна выйти тоже в этом году.

Оформлять её нам тоже придётся с тобой. Кроме рисунков самого Чокана думаю использовать неопубликованные зарисовки двух современников Чокана, художников Кошарова и Знаменского. Возможно, что их иллюстрации придётся перерисовывать. Обложка и заставки, конечно, будут твои. У меня есть фото — репродукция портрета Чокана Валиханова, её, возможно, придётся перерисовать и тогда портрет будет хорош. Думаю ещё на полях книги, в конце глав разбросать разные этнографические рисунки, фрагменты географических карт и другую мелочь. Это оживит страницы книги и придаст ей некую познавательную ценность. Но обо всём этом мы ещё успеем поговорить; сначала надо сдать готовую рукопись.

У нас — солнечные, ясные дни. На пригреве видел собственными глазами москитов и мошек, летавших над сугробами снега! Весна, конечно, здесь уже не за горами, вот-вот придёт. А у вас, поди, метели и холода?

Оля и Галя шлют вам привет. Жму вам обоим руки.

Ваш Сергей Марков.

Р. С. Вышел, говорят, альбом карикатур на писателей художника Иосифа Игина (название этого издания не знаю) и в нём — карикатурный мой портрет.

С. М.

1 марта 1958 года, горы близ Алма-Аты.

Дорогой Робчик!

Не знаю, получил ли ты договор на оформление моей книги. Несколько дней тому назад договор этот был составлен в издательстве и тебе должны были его послать. Посылаю тебе три книги и список рассказов, которые войдут в новое издание. Рукописи, к сожалению, лишней у меня нет, и я решил выходить из положения, послав тебе единственные экземпляры книг, к тому же — как видишь — изрядно потрёпанные.

Обрати внимание на обложку “Арабских часов”, работы покойного Бориса Титова. Цифры на циферблате часов у него выполнены неправильно. Надо найти человека, знающего арабскую цифирь и алфавит, и от него узнать о правильном начертании арабских цифр. Это если ты будешь делать обложку с рисунком часов. Возможно, что у тебя явится и другая идея обложки. Тебе надо сделать не менее пятнадцати рисунков. Учти, пожалуйста, что мне хотелось бы, чтобы иллюстрированы были в первую очередь такие рассказы, как, например:



1. “Цыганский узел”, 2. “Воскрешение командора”, 3. “Голубая ящерица”, 4. “Арабские часы”, 5. “Немеркнущий полумесяц”, 6. “Подсолнухи в Париже”, 6. “Похищение вселенной”, 7. “Семиреченский тигр”, 8. “Шпага фокусника”, 9. “Птица с Востока”, 10. “Земляной шатёр”, 11. “Нищий в пустыне”, 12. “Враг”, 13. “Соляной дом”, 14. “Происхождение эпоса”, 15. “Беглец из Кашгара”.

Кстати, последний рассказ можешь оставить себе на память, а не присылать потом с книгами, потому что у меня есть здесь ещё один его экземпляр.

Когда минует надобность, пришли, пожалуйста, книги почтовой бандеролью. Особенно не афишируй того обстоятельства, что я тебе прислал рассказы в изданном виде и вот почему к тебе такая просьба. Я сдал в издательство все эти рассказы перепечатанными на машинке, не делая акцент на том, что они выходили сборниками. Поэтому и не надо подчёркивать то, что они издавались.

Формат, количество рисунков, данные о материале для переплёта и прочие справки тебе, очевидно, сообщат при договоре. Я знаю, что будет твёрдый переплёт — картонный, корешок, рисунок обложки — в два цвета. Это то, что я запомнил, когда мне всё это объяснял мой редактор.

Со сроками, вероятно, ты уложишься. Они хотят книгу мою издать быстро. Учти, что вслед за этой будет ещё моя книга — художественная биография Чокана Валиханова, и я попрошу тебя тоже её оформлять.

Жду от тебя всякого рода вестей, что ты надумаешь насчёт общего вида книги, какие рассказы будешь иллюстрировать в первую очередь и т. д.

Если у тебя будут какие-либо сомнения, пиши скорее, будем советоваться, решать вместе.

В общем, посылаю книги, список рассказов, входящих в новую книгу, рукопись “Беглеца из Кашгара”. Действуй!

Привет Павле Андреевне. От Гали и Оли — сердечный привет.

Крепко жму руку.

Сергей Марков.

Р. S. Редактор тоже думает, что обложку надо делать сюжетную, а не орнаментальную.

С. М.

18/III 58 г.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!

Только сегодня встала с постели, проболев 3 недели. Замучили спазмы. И вот решила Вам черкнуть.

Спасибо за присланные книги. А от нас Вы получили книгу “Путешествие монголов”? Послана была 20 февраля.

Из редакции Робчик ещё не получал договора, но работать над обложкой начал и набросал несколько эскизов. Своё согласие на работу по Вашей книге Роб отправил в редакцию 17 февраля.

Жду очень тёплых дней и завидую Вам. А у нас сегодня был мороз 22°, а вчера выпал ещё снег. Грязи будет много.

Следующим письмом Робчик пошлёт Вам эскизы на Ваше одобрение.

Милой Олечке посылаю несколько марок. И все ждём от неё аппликации обещанные! Как у тебя с учёбой? Скоро-скоро будешь отдыхать и загорать. А у нас ещё зима никак не желает с нами расстаться, а мы уже считаем, что она очень загостила у нас.

Сергей Николаевич, у меня для Вас есть интересный рассказ об Акмолинске, но не о самом городе, а, видимо, об его окрестностях, так в верстах 96-ти от



города. Недавно мне так много рассказала одна жительница этой 26-й точки. Врач, которая меня лечила, и за время болезни и теперь ещё вечерами, бывая у меня, всё ещё вспоминает проведённое время там с 1937 года по 1945 год.

А Ваши рассказы читаю и перечитываю с удовольствием. Эти годы мы жили в Ташкенте, позже в Оше, во время басмачества. Много воспоминаний, и хороших и тяжёлых, осталось от этих лет, где приходилось быть участниками борьбы с басмачеством.

Простите за небрежное письмо, но ещё как-то после болезни не пишется.

Жмём руку, я и Роб. Привет Гале. Поцелуйте Оленьку за нас.

Без даты.

Дорогой Сергей Николаевич, виноват — прости, что послужил причиной твоего беспокойства и задержкой издания книги, но, откровенно говоря, я не учёл, давая согласие, дальность расстояния.

Будучи в Алма-Ате, я те поправки, которые мне делает худ. редактор Полякова, мог бы сделать там же в редакции, как говорится, не отходя от стола, а здесь проходит длительное время. Первые эскизы с поправками туда и обратно заняли время 20 дней.

Правда, причина ещё и погода — эти два месяца не летняя, из Алма-Ата авиапочтой бандероли идут 7-8 дней, а вот твоё письмо пришло за 3 дня. Буду высылать эскизы на твоё имя. Почему не делал это раньше! Не хотел утруждать тебя и отнимать рабочее время на хождение в редакцию.

Мною сделано 20 иллюстраций. Сейчас занимаюсь теми поправками, которые пожелала исправить [редактор]. Они незначительные, но приходится перерисовывать всё заново, композиционно, как видно, худ. редактору нравится, хочу, чтобы, главное, понравились тебе.

Сердечный привет и лучшие пожелания здоровья, бодрости, счастья Галине Петровне, Оленьке, а тебе творческих сил от Павлы Андреевны и меня.

Болеет серьёзно моя Павла Андреевна, вот уже 2 месяца, как заразил её гриппом, сам справился с ним за 2 недели, а Павла Андреевна получила осложнение на сердце и печень, ослабла очень, были такие спазмы, что ночами приходилось вызывать “скорую помощь”. Надо отправлять её в Москву, а оттуда в санаторий на лечение.

Жму крепко руку, твой Робчик.

P. S. Напиши откровенно, как старому другу, если моя работа тебя не устраивает, то я вышлю мои эскизы все, пусть передадут их другому художнику. Там основное всё сделано, легче другому художнику будет иллюстрировать. Не хочу, чтобы ты из-за меня волновался и переживал. Жду ответа и продолжаю работать.

Роберт.

21 марта 1958 г.

Дорогой Роберт Андреевич!

Жду от тебя вестей, творческих предложений, замечаний и т. д. и т. п. Получил ли ты от издательства договор и их пожелания? Дорогой мой, срочно пиши мне обо всём. Ведь я ничего не знаю с того времени. Как отослал тебе книги. Достал ли арабские цифры, если они вообще совпадают с твоей творческой установкой, замыслом и т. д. В общем, пиши авиапочтой.

Привет Павле Андреевне. Жму руку.

Сергей Марков.



Р. С. Сейчас получил ваше письмо. Не пойму насчёт квитанции на письмо Гаеву (?). Книгу получил, спасибо.

С. М.

9.V.1958.

Дорогой друг Робчик, прости меня, что я сразу не ответил на твою открытку. То праздники, то заболел, то сидел, не разгибаясь, за письменным столом... Сейчас, поздно ночью, я вспомнил, что тебе надо написать. Был ли ты в местной редакции? Сходи, если ещё не ходил, не ленись: может быть, будет толк. Когда напечатают о тебе и твоих скульптурах, обязательно пришли номер газеты.

Ольга в восторге от твоей просьбы и уже начала самоотверженный сбор спичечных этикеток для твоей коллекции. Хочет прислать сама, а пока я посылаю одно из её последних приобретений. Посмотри в библиотеке № 2 альманаха "Наш современник" (только что вышел). Там — цикл моих стихов.

Передай привет Павле Андреевне. Пиши, не забывай. Устрой интересную модель Л. Ф. Семёнову в музей и вообще с ним подружись.

Привет!

Сергей.

13 мая 1958 г., Алма-Ата.

Дорогой Роберт Андреевич!

Не писал тебе давно, потому что ждал вестей от тебя и рисунков. На днях был в издательстве; они мне показали несколько иллюстраций, из которых мне наиболее понравился рисунок к "Беглецу из Кашгара". Гаев в этом согласился со мной, но сделал несколько профессиональных замечаний по другим рисункам. Он, например, сказал, что рисунок к "Подсолнухам в Париже" надо будет доработать. Не вникая во все эти тонкости, я их просил срочно сообщить тебе их пожелания по рисункам, с тем, чтобы облегчить и ускорить твою работу. Дорогой Роб! Чем скорее ты сделаешь рисунки и обложку, тем скорее книга пойдёт в производство! Проникнись этим, друг мой; я просто умоляю тебя не смущаться просьбами Гаева о доработке и как-нибудь приблизить срок готовности всей художественной части книги, ибо её могут очень быстро издать. Короче говоря, они торопят меня, просят, чтобы я на тебя "нажимал": вот я, на правах старой дружбы, и нажимаю...

Жду от тебя срочных вестей. Как будешь посылать эскизы — одновременно мне об этом сообщи. А то в этот раз художественная редакция, действуя "автономно", не сообщила ни главному редактору, ни мне о том, что рисунки у них на рассмотрении. Узнал я об этом случайно, когда Гаев зашёл по другому делу к зам. глав. редактора и я вцепился в худ. редактора, чтобы он принёс твои эскизы, чтобы их показать нам.

Вот так... У нас — всё по-прежнему. Галина Петровна и Оля шлют привет вам обоим. Я вполне здоров и бодр, работаю во всю силу — упорно и каждодневно; книга подвигается вперёд.

У нас были ливни, холода, но это не помешало буйному расцвету ирисов и тюльпанов в горах, цветению абрикосовых деревьев и яблонь.

Сердечный привет Павле Андреевне.

Крепко жму руку.

Сергей Марков.



Рукописно.

19 мая 1958 г.

Дорогой Робчик!

Спешу ответить на твоё письмо. Очень огорчён болезнью Павлы Андреевны. Вот что проклятые гриппы делают! Надо, конечно, принимать все меры для лечения.

Роб! Ты “адиёт” круглый? Рисунками я доволен, заканчивай все. Видишь ли, я тебе всё сейчас жизненно объясню, и ты поймёшь, в чём дело. Книгу о Чокане я ещё не закончил. Деньги же, полученные здесь по договорам, я с ужасной быстротой проедаю и проживаю. Ехать в Москву, не сдав “Чокана”, невыгодно. Мне здесь сказали, что как только книга рассказов пойдёт в производство — мне сделают деньги, и я могу, не нервничая, завершить “Чокана” и спокойно ехать в Москву. Вот в чём вся причина! Чем скорее будут твои рисунки, тем надёжнее будут обеспечены последние сроки пребывания моего здесь. Будут рисунки — будет оплата по книге, и я со спокойной душой всё завершу здесь, рассчитают меня, как надо, и я свою миссию по Алма-Ате буду считать законченной. А могло получиться “или-или”. Я уж думал — не вернуться ли мне в Москву. Но надо здесь всё заканчивать. Рисунками я доволен, не сомневайся в этом. В издательстве нравится твоя манера и исполнение, но они говорят, что есть чисто технические недоделки и чувствуется, что ты много лет был оторван от профессии иллюстратора. Но всё это — исправимо. Вот так обстоят дела. Что называется, начинай!

Эскизы присылай лучше в издательство, но одновременно пиши мне об этом; я немедленно поеду в издательство и буду всё ускорять. Договорились?

Издательство хорошо к тебе настроено, книгу хотят выпустить быстро и, если и беспокоятся, то только за сроки сдачи книги в производство, ждут твоих рисунков.

Я тебе всё, так сказать, разъяснил, чтобы у тебя никаких сомнений не было, чтобы ты всё сделал как можно скорее.

От Галины Петровны и Оли — сердечный привет и пожелания скорейшего выздоровления Павле Андреевне.

Пиши!

Погода у нас — холодная и дождливая, тепло никак не установится до сих пор. Жму руку. П. А. привет.

Сергей Марков.

20 июня 1958 г.

Дорогой Робчик! Ты меня совсем забыл, ничего не пишешь. Как здоровье Павлы Андреевны, как твои дела? Как положение с рисунками? Мой редактор очень нервничает; на него давят сроки сдачи книги в производство и с него требуют оформление. В свою очередь все они (т. е. издательские работники) давят на меня. Дорогой мой, выручай меня! Немедленно пиши, в каком положении рисунки, скоро ли ты их вышлешь и т. д. А то мне придётся ехать, не завершив дел с книгой.

Привет П. А. Жму руку.

Сергей Марков.

23/VI 58 г.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич!

Одновременно с этим письмом Робчик отправил в Казгослитиздат худож. редактору тов. Поляковой авиапочтой всё, т. е. 20 иллюстраций к Вашей книге.



Через 7 дней, т. е. 30 июня, вышлет обложку и титул. Сейчас он заканчивает работу, спешит.

Первого июля мы уезжаем на курорт. Будем в Москве. Если Вам что-либо нужно в Москве, напишите, с удовольствием сделаю всё-всё для Вас. Болела очень долго, хочу верить, что поправлюсь у моря.

И прошу очень, простите, что задерживаем издание Вашей книги. Виновата моя болезнь, из-за которой я не смогла сделать Робчика более энергичным.

Привет сердечный Гале и Оленьке от меня и Робчика. Желаю Вам здоровья и творческих успехов.

Р. С. Роб посылает Оленьке свои фотографии на память, а я вышлю из Москвы всё, что на фотографиях, т. е. на письменном столе сделано руками Роберта. Оленьке понравится, наверное, слон [неразборчиво], а второго слона Робчик резал сразу же после появления Вашего очерка в газете, в "Соц. Караганде".

Без даты.

Дорогой Сергей!

Во-первых, прости меня за лень, но писать для меня было, и сейчас есть, большой труд. Мыслю я по-латышски, а писать по-русски трудно. Но я надеюсь, что ты не в обиде, т. к. Павла Андреевна со всеми моими друзьями ведёт деятельную переписку. Человек она очень обязательный и, скажу по секрету, ты и Оленька пришлись ей по душе.

Разреши поздравить тебя с плодотворным творческим годом. Сердечно радуемся с П. А., когда читаем твои письма с такими приятными новостями, как четвертое издание твоего "Юконского ворона" и др.

Сегодня получил из Казгослитиздата от худредактора Гаева и зам. гл. редактора Ананьева предложение об оформлении твоей книги рассказов. Сегодня же и написал согласие.

Большое тебе спасибо за товарищеское внимание и память обо мне. Прошу тебя об одном — разреши мне посылать эскизы раньше тебе, а потом редакции. Хотелось бы иметь согласованность, прежде всего, с автором, а главное, чтобы тебе нравилось. Работать буду с удовольствием. И ещё прошу указать, какие сюжеты взять из твоих рассказов для иллюстрации. И какую мыслишь ты обложку? Сюжетную или орнаментальную? Буду ждать рукопись или гранки для прочтения, выборов сюжетов. И немедленно вышлю обратно авиапочтой.

С сердечным приветом к твоей супруге. Целуем Оленьку.

Жму руку, Роберт.

Привет всем от Павлы Андреевны.

16.VII.1958.

Дорогой Робчик!

Жди телеграммы, которую я пошлю на днях тебе или Семёнову в музей. Я, Галя и Оля скоро отправимся на самолёте в Алма-Ату.

Прошу тебя и Павлу Андреевну прийти к самолёту. Хочется повидаться.

До скорого свидания! Сердечный вам привет.

Сергей Марков.

Москва, Д-284, Беговая, 1/а, корпус 7, кв. 7.



27/XII 58 г.

Караганда.

Дорогие друзья, поздравляю вас с Новым годом и желаю вам всего хорошего в жизни и творчестве. Надеюсь, что ты обрадуешь меня новыми книгами. Очень мне хотелось бы узнать, как вы поживаете, над чем ты работаешь?

О себе могу сообщить, что живём по-старому. Выставил и я свои работы на областную выставку в Караганде, отметили в печати. Работаю по искусству, сделал несколько эскизов к Чокану Валиханову. А как твои дела? Нельзя уже иметь тему к иллюстрированию? Ведь я делаю эскизы не по теме книги, делаю их как станковую графику. Напиши, где, в каком городе встретились Чокан с Семёновым-Тян-Шанским, в каком году? Я смотрел два-три раза кинофильм "Его время придёт". Какие за это время вышли на эту тему книги?

Олечке передай большое спасибо за этикетки, и я её должник. Очень рад за её успехи. Сердечный привет вам от Павлы Андреевны и от меня.

Ваш Роберт.

P. S. Посылаю тебе небольшой "дарунок", exlibris. Если что-нибудь понравится, я отпечатаю тебе необходимое количество exlibris.

Роберт.

Без даты.

Дорогой Сергей!

Посылаю тебе exlibris с изменениями, которых ты просил. Только нужно уменьшить их на половину, а то и больше, так 5*7 см или 7*9 см. И ещё посылаю 2 экслибриса на тему "Земной круг":

1) тема борьбы, 2 силуэта, русский и азиат у глобуса, держа руки на глобусе, где находится Азия, и с оружием в руках;

2) тема геральдика, где всё перемешано, но главное — Россия; в центре каменное изваяние Георгия Победоносца с Фроловской стрельницы, это изображение вошло в герб Москвы; с боков часы Спасской башни и астрономический глобус, из-за которого виднеется русский меч и басурманское знамя (идея борьбы русских и татар); всё это охвачено кругом, в кругу находится ключ, эмблема Папы Римского, льва Венеции, европейский щит, индийский слон и китайский дракон.

Если тебе понравятся эти exlibris'ы, то можно сразу вместе все три отпечатать на одном листе, уменьшив все три экслибриса в один масштаб. Верно, один будет меньше, другие больше по масштабу, но это ничего.

Я попрошу прислать, когда отпечатают. Пришли мне десятка три exlibris'ов для обмена с коллекционерами, очень прошу. Мне нужно и для выставки exlibris'ов в Кемерове, которая будет в сентябре. Надеюсь, что успею их послать вовремя.

Павла Андреевна в Москве, у неё неприятности с ногой, если будешь в Москве, позвони по телефону Д-7-97-70 вечером после 9 часов. Она хотела вас видеть, но сейчас с ногой навряд ли сможет, к сентябрю собирается домой.

Над чем работаешь? Желаю успеха. Пиши сразу, как получишь письмо, своё мнение. Сердечный привет семье.

Твой Роберт.

8 января 1959 г.

Дорогой Робчик!

Письмо с образцами книжных знаков получил. Спасибо. Печатай их все, за исключением экслибриса с буквами "РАК"; мне он не нравится, потому что



получился из-за этих букв какой-то “Канцер”, согласиись с этим сам. Остальные печатай и присылай, чем больше их будет, тем будет лучше.

Чокан встречался впервые с Семёновым-Тян-Шанским в Омске, в 1856-1857 годах. Об этом смотри в советском издании записок Семёнова: “Путешествие в Тянь-Шань”, Географгиз, 1946. Учти, что в те годы у Семёнова никаких бакенбард не было, в чём тебя убедит его портрет на стр. 9 указанной книги. Бакенбарды он стал отращивать, очевидно, во время путешествия. В той же книге — его портрет, где он изображён в киргизском костюме (стр. 64), уже обросший бородой и усами. Но, надо полагать, оброс он только потому, что был в долгом походе.

В Омске П. Семёнов навещал Чокана у него на дому, интересовался богатой библиотекой Чокана, книгами преимущественно по востоковедению. Был случай, когда Чокан и Семёнов ехали в санях по Омску — на квартиру Потанина. На Чокане была голубоватая шинель с пелериной и бровровым воротником. Вот что известно о встречах 1856 и 1857 годов.

О себе могу с грустью сообщить, что смертно, тяжко болею. Снова ни с того ни с сего привязались жгучие боли в боку, в диафрагме, просто света Божия не вижу от болей, ночами не сплю, принимаю всякие лекарства, от которых высыхает всё во рту и никакого облегчения не получаю. Временами просто прихожу в отчаяние. Вот и сегодня вечером был страшный приступ, длившийся часа два. Сейчас — около пяти часов утра, а я всё ещё не спал.

Кое-как смог участвовать в Казахской декаде, даже получил за это благодарность Союза писателей СССР. Выступал с оценкой нескольких книг.

Добился путём открытого письма в “Известия” правительственных мероприятий по увековечению Чокана. В Алма-Ате будет памятник, конкурс объявлен. Не будешь ли ты в нём участвовать? Я тебе с радостью помогу советами и материалами. Пиши, как ты относишься к такому предложению?

Вот-вот должна выйти книга моих рассказов с твоими рисунками. Здесь на Декаде был редактор книги, говорил, что она будет внешне очень приглядна, и что рисунки им нравятся. Очень скоро выйдет и книга стихов в “Молодой гвардии”, в очень удачной, на мой взгляд, обложке работы моего старого товарища и однополчанина, графика Ивана Бекетова. Он близок к тебе, как орнаменталист, много работающий в этой области.

Семья моя жива и здорова, шлёт вам обоим привет. Оля бегаёт в художественную школу, уже рисует “композиции” и важно рассуждает о Репине, Васнецове, Иванове и других мастерах. Ходит самостоятельно в Третьяковскую галерею. Не знаю, может быть, из неё и получится прикладной художник: по крайней мере, будет кусок хлеба и любимое дело.

Склеил ли ты для меня статуэтку китайского мудреца? Если это удалось сделать — пришли, пожалуйста, бандеролью вместе с экслибрисами. Экслибрис с юконским вороном, по правде сказать, великоват по размеру, но что поделаешь, если он уже сделан! Вообще же, книжный знак — дело хорошее.

Не мог бы ты мне сделать такую ещё услугу. Хотелось бы, чтобы ты сделал красивым шрифтом нечто вроде штампа:

“Сергей Николаевич МАРКОВ

Москва, Д-284,

Беговая, 1/а, корпус 7, кв.7.

Телефон Д-3-00-80, доб.2”.

А сделав такую надпись, достал бы ты стопу бумаги писчей в 500 листов и отпечатал в левом углу каждого листа этот штамп. Я хотел заказывать такую

штуку в типографию, но это не так-то просто, надо туда не один раз сходить, чего я не могу делать из-за болезни. Если можно, сделай мне это и пришли почтой.

Был ли в Карагандах в продаже “Юконский ворон”? В Москве он шёл замечательно и, кажется, уже весь распродан.

Очень переживаю то обстоятельство, что из-за болезни не могу работать над книгой о Чокане, хотя более половины её написано. Обидно!

На днях буду требовать от врачей, чтобы меня серьёзно лечили, а не отделялись порошками и микстурами, от которых горечь во рту не проходит. Не может быть, чтобы современная медицина не может ничего сделать с таким недугом, какой меня постиг и вывел из жизненного строя.

О Чокане и его окружении спрашивай — все справки, советы и т.д. будут тебе обеспечены. Видел ли бюст Чокана в “Известиях” от 18 декабря? Бюст частично делался у меня на дому, на моих глазах. Скульптор обещала даже подарить мне гипсовую форму бюста, но куда мне его ставить?

Передавай сердечный привет Павле Андреевне.

Сергей Марков.

P. S. А может быть, можно сделать каучуковый штамп с адресом, только — с оригинальным каким-нибудь шрифтом?

26 февраля 1959.

Дорогой Робчик! Более месяца лежу по соседству с собственным домом — в Боткинской больнице. Прошёл тщательные исследования, никаких органических заболеваний, слава богу, нет. Но — крайнее истощение — физическое и нервное. Невралгия оказалась болями “белой линии” диафрагмы... Обещают вылечить. Порадуй меня и пришли exlibris’ы и ещё что-нибудь. Пиши по домашнему адресу: Галя у меня часто бывает. Книга стихов вышла — на днях будут авторские. Алма-атинская книга ещё печатается. Решается судьба большой рукописи “Земной круг”.

Привет Павле Андреевне. Обнимаю тебя.

Sergius.

24/III 59 г.

Привет дорогим Галине Петровне, Олечке и Сергею Николаевичу из Караганды.

Дорогой Сергей Николаевич!

Сердечное спасибо за подарок. Книгу Ваших стихов получили, и я их прочла вслух Робчику, получив большое удовольствие. Вспомнили Вас, когда Вы читали нам стихи за столом в Караганде. Трудно сказать, какое или какие стихи понравились больше, т.к. все они хороши.

Немного взгрустнулось, что бесталанна и не могу отблагодарить Вас тем же. Но примите искреннее тепло моей души к Вам; с пожеланием доброго здоровья, многих лет творческих успехов, много стихов на радость и наслаждение людям. И ещё желаю Вам счастья, покоя и радостных дней.

Ждём от Вас письма, как самочувствие, как и чем Вас подлечили у Боткина. Надеемся, что спазм прекратил Вас мучить. А всё же, Сергей Николаевич, не надо забывать о диете при нашем заболевании (у меня то же, если Вы помните), а Вам, кроме того, нужно ещё выйти из состояния истощения. Вот у Робчика не мешало бы подзанять.

Роберт и я благодарим Вас за участие в вытягивании его снова к творческой деятельности. В этом году он выставлялся в Караганде и на выставке в Алма-Ата, имел успех, после чего его приняли вновь в члены Союза художников Казахстана. Это его как-то подтолкнуло. Будем надеяться, что творческая мысль не оставит его.



Ждал он от Вас материал о Чокане Валиханове, сделал несколько эскизов, а сейчас решил сделать из них серию станковой графики в офорте. Но нет станка, и не обещают его для Караганды, так он задумал сделать сам его.

Из серии “Чокан Валиханов”:

1. Чокан записывает былины в кругу казахов.
2. Чокан в Кашгарии.
3. Чокан художник (рисует).
4. Чокан в Петербурге среди друзей.
5. Чокан на соколиной охоте.

Робчик спрашивает у Вас, в каких книгах он может найти портреты Достоевского, Гонсевского, Костылецкого, Капустина, Потанина, Семёнова-Тян-Шанского, Дурова по времени с 1854 года по 1861 год. Генерала Черняева, Гасфорта.

Сергей Николаевич! Получили ли Вы от нас посылочку со склеенным “мудрецом”? Лучше было сделать невозможно. С печатанием exlibris получилась задержка, из-за брака в печати. Придётся сделать всё заново. Посылаю Вам несколько листов, в которых Вы и увидите этот недостаток.

Милую Олечку дядя Роб целует крепко за её внимание. Получил от неё этикетки, они очень хороши. Я очень хочу знать о её успехах в рисовании.

Кланяемся Галине Петровне и ждём от неё тоже письма с описанием жизни-бытия московского.

Целуем Вас всех, Павла, Роберт.

29 марта 1959 г.

Дорогие Павла Андреевна и Робчик! Получил ваше письмо с ex-ibris'ами. Спасибо! Хорошо бы при случае их напечатать побольше. 5-го апреля я ложусь на месяц в подмосковный санаторий. Сейчас я чувствую себя много лучше; болей почти нет. Правда, несколько повышено кровяное давление, но, видимо, это — переходящее явление. На днях Оля послала дяде Робу два конверта с этикетками; вы, очевидно, их уже получили. Душевно радуюсь тому, что Робчик возвратился к искусству. Справки по Чокану постараюсь достать. Бюст Чокана стоит у меня в комнате (см. “Известия” от 18-ХІІ-1958 г.). Рад, что моя книжечка вам понравилась. Вся моя семья шлёт вам сердечный привет. Пишите!

Сергей Марков.

2 июня 1959 г., Москва.

Дорогой Роберт!

Ты опять ленишься мне писать! Как идёт ваша жизнь, как успехи в творческой жизни? Я вот всё болею, всё тот же солярит в страшных формах. Но это — скучная тема. Пришлешь ли мне ex-ibris'ы, которые мне понравились? “Арабские часы” вот-вот выйдут в свет. Редактор пишет, что твои рисунки к книге всем необычайно нравятся и что издание вообще будет нарядным и вместе с тем — строгим. Мне скоро пришлют авторские экземпляры.

Как здоровье Павлы Андреевны? Крепко жму ваши руки. Оля рисует, ходит в художественную школу. Пишите!

Сергей Марков.

17.X.1959.

Дорогие Павла Андреевна и Роберт! Как вы живы-здоровы, почему вы оба не пишете нам? Хочется узнать о вашей жизни, труде и успехах. Если Робчик ленится, то хоть Вы, Павла Андреевна, пишите! Как у Робчика дела с работами, связанными с Чоканом Валихановым? Очень хочу знать подробности этого дела.



Видели ли “Арабские часы”, имеете ли их? У меня их всего-навсего 2 экземпляра и я никак не мог вам послать книгу с надписью, как полагается признательному автору. Я недавно вернулся домой. Ездил более месяца в сторону Маньчжурии. Заезжал на Байкал, по пути завернул в Новосибирск, Иркутск. Привёз много материала. Галина Петровна и Оля шлют привет. Жду весточки.

Сергей Марков.

24 февраля 1960 г.

Дорогие Галина Петровна, Сергей Николаевич и Оленька!

С опозданием, но снова отвечаю опять я на Вашу открыточку, т. к. ленивый Робчик, дошедши (не знаю, есть ли такое выражение) до предела, по Вашему выражению, снова не смог собраться с духом ответить Вам, да и работы у него сейчас очень много, и по дому и творческой.

Опишу причины молчания. Переехали в новую квартиру, однокомнатную малометражную, в центре города. И если Вы, Сергей Николаевич, не забыли Караганды, то я опишу, где находится наш дом. Напротив гостиницы, рядом с Летним театром. Наша квартира окнами и балконом выходит в парк. Квартира удобная, солнца много и воздух хороший, это лучшее место в Караганде. Надеюсь, Вы не откажетесь навестить нас на новоселье. Наша громоздкая мебель не разместилась, да и не втащили бы её, а поэтому были заняты, вернее, я была занята приобретением в Москве малогабаритной мебели, а Робчик оборудованьем квартиры, руки у него золотые, всё умеет сделать.

И вот 2 месяца не притрагивался к своим линогравюрам, заказу музея Алматы. О Чокане он тоже сделал несколько эскизов, но они его что-то, видимо, не очень удовлетворяют. Поэтому Вы и не имеете фотографий с них.

Дорогой Сергей Николаевич! Наконец-то Робчик сумел выполнить своё обещание в отношении exlibris. Дело в том, что типография не бралась печатать их... И всё же Роберт разыскал такого, и, наконец, отпечатали, получилось неплохо. Но кроме всего прочего, он с нас запросил (узнав, что это писателю) пару книг с Вашим автографом. И мы, не испросив Вашего разрешения, пошли на эту сделку. Думаю и надеюсь, что очень бранить не будете за это и вышлите книги. Тем более он читал Ваши книги, и они ему очень нравятся. Фамилия Вашего читателя и печатника Гусев Игорь. Отпечатал что-то около 4 тысяч, а может и все 4. Я не считала, т.к. очень спешу их выслать, чтобы порадовать Вас. Да и успокою свою совесть, человек я обязательный и, если что обещаю, обязательно должна выполнить.

О получении сообщите и, если можно, то, пожалуйста, вышлите и книги. Может, ещё кому придётся заказывать. Робчик не против был бы сделать несколько exlibris. Любит он этот вид графической работы.

Как Ваше здоровье? Успехи Олечки в художественной школе? Что поделяет Галя? В Вашей открытке ни слова не было о здоровье, а оно нас интересует. Напишите, пожалуйста, будем ждать.

Сейчас мы Вам дали работу — обрезать и наклеить exlibris, но это приятная физическая работа.

С уважением, Павла, Роберт.

Караганда, Новый город, Центр, ул. Связи, д. 22, кв. 34.

П. А. и Р. А. Граббе.

8 марта 1960 г., Москва.

Дорогие друзья! Сердечно поздравляем вас с новосельем. Зная трудолюбие и изобретательность в остальном ленивого Робчика, не сомневаемся в том, что в вашем новом доме будет хорошо и радостно. Большое спасибо за ex-ibris'ы.



Они всем нравятся. Я даже послал образцы в Ленинград, известному коллекционеру их, часто издающему каталоги книжных знаков, где они обычно воспроизводятся как иллюстрации к тексту их описаний. Мастера, который их печатал, просите терпеть и ждать, потому что найти мои “Арабские часы” — невозможно, а вот “Юконского ворона” и “Золотую пчелу” буду героически доставать и высылать вам для вручения этому печатнику.

Мы живы и здоровы. Я, хоть совсем и не исцелён, но чувствую себя много лучше и никаких спазм не боюсь, езжу по Москве, не страшась возможных приступов, которых раньше очень боялся. Спазмы почти сошли на нет. Галина Петровна и Оля шлют привет. И я вас сердечно приветствую.

Сергей Марков.

25 декабря 1960 года.

Приветствуем Галину Петровну, Сергея Николаевича в Казахстане!!

Рады были получить от Вас весточку, т.к. мы не знали, чем объяснить Ваше молчание.

Живём мы по-прежнему тихо и спокойно, если не считать, что Робчик месяц был болен, повысилось кровяное давление. Сейчас всё наладилось. Я также чувствую себя значительно лучше. А как Ваши спазмы, Сергей Николаевич?

Ленивый Робчик работает над линогравюрами “Гражданская война в Казахстане” и цветными силуэтами о Чокане. Сделал несколько работ на выставку в Караганде и Алма-Ата. И вот к Вам большая просьба.

Сергей Николаевич, если, конечно, Вас не затруднит связаться по телефону или, как Вы найдёте себе удобнее. Узнайте, пожалуйста, на выставке или в художественной галерее им. Шевченко, которая помещается по ул. Ленина, дом 14, телефон 73-90, у директора Плахотной Любови Георгиевны, где находятся работы Робчика? 3 цветных силуэта шахты Караганды и 4 силуэта, вырезанные из чёрной бумаги. Как они были приняты? Понравились ли? Вопрос этот очень интересует Робчика потому, что никто не делает таких графических работ, а китайские силуэты у нас в большом почёте. Хотелось бы знать ещё и [неразборчиво] над Валихановым в этой манере цветного силуэта. Стоит ли ему продолжать работу в этом стиле?

Вторая просьба, узнать по телефону № 37-96 у председателя графической секции тов. Сидоркина или у секретаря судьбу 11 работ, посланных на графическую выставку.

И последняя просьба. Это вопрос денежного порядка. Робчик по договору с худож. галереей получил аванс за работу. В срок её не выполнил, и галерея в счёт аванса (1970) приобрела с выставки одну работу за 1000 руб., о чём и было сообщено. А вот как с остальной суммой денег? Роб им выслал на выбор вышеуказанные силуэты.

Простите за затруднение просьбами, но не откажите в любезности в их исполнении. И если выставка закончена, не сочтите за труд переслать нам все работы наложенным платежом почты. Будем Вам очень признательны.

А теперь разрешите поздравить Вас с наступающим Новым годом!! Новым счастьем!! И от всей души пожелать Вам доброго здоровья, счастья, больших творческих успехов и, конечно, хорошего настроения во встрече Нового года вне дома.

Ждём письма.

P. S. Я и Робчик очень интересуемся, когда выйдут в свет Ваши стихи. Не забудьте, что я большая поклонница Ваших стихов.

Павла и Роберт Граббе.



Без даты (почтовый штемпель не виден).

Милые дорогие друзья!

Поздравляем вас с праздником Октября и желаем здоровья, бодрости, успехов в творчестве и в труде на много лет! Что это вы позабыли нас, карагандинцев? Что случилось, чем обидели мы вас, москвичей? Как ваше здоровье?

Мы живём по-стариковски, летом отдыхали в Боровое, а сейчас работаем, здоровье сносное. Мы часто с П. А. вас вспоминаем. Где учится и как успехи дочки?

Крепко жмём ваши руки и обнимаем.

Ваши Павл. Анд. и Роб.

29 декабря 1961 г.

Дорогие друзья! По иронии судьбы, не далее как 22.XII, был у вас в Карагандах, более получаса провёл в аэропорту, по дороге в Москву! Если бы знал об этом заранее, подал бы телеграмму вам, и можно было бы повидаться... В Алматах пробыл около 3-х месяцев. Привёз с собою оттуда новую книгу — “Небесные горы”... Устроил книгу о Чокане.

Сердечно поздравляем вас с Новым годом, желаем всяческих успехов, здоровья! Галя и Оля были со мной.

Пишите!

Ваш Сергей Марков.

6.V.1962 г.

Дорогие друзья! Спасибо за весеннее поздравление, за память. Мы всегда о вас помним, а не писал я лишь потому, что было много всяких дел, забот и хлопот. Поделюсь с вами своей радостью. Недавно я ездил на две недели в Новосибирск. Обо мне вспомнила редакция журнала “Сибирские огни”, где когда-то я начинал печататься, и пригласила на сорокалетие журнала. Съездил я в Сибирь замечательно и в радостном настроении вернулся в Москву. 4-го мая был вечер, посвящённый моим стихам, в секции поэтов Союза писателей. Всё было исключительно тепло и дружественно; собрание постановило хлопотать об издании наиболее полной книги моих стихов. Все мы живы и здоровы. Оля поступила на работу, с обучением в вечерней школе. Недавно ей исполнилось 16 лет. Отсюда — масса фантазий. Со здоровьем у меня более или менее хорошо. Как вы живёте? Пишите. К Робчику должны обратиться насчёт гравюры о Чокане. Найдите № 3 журнала “Простор” (Алма-Ата). Там — мой рассказ. Привет вам.

Сергей Марков.

12 ноября 1963 г. Москва.

Дорогие друзья!

Спасибо за поздравления. Не писал я давно никому, потому что страшно много забот.

В Алматах вышла моя книга о Чокане Валиханове: авторские обещают прислать в этом месяце.

При первой возможности пришлю книгу вам.

В последнем номере “Литературной России” напечатаны воспоминания Вал. Португалова о кунцевском житье-бытье Багрицкого. Как давно всё это было!

Как Ваши дела? Вернулся ли Робчик к искусству? Не мог ли бы ты прислать мне фотоснимки со своих гравюр о Чокане?

Получил письмо от Вашего знакомого, Афонского, и что мы — ответил ему на его вопросы.

Сердечный привет Вам от всех нас! Пишите!

Сергей Марков.



Без даты. (Почтовый штемпель 16.11.65)

Дорогие друзья! Мы вас любим и помним. Моё молчание объясняется тем, что я надоедливо и небезопасно болел; дважды перенёс воспаление лёгких. Затем все дела, в том числе и переписка, оказались запущенными. По существу все дела приходится постепенно восстанавливать.

В Новосибирске, в серии “Библиотека сибирской поэзии” вышел томик моих стихотворений 1925-1965 годов. Прислать вам его пока не могу, т. к. нет ещё авторских экземпляров, которые я заказал. Сибирская книга моя, пожалуй, самая полная. Объём её — 10 печатных листов; ледериновый переплёт; очень хороший внешний вид. Это — главная моя новость. В скором времени выйдет из печати мой “Земной круг”. Это — капитальный труд. Книга уже сверстана и должна выйти в свет не позднее декабря с. г.

Мы только 13/ХІ вернулись в Москву из своей бревенчатой виллы под Серпуховом. Жили там лето и всю осень. Забот с этим домом — много; сделали шиферную крышу, бетонный фундамент, многократно перекопали сад. Обнимаем Вас!

Сергей Марков.

Телеграмма. 66 год.

ГОРЯЧО ОБНИМАЕМ ЦЕЛУЕМ
ДОРОГОГО СЕРГЕЯ ПОЗДРАВЛЯЕМ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ
ЖЕЛАЕМ КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ БОДРОСТИ
ДОЛГОЙ ПЛОДОТВОРНОЙ ЖИЗНИ
ТВОРЧЕСКИХ УСПЕХОВ
БУДЕМ ЖДАТЬ С НЕТЕРПЕНИЕМ НОВЫЕ КНИГИ
ХОТИМ СЛЫШАТЬ ОТ ВАС ЕЩЁ МНОГО
ИНТЕРЕСНЫХ СТИХОВ ПРОЗЫ
КОТОРЫЕ МЫ ОЧЕНЬ ЛЮБИМ
АНДРЕЕВИЧИ

Москва, Г-22.

Малая Грузинская ул., дом 31, кв. 39.

Маркову Сергею Николаевичу.

Без даты (почтовый штемпель 27.12.66).

Дорогой Сергей и Ольга [прим. *так в тексте*] Петровна!

Поздравляем вас с наступающим Новым годом и желаем вам здоровья, сил и больших-больших творческих успехов в литературе. С нетерпением ждём от Вас новых произведений в поэзии и прозе.

Как живётся в новой квартире, устроился с книгами?

Получил от Лидии Густавовны книгу “Рисунки поэта”. Много иллюстраций. Нашёл свои иллюстрации, эскизы к “Дума про Опанаса”. На днях их pošлю Л.Г. Не забываете старых друзей.

С уважением, Павла и Роберт.

27.ХІІ. 1966 г.

Дорогие друзья!

Мы тоже поздравляем Вас с Новым годом и желаем счастья, здоровья, успехов. Мы постепенно обживаемся на новом месте; библиотека и архив устроены, а для картотеки я устроил трёхъярусный шкаф с выдвижными ящиками. К Новому году большим тиражом (45 тыс.!) вышел мой стихотворный сборник “Топаз”, очень хорошо оформленный. В него вошли и последние стихи,



помеченные 1966 годом. Буду продолжать “Земной круг”. “Юконский ворон” будет переиздан вместе с “Летописью Аляски”.

Пишите! Мы вас помним и любим. Как вы там, в снежной Караганде?

Ваш Сергей Марков.

15 марта 1967 года.

Здравствуйтесь, дорогие друзья!

Как живётся в новой квартире? Как здоровье Ваше, Сергей Николаевич? Здорова ли Галина Петровна? Что подельвает Оля?

Мы пока чувствуем себя неплохо, боремся со склерозом, а Робчик с гипертонией.

Прочитали в журнале “Вокруг света” статью Н. Тихонова о Вашей книге “Земной круг”. Хотели приобрести её или хотя бы прочитать. Но, увы! Нашим желаниям не суждено было осуществиться. В Караганде в продаже её нет. И вот Андреевичи обращаются к Вам с просьбой, если Вы, конечно, захотите осчастливить нас, пришлите, пожалуйста, и нам, карагандинцам, “Земной круг”.

Робчик посылает Вам аппликацию “Чокан Валиханов в Кульдже” и просит, если понравится, оформить её на паспарту под стекло, думая, что в Вашей комнате на стене это будет интересным пятном. Можно сделать это и в салоне графики, на ул. Горького, как графическую работу, только обязательно на паспарту и без рамки. С большим удовольствием работал Роберт над этой аппликацией, чтобы порадовать Вас своим подарком.

Желаем Вам крепкого здоровья и больших творческих успехов.

Обнимаем, Ваши Андреевичи.

67 г.

Дорогой Сергей!

Посылаю тебе exlibris. Карта срисована с карты Московии XVI века по представлениям иностранцев и с карты, изданной в 1613 году голландцем Гесселем. Ну, в общем, смесь. Славянский шрифт тоже 16 века. Надеюсь, что тебе exlibris понравится. Если буду отпечатаны, то прошу меня не забывать и прислать их для выставки.

Над какой книгой сейчас трудишься? Будем ждать от тебя новый подарок, ведь мы с Павлой Андреевной твои большие поклонники.

Что ты хотел бы, чтобы я сделал по графике?

А теперь разреши поздравить вас с новобрачными и пожелать им большое счастье в жизни и в любви.

Привет Галине Петровне и Ольге Сергеевне.

Крепко целую тебя, Роб.

Поздравляю и я Олечку с замужеством. От всего сердца желаю ей большого счастья, радости в жизни.

Целую и обнимаю, Павла Граббе.

Очень жалею, что не встретилась с Вами в Москве в этом году. Будьте здоровы. 22 июля 1967 г., Вихрово.

Дорогие друзья!

Шлём вам привет из Вихрова, где мы проводим лето. Не помню, рассказывал ли я вам подробно о Вихрове. Это — маленькая деревня, затерянная в серпуховских и лопасненских лесах, к ЮЗ от чеховского Мелихова, в нескольких верстах от границы с Калужской областью. Не так далеко от нас — кутузовское Тарутино, но мы там не были; судим только по карте. В наших лесах — лоси, кабаны, еноты, а сами



лемма — первозданные, как в Сибири. Много грибов; Лопасненский (Чеховский) район — самый грибной во всей Московской области. Не знаю, как с грибным урожаем в этом году. В саду мы уже собрали вишню, крыжовник, смородину. Одна из яблонь (антоновка) обещает быть урожайной в этом году. В Москве бываем редко. Здесь — много физического труда, и я делаю его с наслаждением и неутомимо. Делаю, например, нечто вроде дороги и площадки возле крытого двора. Для этого бью кувалдой булыжные камни и кирпич и делаю такие аппликации, что Робчик бы умилился, глядя на мою работу. Приходится и землю копать, буквально вырубая заступом дёрн. Площадь сада и огорода перекопал четыре раза!

Вашего “Чокана в Кульдже” я ещё не окантовал; займусь этим осенью.

Робчик, у меня к тебе просьба. У меня кончились ex-libris'ы. Тамбовский коллекционер Никифоров согласился мне отпечатать 1000 шт., но попросил меня, чтобы я представил не экслибрис (в данном случае — твой), а рисованный экземпляр его. Вот поэтому я и посылаю тебе твой же экслибрис с небольшими изменениями. Перерисуй его, как положено, и пришли мне. По этому рисунку в Тамбове отпечатывают тираж. Очень прошу тебя сделать некоторые изменения. В экслибрисе надо убрать инициал “С” и дать полностью имя “Сергея Маркова”. И ещё: всю надпись “Из книг Сергея Маркова” дать стилизованным “тибетским” шрифтом. А образец такого шрифта найдёшь в энциклопедии. Затем из рисунка экслибриса убери “N”, а свою подпись дай с новой датой “1967”. Очень прошу тебя всё это сделать. Размер рисунка ты, конечно, сам знаешь — не мне тебя учить. Короче говоря, тамбовские печатники говорят, что с экслибриса они почему-то печатать не могут и просят рисунок экслибриса. Пожалуйста, присылай мне этот рисунок по московскому адресу. Я перешлю его (рисунок) в Тамбов, и там будет срочно отпечатан экслибрис.

Может быть, ты со временем, вдохновлённый “Земным кругом”, сделаешь тематический экслибрис для меня? Буду очень признателен тебе. Но это — вторичное дело. Буду ждать от тебя рисунка экслибриса с изменениями.

Сердечный привет вам от всей нашей семьи.

Пишите, как живёте.

Жму руки.

Сергей Марков.

P. S. Экслибрис — прилагаю.

С. М.

4.I.1968 г.

Дорогие друзья!

Спасибо за новогоднее поздравление! Я недавно вернулся из замечательной поездки в Алма-Ату — Семипалатинск — Чингизские горы — Заиртышские степи. Много замечательных впечатлений.

В печать сдано второе издание “Идущих к вершинам”, хорошо иллюстрированное. Выйдет сотысячным тиражом.

Exlibris получил; скоро отправлю его печатать.

Сердечно вас приветствую.

Сергей Марков.

6.X.1968 г.

Дорогой Роберт! Пожалуйста, извини меня за долгое молчание. Я тебе не ответил на письма. Это по причине того, что меня всё лето не было в Москве; лишь недавно мы вернулись из своего дома под Серпуховом. Кроме того, я болел и болею. Жаль, что не увиделись в Москве. Из-за болезни я до сих пор не послал



в печать твои экслибрисы. Сделаю это, как только будет полегче со здоровьем. Твою картину “Чокан в Кульдже” — окантовал. Она теперь очень эффектно выглядит и многим нравится. Возможно, что в этом месяце я поеду в Алма-Ату, на писательский пленум.

Передай от нас сердечный привет Павле Андреевне. Итак, не обижайся на меня за вынужденное молчание.

Обнимаю.

Сергей Марков.

20 апреля 1968 г.

Дорогие Сергей Николаевич и Галина Петровна!

От всего сердца поздравляем вас с весенним праздником Мая и желаем Вам здоровья, счастья и больших творческих успехов в литературе.

Дорогой Серёжа, как дела с exlibris, отпечатали их? Конечно, хотелось повидать тебя, хотим в начале июля быть в Москве, хорошо было бы увидеться.

С уважением, Андреевичи.

31 августа 68 г.

Дорогой Сергей!

Не понимаю, чем я провинился перед тобой. С января месяца я не получил от тебя ни слова. В июле я был в Москве, хотели с П. А. зайти к Вам, послал Вам открытку. Но ни слуху ни духу от Вас. Не могу догадаться, чем я провинился?

Хотел узнать, как с exlibris, напечатали ли их или нет? Не понравились они, написал бы, я бы переделал.

Конечно, хотел увидеть тебя, поговорить с тобой, посмотреть твои новые книги, но, увы. Очень, конечно, хотел бы иметь твою книгу “Идущих к вершинам” с твоим автографом.

Я сейчас уже в Караганде — работаю. П.А. пока до ноября в Москве. Живёт по адресу: Москва, Д-298, Тепличный переулок, 3, кв. 4, у сестры Атливанниковой.

Сердечный привет Галине Петровне и Ольге. Пиши, жду ответа, твой Роб.

Караганда.

Без даты (почтовый штемпель 29.10.68).

Дорогие друзья!

Поздравляю вас с праздником и желаю Вам крепкого здоровья и больших творческих. Получил твою открытку.

Жалею, что не смогли встретиться в Москве. Мы с Павлой Андр. очень хотели видеть. Жаль, что книжные знаки не отпечатаны. Я смогу не раньше следующего года отпечатать.

Сердечный привет от П. А.

С уважением, Павла Андр., Роберт.

Без даты.

Сергея Николаевича, Галину Петровну, Олечку!

Сердечно поздравляем с праздником Октября. Желаем здоровья, счастья, творческих успехов.

С глубоким уважением, П. А. и Р. А. Граббе.



Дорогие друзья!

Примите от Гали и меня новогодний привет и пожелания счастья, удач, здоровья!

Ваш Сергей Марков.

Без даты. (Штемпель смазан).

Дорогие друзья!

Примите наши сердечные новогодние поздравления и пожелания.

Сергей Марков.

20.10.70 г.

Дорогой Сергей!

Получил твою открытку, спасибо за память. Посылаю тебе образец твоего книжного знака. Как тебе они понравились? Жаль, что у меня не было остальных твоих знаков, я бы сразу отпечатал, подвернулся такой случай. Знаки отпечатаны в количестве 700 штук.

У тебя нет фото или рисунка “крылатого льва Венеции”? Скопируй или переведи на кальку хоть общий вид (контур), он мне нужен для твоего знака.

У меня к тебе большая просьба. Не сможешь позвонить Ольге Густавовне Олеше (если не ошибаюсь, по номеру В-1-32-43)? Узнай, не больна ли она, передай привет и расскажи про знаки Лидии Густавовны. Я ей обещал, но, увы, не смог отпечатать вовремя, и куда теперь их послать.

Если нет Ольги Густавовны, то позвони сестре Серафиме Густавовне, жене Шкловского, что делать с exlibris'ами?

Я, конечно, спрашивал книгу в магазинах, обещали “Юконский ворон” в конце I квартала 71 года. Я, конечно, был бы очень рад получить твою книгу с автографом. Очень люблю твою книгу “Земной круг”, ценную и интересную по теме книгу. Только жаль, что такую замечательную книгу испортили плохими заставками, на мой взгляд, надо было иллюстрировать старинными гравюрами и картами. Кто иллюстрировал книгу “Юконский ворон”? Интересно посмотреть.

Мы с Павлой Андреевной от всего сердца поздравляем Вас с внуками, очень рады. Поздравьте Олечку с чином мамыши, молодец, девочка. Пришлите фото внуков?

Какие ещё пишешь книги? Очень хотел бы иметь их, ведь я твой старый друг и поклонник твоих работ. Я собираю не только твои книги, но и все твои письма, и любуюсь даже твоими конвертами, на которых со вкусом подобраны марки, хотя я не филателист.

Сердечный привет Галине Петровне. Обнимаю и целую тебя. Желаем тебе здоровья.

Андреевичи.

Караганда.

P. S. Если понравятся мои знаки, я вышлю их по адресу?

Роб.

Без даты.

Дорогой Сергей!

Посылаю тебе обещанное фото Эдуарда. Лиде он очень понравился, имел успех на выставке. Я его изобразил молодым, ведь знал его с 1923 года и таким он у меня в памяти.



Я его изобразил в момент, [когда] он рассматривает мальков в синей рубашке на фоне красного украинского ковра, чёрный-чёрный стол и его автограф.

Я хочу, если можно и с твоим согласием, сделать твой портрет (аппликацией). Пришлю эскизы, может, получится.

У меня к тебе просьба. Мне кажется, что ближе всего к твоим книгам иллюстрации художника Блюха, я мельком их посмотрел у тебя. В Караганде в библиотеке их нет, если не жаль, пришли хоть временно. Я потом вышлю их обратно с гарантией. Я ведь романтик.

Жду ответа. Целую, Роб.

P. S. Паша шлёт свой искренний привет. Извиняется, что не может писать, плохо у неё с глазами. Летом надеемся встретиться и побыть вместе.

Роб.

Московская обл.
28 ноября 1970 г.

Дорогие Андреевичи!

Получил образцы эклибриса с глобусом и азиатом. Вполне его одобряю, он мне нравится. Пожалуйста, присылай отпечатанные экземпляры.

Посылаю рисунок книжного знака, который ты, Роберт, просил. Он мне тоже нравится, но в нём — много деталей. Подумай, может быть, из них надо оставить лишь главные. Указывать тебе трудно — художнику виднее.

Посылаю скромный подарок — звучащий журнал “Кругозор” с пластинкой моих стихов.

Фотографий внуков ещё нет. Я постараюсь их организовать и пришлю вам.

Отдельной бандеролью посылаю “Юконский ворон”. Как тебе понравятся иллюстрации? Может быть, они вдохновят Робчика на “аляскинский” эклибрис для меня, с вороном?

Вместе с Галиной Петровной и Олей шлём вам сердечный привет, дорогие друзья!

Сергей Марков.

Без даты. (Штемпель не видно, марки Почты СССР за 1966 и 1970 годы)

Дорогие друзья Андреевичи! Благодарим вас за поздравления и шлём сердечный привет. Робчик, я с нетерпением жду от тебя ex libris “с глобусом”; он мне очень нравится. В издательстве “Советская Россия” вышло шестое издание моего “Юконского ворона” с очень оригинальными рисунками. Есть ли это издание в Караганде? У нас растут внучка (2 года) и шестимесячный внук Палик (Павел); иногда деду с бабушкой достаётся от горластых потомков. А так они — замечательный народ.

Собираетесь ли вы в Москву? Очень хочется увидеться с вами. Мы всё это лето жили под Серпуховом. Пишите.

Ваш Сергей Марков.

Без даты. (Штемпель 15.01.72).

Дорогие друзья!

Пожалуйста, не думайте, что я вас забываю. Всё лето, до самой осени, пробыл на нашей заимке под Серпуховом. Как акатуйский каторжник, копал и возил на тачке землю, выравнивая площадь участка. Добывал скальные обломки и дробил их кувалдой, превращая в щебень для дорожек. Вернувшись в Москву, засел за составление библиографии к новой книге “Вечные следы” (870 страниц).



Два месяца не отрывался от стола; сделал обширную и исчерпывающую библиографию. Каким-то чудом успел выполнить и всякие текущие дела. “Вечные следы” приняты к печати.

У нас — всё хорошо. Внучата наши растут, и мы ездим к ним в Калугу, куда перевели по службе зятя — офицера. Калуга — чудесный город. Наши потомки вполне устроены; в Калуге им дали двухкомнатную отдельную квартиру. Последний Робчиков экслибрис очень всем нравится. Над чем сейчас Роберт трудится? Ведь его дела и труды очень разнообразны. Сейчас пишу воспоминания о начале своей литературной деятельности в “Сибирских огнях”.

Привет от Галины Петровны.

Ваш Сергей Марков.

г. Чехов, п/о Мерлеево, деревня Вихрево
дача Маркова Сергея Николаевича.

Без даты (почтовый штемпель 23.04.74).

Дорогие друзья Галина Петровна и Сергей Николаевич!

От всей души поздравляем вас с праздником весны 1-го Мая.

Желаем отменного здоровья, прекрасного настроения и счастья вашей маленькой семье, творческих успехов и всего-всего наилучшего в жизни.

Крепко вас обнимаем, целуем, Андреевичи.

Р. С. Давно нет от вас весточки, писали на адрес Москвы, но ответа не получили, беспокоимся. Просим написать, как здоровье? Что нового написано и что задумано? Поздравить ли вас с внуками? 10-го мая мы уезжаем в Литву подышать чистым воздухом, и на воды на курорт Друскининкай. Пробудем до 1-го июля, а потом в Москву на дачу до осени. Хотелось бы увидеться.

Граббе Роберт Андреевич и Павла Андреевна.

Без даты.

Дорогие друзья!

Поздравляем вас с Новым годом. Желаем Вам доброго здоровья, счастья, всего самого хорошего в жизни и больших творческих успехов в литературе.

Андреевичи.

Без даты (почтовый штемпель 27.04.74).

Дорогие друзья! Сергей Николаевич и Галина Петровна!

Сердечно поздравляем вас с праздником Мая. Желаем доброго здоровья, бодрости, творческих успехов, а с пробуждением природы больше крепких сил, чтобы поработать на даче.

Большое спасибо за присланные стихи, с удовольствием читаю и перечитываю их. И Роберт с удовольствием тоже, возьмётся и сделает Вам подарочек, это его обещание.

Граббе.

Москва, Д-480, ул. Героев Панфиловцев, 15, корп.3, кв. 113,

Атливанникову, для П. А. и Р. А. Граббе.

19 июля 1974 г., Вихрево.



Дорогие друзья!

Приезжайте к нам в Вихрово в любой, удобный для вас день. Как я уже говорил, ехать надо до Серпухова на электричке, а из Серпухова — с автобусной станции в центре города на автобусе “Серпухов — Сьяново-2”. Сойти на предпоследней остановке и идти в Вихрово через поле. В субботу и воскресенье можно ехать с Каланчёвской электричкой в 10 ч. 01 м. до Чехова, и у самой станции Чехов сесть тут же на автобус до Сьяново-2.

Будем вас ждать. Надеемся, что наша природа вам придётся по душе. Приезжайте!

Сергей Марков.

Серпухов, Моск. обл., п. Сьяново, 2, дер. Вихрово.

30.IV.1975 г.

Дорогие Робчики-Граббики!

Мы очень рады вашей первомайской открытке. Поздравляем вас с Днём Победы!

Рады будем увидеться с вами в Москве или в Вихрове, если к тому времени будем там. А как ехать в Вихрово, мы вам уже писали. О всех наших новостях вы узнаете при встрече.

Итак, ждём вас в конце мая! Обнимаем.

Сергей Марков.

30.V.1977 г.

Дорогие друзья!

Пишите нам по новому, постоянному адресу:

Москва, И-10, Астраханский пер., д.5, кв. 87.

Приходите к нам, когда будете в Москве.

Привет от Галины Петровны.

Ваш Сергей Марков.

141180, п. о. Загорянское, Московской области, ул. Пирогова, д. 2.

П. А. и Р. А. Граббе.

25 декабря 1977 года, Москва.

Дорогие друзья!

Когда Вы писали мне в последний раз из Загорянского, я немедленно ответил, приглашал к нам, но ответа не получил. Я решил, что вы уехали из Караганды. Повторяю своё приглашение.

С 1-го января у нас будет телефон — 280-06-14. Нам уже сообщён номер, в самом конце месяца поставят аппарат.

Как ехать к нам, я, кажется, уже сообщал. Могу повторить: первая остановка трамвая № 7 от станции метро “Проспект Мира”, вход и с Безбожного и с Астраханского переулков.

С Новым годом!

Сергей Марков.

Публикация Н. И. ИВАНИНОЙ и Ю. Г. ПОПОВА.

г. Караганда.



Ольга ГРИГОРЬЕВА

“Самый даровитый поэт...”

Неизвестная публикация о П. Васильеве

Очень короткой была жизнь Павла Васильева. И кажется, что за пятьдесят лет, прошедших после его реабилитации, уже изучен каждый шаг, каждое произведение поэта и публикации о нём... Тем не менее, случаются ещё находки!

В Государственном архиве Российской Федерации (Москва) находится большой архив Павла Николаевича Милюкова (1859—1943) — русского политического деятеля, историка, публициста, теоретика и лидера партии кадетов. Он был министром иностранных дел Временного правительства первого созыва (1917 г.), после революции эмигрировал, с 1921 года жил во Франции. Интересен его архив тем, что в нём собрано множество публикаций из эмигрантских и советских газет, посвящённых различным событиям и политическим деятелям, актёрам, писателям, учёным. Эти газетные вырезки П.Н. Милюков собирал и систематизировал всю жизнь. Вот в этом архиве и обнаружила я две публикации о Павле Васильеве [фонд 5856 (Милюков П. Н.), опись 1, дело 494].

Причём, если одна из них хорошо известна литературоведам — это статья в “Литературной газете” за 12 декабря 1933 года критика О. Бескина (1) “На новую дорогу. О “Соляном бунте” П. Васильева”, то вторую находку вполне можно назвать сенсационной — это публикация о поэте в американской газете “Рассвет” (2) в 1935 году, то есть ещё при жизни Павла!

Вначале, коротко, о первой из них. 1933 год был для Павла Васильева плодотворным, богатым на события. В апреле состоялся его творческий вечер в редакции журнала “Новый мир”, в мае начинается публикация поэмы “Соляной бунт” в “Новом мире” (3). Поэт готовит к изданию книги стихотворений “Ясак”, “Песни”, “Книга стихов” (в свет они, к сожалению, так и не вышли), работает над поэмами “Одна ночь”, “Синицын и К”. Двадцатитрёхлетний Павел в расцвете творческих сил!

Статья Осипа Бескина, опубликованная в конце этого года, — типичная для советских изданий тех лет публикация о поэте, в которой, говоря о несомненном таланте П. Васильева, автор обязательно подчёркивает его “реакционные качества”. Вначале О. Бескин пишет о связи Васильева с Клычковым и Клюевым и призывает читателя глубже проникнуть в творчество “этого большого, но свыше меры неуравновешенного и буйного поэта”. Нужно отдать должное критику — он глубоко оценивает своеобразие литературного метода Павла Васильева:

“... Бросается в глаза огромная смелость, индивидуальная образность, свободное обращение с настоящей, материально ощутимой и всегда особенной плотью вещей. Его поэзия вобрала в себя ценнейшее наследие народного творчества, но не как штамп. Он качественно перерабатывает это наследие, оно окрашивается его собственной богатой поэтической индивидуальностью”. Павел Васильев, по словам критика, насыщает свои строки “какой-то особой клейкой связанностью специфических образов, метафор и сравнений. Локальная обработка стиха у Васильева на огромной высоте, причём это не “приём”, а острое языковое чутьё, прекрасное



освоение материала”. О. Бескин делает справедливый вывод: “Перед нами, безусловно, большой поэт...”.

Но — как же без политической оценки! — “с неблагоприятным социально-поэтическим происхождением, с реакционными срывами в прошлом. ...Уж больно насыщено всё произведение ЛЮБОВАНИЕМ (в тексте статьи выделено чёрным. — О. Г.) ядрённостью, “богатырской” силой, лихой разудалостью, крепостью домовитых устоев казацкой жизни... Образно-поэтическая акцентировка такова, что это “любование” подталкивает поэта на классово враждебные нашей революции позиции...”.

Это ещё не травля, но уже ощутимые укусы, “резкие удары критики”, благодаря которым Павел должен был “перевоспитаться” — как писала в своей статье в “Литературке” 11 мая 1933 года Елена Усиевич (4). Травля началась 14 июня 1934 года, когда газеты “Правда”, “Известия”, “Литературная газета” и “Литературный Ленинград” синхронно публикуют статью М. Горького “О литературных забавах”, в которой резко осуждалось поведение поэта... В январе 1935 года П. Васильев исключается из Союза писателей. 14 мая происходит известный спровоцированный скандал на квартире поэта Алтаузена. 24 мая 1935 года в “Правде” публикуется письмо двадцати советских писателей, призывающих “принять решительные меры против хулигана Васильева, показав тем самым, что в условиях советской действительности оголтелое хулиганство фашистского пошиба ни для кого не пройдёт безнаказанным”.

Состоялся суд, поэта приговорили к полутора годам лишения свободы. Вот это событие и послужило основой для публикации в чикагской газете “Рассвет”. Статья “О поэте Павле Васильеве” печаталась в двух номерах газеты — за 19 и 20 августа 1935 года.

Публикация открывает для нас тот факт, что в 30-е годы 20-го века Павел Васильев был известен не только в Советском Союзе, но и далеко за границей, за океаном — в Америке. Интересна, прежде всего, оценка творчества поэта, которую даёт автор А. Курилович, называя Павла “самым даровитым поэтом сегодняшней сов. России...”. И если в литературоведческом плане эта статья не относится к каким-то основательным, глубоким исследованиям, то, в отличие от рецензии Осипа Бескина, политические акценты в ней расставлены безошибочно... Думаю, неслучайно П. Н. Милюков выбрал для своего архива именно эти две публикации о Павле Васильеве, как наиболее показательные — для советской прессы и для эмигрантской.

Кроме всего прочего, статья А. Куриловича свидетельствует о том, с каким пристальным вниманием, даже, можно сказать, с какой жадностью — и с какой болью! — следили в эмиграции за тем, что происходит в России. Интересен и тот факт, что до Америки доходили не только центральные, московские издания, но и “Сибирские огни” из Новосибирска!

... Ещё два года оставалось до рокового 1937-го, а журналист “Рассвета”, там, за океаном, словно предвидя раннюю гибель Павла, уже написал строку — “пал жертвой гнусного заговора”, написал о “советской “общественности”, убившей поэта советской России, П. Васильева...”.

Поймёт ли наконец Россия — хотя бы в год столетнего юбилея погибшего поэта, имя которого до сих пор окончательно не вынута из забвения — какого певца она потеряла!..



Статья из газеты “Рассвет”,
Чикаго,
19 и 20 августа 1935 г.:

О поэте Павле Васильеве

Русские газеты в Америке общим хором подхватили появившееся в советских газетах сообщение о “писателе-хулигане” Павле Васильеве, приговорённом советским судом к полугодовому тюремному заключению за “хулиганский дебош”, учинённый на квартире “поэта” Алтаузена. Это очередная сов. клевета на самого даровитого поэта сегодняшней сов. России, не должна быть оставлена без надлежащего внимания. Она, эта клевета, должна быть расшифрована и рассказана читателям (так в тексте. — О. Г.) о том, “как это случилось”.

Поэт Павел Васильев в силу особенных условий его творчества, мало известен широким массам русских читателей за океаном. Его поэтический дар, его гуманное отношение к человеку прошлой России, его неподкупная простота языка и неподражаемый, данный только истинным талантам, приём творчества — долго были скрываемы в самой сов. России в надежде, что он, как и все самостоятельные “попутчики”, придёт, наконец, к коммунистическому ярму и охотно вложит свою молодую шею в это ярмо и повезёт общий комвоз советской поэзии. Но этого не случилось, и поэт Павел Васильев Краснопресненским судом приговорён к одному с половиной году “лишения свободы”, т.е. приговорён к тюремному заключению.

В настоящей заметке мне хочется восстановить перед читателями образ этого сравнительно молодого поэта, хочется рассказать читателям, в общих чертах, кто такой на самом деле Павел Васильев, как и почему он был судим сов. судом и оказался виновным за “дебош”, устроенный им на квартире “поэта” Алтаузена, именно Алтаузена, а не кого-либо иного из русских советских поэтов.

Павел Васильев известен мне как поэт около десяти лет. Он начал писать свои стихи в то время, когда Есенина уже не было в живых и когда лучшие продолжатели литературных “традиций” Есенина: Николай Клюев, Сергей Клычков и отчасти Пётр Орешин были загнаны в советскую преисподнюю и обозваны “бардами кулацкой деревни”; когда им, как, например, Клычкову и Клюеву, пришлось совсем забросить поэзию и обратиться к другого рода занятиям. Им не было прохода от разных Алтаузинов, Жаровых, Безыменских и Иванов Батраков...

Первые стихи Павла Васильева появились в сибирском журнале “Сибирские огни” в 1927-28 гг. (5) и были приняты, что называется, с распростёртыми руками, ибо в Сибири всё ещё существует какая-то элементарная свобода выражать свои мысли более или менее независимо — руки Безыменского и Бедного туда не всегда так легко могут быть протянуты — и Васильев мог сравнительно свободно писать и печатать, не оглядываясь назад, “что скажет сов. княгиня Марья Алексеевна”.

Но вот и он, подобно своим славным сибирякам, отправился из далёкого казачьего Семиречья в Москву — в эту Мекку всех советских достижений и всех падений — и здесь, конечно, был также подхвачен “шумною толпою” разных поэтов и поэтиков и превознесён до самых советских



небес... Нужно понять всю горечь и разочарование молодого поэта, когда только через десять лет начали появляться в сов. “солидных” журналах “критические” отзывы о “несомненном” таланте Васильева в то время, когда другим сов. бездарностям посвящены целые тома “критических отзывов”. Но он продолжал писать, будучи поддержан именно “толпой”, и полагал в простоте своей, что “всё образуется”... И вот в результате этих долгих усилий появилась поэма “Соляной бунт”, новая сов. поэма с совсем новым подходом к казакам, к самостоятельной жизни, прежней казачьей вольной жизни, которую Васильев поставил неизмеримо выше нынешней закабалённой жизни казаков. И это было, конечно, замечено сов. “критикой”, но спасло поэму от полного критического уничтожения именно талантливое изложение и правдивое описание событий, произошедших лет 50-60 тому назад (6).

Послушаем, что говорит один из сов. критиков о поэме Васильева “Соляной бунт”. Статья появилась в сов. журнале “Литературный критик” за январь 1934 г. и принадлежит перу одного из редакторов этого журнала Е. Усиевичу (автором была Елена Усиевич, видимо, А. Курилович полагал, что это мужчина. См. прим., пункт 4. — О. Г.). Статья озаглавлена “От чужих берегов” (7).

“Появление на литературном горизонте молодого поэта Павла Васильева породило разнообразные толки в литературной среде. Толки эти, лишь частично вызванные несомненным для всех талантом Васильева, в значительной степени были обусловлены направленностью его творчества, возбуждающей настороженность сов. писателей, некоторые надежды реакционных элементов и, главное, нездоровое любопытство обширных обывательских слоёв. Это нездоровое любопытство, толки и сплетни создали вокруг П. Васильева специфическую атмосферу скандальности известности, которая предшествовала появлению в печати его крупных произведений.

С выходом из печати его поэмы “Соляной бунт” открывается возможность серьёзно поговорить о нём и о том месте, которое он может занять в советской поэзии. В этой поэме он впервые делает попытки пересмотреть ряд ярко-реакционных тенденций, характеризующих до сих пор его творчество, преодолеть тяготеющие над ним и враждебные всей советской действительности традиции и навыки, взглянуть на свой обычный, с детства знакомый материал другими более объективными глазами. То, что Васильеву удалось это преодолеть, если можно так выразиться, “на полном ходу”, т.е. не снижая силы голоса, не теряя характерной для этих стихов насыщенности образами, не впадая в риторику и декламацию — создаёт надежду, что богатая одарённость даст ему возможность выбраться из реакционной трясины, в которую увязало его творчество до сих пор”.

Из этой длинной выписки из критической статьи Е. Усиевича явствует, что, с одной стороны, поэт Васильев “несомненно” талантливый поэт, но что, с другой стороны, его поэзия — враждебна “всей советской общестственности”. Можно легко понять, до какой степени эта враждебность могла дойти в условиях советской обывательщины.

Критик Усиевич не только “критикует” поэму “Соляной бунт”, но прямо-таки зовёт к “советскому бунту” против поэта Васильева как человека вообще и как писателя в частности. Он говорит следующее:



“Захваленный (сторонниками поэзии Васильева. — А. К.) и превозносимый ими, подхваченный издателями и журналистами, с непонятной беспечностью и либерализмом заключающими договоры на его талантливые, но ярко реакционно окрашенные произведения, пьяный возбуждаемым им нездоровым любопытством и скандалёзным успехом, он на всех парусах нёсся к собственной гибели, видя оригинальность в реакционности, даже словно кокетничая своим отличием от советских поэтов. Путь вёл прямёхонько в пропасть открытой контрреволюционности”.

Результат всей этой “контрреволюционности” — советская тюрьма со всеми её атрибутами и долгое, быть может, в течение всей жизни этого ещё молодого поэта полное изгнание из советской печати. Это последнее хуже физической смерти.

Е. Усиевич, призванный “блюсти чистоту советской поэзии”, особенно резко нападает на поэта Васильева за следующие строки, выхваченные из поэмы “Соляной бунт”. Это — “апологетика кулацкого быта” казачества:

*Там живут по-нашему,
В горнях полы крашены,
В пять железных кренделей
Сундуки закованы.
На четырнадцать рублей
Солнца наторговано.
Ходят в горнях песенки,
Взад-вперёд по лесенке,
В соболиных шапочках,
На гусиных лапочках.*

Видите ли, советской критике, как и всей вообще “советской общественности”, нужна не правдивая, старая, довольно-таки привольная жизнь дореволюционного казачества, описанная поэтом Васильевым в таких красках:

*Красотой безстыжей (так в газете. — О. Г.)
Красивы,
Пьяны праздничной кутерьмой,
Разукрашенные на диво
Рыжей охрою и сурьмой.*

Этой советской “общественности”, убившей поэта советской России П. Васильева, нужны вот такие мотивы:

*Вся она высокою
Поросла осокою,
Вениками банными,
Хребтами кабаньими,
Медвежьими шкурами,
Лохматými, бурými,
Кривыми осинами,
Перьями гусиными.*

Но и в этих “мотивах” виден талант поэта, когда он касается дорогой его сердцу родины — вольного семиреченского казачества и с особой силой ударяет на отдельные типы былого казачества, что уже явно противоречит советской обывательщине, сглаживающей черты “индивидуума” и подгоняющей весь советский люд под одну общую гребёнку:



*А Ярковы — чистый казацкий род:
Лихари, зачинщики,
Пьяные сани,
Восьмерные кольца, первый народ,
И живут,
Станицами атаманя.*

Эта внутренняя осознанность поэта о том, что казаки “живут, станицами атаманя”, до болезненности страшит всех нынешних “военкомов” и этим быть может объясняются уступки, делаемые одна за другой по отношению к Японии. Разразись война, “станицами атаманящие казаки”, чего доброго, ещё вздумают воевать против советов.

Вся поэма “Соляной бунт” посвящена бунту киргиз, работающих на соляных озёрах, принадлежащих русскому купцу, и усмирение (так в тексте. — О. Г.) этого бунта казаками. На этом фоне автор рисует картины жизни, быта, традиций, взглядов казачества, которое он знает превосходно и которое так ярко и неподражаемо описано Павлом Васильевым.

Первые стихи П. Васильева, как заявляет критик Усиевич, были явно реакционного направления и “литературная общественность была ошарашена появлением в реконструктивный период поэта, который, с совершенной не свойственной на данном этапе чуждым классовым прослойкам непосредственностью выражал в своём творчестве противоречащие и враждебные советской общественности эмоции”.

Мне же кажется, что и первые его поэтические опыты, помещённые в советском журнале “Сибирские огни”, не были настолько уж реакционные, чтобы причислить самого поэта Васильева к числу поэтов, “идущих явно к гибели”. Взять хотя бы одно из его стихотворений, появившееся в книжке “Сибирских огней” за январь-февраль 1928 года. Вот оно:

Сибирь

*Сибирь, настанет ли такое,
Придёт ли день и год, когда
Вдруг зашумят, уставши от покоя,
В бетон наряженные города.
Я уж давно и навсегда бродяга,
Но верю крепко — повернётся жизнь,
И средь тайги сибирские Чикаго
До облаков поднимут этажи.
Плывут и падают высокие закаты
И плавят краски на зелёном льду.
Трясёт рогами испуганный сохатый
И громко фыркает, почувявший беду (8).
Всё дальше вглубь теперь уходят звери,
Но не уйти им от своей судьбы.
И старожилы больше уж не верят
В давно пропетую и каторжную быль.
Теперь иные подвиги и вкусы.
Моя страна, спеши сменить скорей
Ты бусы из клыков зверей —
На электрические бусы!..*



Это стихотворение, взятое мною из первой попавшейся в руки книжки “Сиб. огни”, ничем не отличается от множества подобных ему стихотворений, посвящённых Сибири и её будущности, но всё же стихи эти поражают обыкновенного читателя своей простотой и тем отсутствием всякой вычурности, в которую впал впоследствии и сам Павел Васильев в своём стремлении подражать манере письма Маяковского, Жарова и Уткина.

Я хочу оттенить, насколько это возможно, ту разницу между поэтическими приёмами П. Васильева и теми из его сотоварищей по перу, которые, начав писать раньше его, далеко отстали от него и некоторые из них уже почти забыты и сошли со сцены “сов. литературного талантливого молодняка”, заполнявшего своими виршами бесцветные советские журналы в течение всего прошлого десятилетия.

Павел Васильев стоит ныне на вершине своей поэтической деятельности и если бы не тюрьма и разного рода лишения, порождённые этой тюрьмой, мы имели бы одного из самых талантливых певцов казачества, его широких вольностей и неизсякаемой (так в тексте. — **О. Г.**) ненависти к угнетению. Казачество ещё не изжило себя, оно и в своей слабости всё ещё довольно сильное и может в любую минуту показать свою былую мощь. Подвернись только случай! Поэма “Соляной бунт” об этом даёт значительно понять советским владыкам.

Вот почему и послали в тюрьму одного из самых славных певцов этой былой опоры “старой” России, поэта Васильева за то, что “как мог он сметь своё суждение иметь” в “реконструктивный период”, как в угоду властям замечает и сам Усиевич.

Павел Васильев, по моему глубокому убеждению, пал жертвой именно гнусного заговора всех тех “поэтов”, которые сами никак в “музыканты не годились”, а раз не годились в музыканты, то наиболее пригодными оказались для разной клеветы и провокации, чтобы таким путём обезглавить одного из самых мощных “советских орлов”, осмелившихся подняться выше обычной беспроблемной советской обыденщины и парить в недосягаемых для них высотах своего поэтического творчества.

**Александр КУРИЛОВИЧ.
Питтсбург.**

Примечания.

1. Бескин Осип Мартынович (1892—1969), издательский работник, журналист, критик, искусствовед. Занимался современной поэзией: статьи о Клычкове, Клюеве, Орешине (“Россеяне”), Багрицком (“Больной Уленспигель”), Казине (“Поэт, идущий стороной”) и др. Летом 1933 года в “Литературной газете” появилась одна из самых подлых статей, посвящённых “разоблачению” поэта Николая Заболоцкого в качестве замаскировавшегося “классового врага”. Статья О. М. Бескина называлась “О поэзии Заболоцкого, о жизни и о скворешниках”. В журнале “Печать и революция” Бескин обвинял О. Мандельштама в “антиматериализме” и ругал за отказ “ревизовать свои старые позиции”. Несколько раз фамилию Бескина упоминает в своих произведениях А. И. Солженицын: “В период торжества революции над Россией какой-нибудь Осип Бескин мог травить крестьянских писателей за “россеянство”...”; “доносительские статьи О. Бескина против Клюева и Клычкова...” (“Бодался телёнок с дубом”). Критиковал О. Бескин и художников, хорошо была известна его книжка “Формализм в живописи”.



2. “Рассвет” — “Ежедневная газета российских рабочих организаций США и Канады”. Издавалась в Нью-Йорке и Чикаго в 1924-1939 гг. Была основана анархо-синдикалистами в Нью-Йорке, выходила ежедневно с 8 декабря 1924 под редакцией Ф. Кремера.

В апреле 1926 издание было перенесено в Чикаго, первый номер под новой редакцией вышел 1 мая 1926 г. Редакция (Э. Долинин, М. Рубежанин, Ю. Карпик) сделала газету органом мистических анархистов. К 1928 “Рассвет” потерял всякое влияние в анархической среде, которая обвиняла его в антисемитизме, союзе с белогвардейцами, контрреволюционерами и т. п. В 1930-х газета представляла исключительно собственную редакцию, постепенно всё дальше отходившую от анархизма в каком-либо понимании, но изредка продолжавшую печатать анархические материалы “по старой памяти”. С 1930 года редактором был Г. Н. Брейтман (1873—1949). В 1928 году в “Рассвете” было напечатано стихотворение Марины Цветаевой “Сын”. В 1936-1937 годах печатались многочисленные статьи Н. К. Рериха.

С конца 1937 года редакция перешла к украинским националистам, затем к эсерам. Была закрыта американским правительством в конце 1939 года в связи с начавшейся Второй мировой войной.

3. “Соляной бунт” публиковался в “Новом мире” за 1933 год в №№ 5, 9 и 11.

4. Елена Феликсовна Усиевич (1893—1968) — советский литературный критик. Родилась в семье ссыльного революционера Феликса Кона. С 1909 года принимала участие в революционном движении; с 1915 — член ВКП(б). Была в эмиграции, возвратилась в Россию в 1917 году с группой большевиков, возглавляемой Лениным. Принимала участие в гражданской войне. Была женой революционера Григория Усиевича, погибшего в 1918 г. Впервые выступила в печати в 1928 году. В 1932 году окончила Институт красной профессуры. Активно публиковалась в журналах “Литературный критик”, “Литературное обозрение” и других, основные статьи этого периода были собраны в сборнике “Писатели и действительность” (1936). Статьи Усиевич носили резко идеологический и полемический характер: так, в брошюре “За чистоту ленинизма в литературной теории” (1932) Усиевич подвергла резкой критике деятельность РАПП, приводившую к ряду “извращений партийной линии в литературе”. Вопросы социалистического реализма, политической поэзии, задач советской критики рассматривались в статьях “О социалистическом реализме”, “Критика методами искусства”, “„Рококо“ в критике” и др. Отдельные статьи были посвящены творчеству Маяковского, Сергеева-Ценского, Николая Островского, роману Максима Горького “Жизнь Клима Самгина”, произведениям Николая Вирты и др. В 1933 г. статья Усиевич (как и рецензия О. Бескина) стала важным этапом в травле Николая Заболоцкого.

5. В “Сибирских огнях” № 3 за 1927 год было напечатано стихотворение П. Васильева “Рыбаки”, в № 4 — стихотворения “Всё так же мирен листьев тихий шум...” и “Письмо”.

6. В поэме иносказательно отразились восстание Амангельды Иманова в 1916 году, а также голод в Казахстане в начале 30-х годов.

7. Первый вариант этой статьи Е. Усиевич под названием “На переломе” появился в “Литературной газете” 11 мая 1933 года.

8. У П. Васильева: “Трясёт рогами **вспуганный** сохатый / И громко фыркает, **почуввши** беду”.

Публикация и комментарии О. ГРИГОРЬЕВОЙ.



Наталья КУРПЯКОВА

Путевые заметки



Небывалый наплыв посетителей вызвало 29 марта открытие персональной выставки художника, скульптора, мастера по гобелену Ясенки Тукан-Вайан, проходившей в музее современного искусства Астаны по 23 апреля 2010 года. Интерес к выставленным работам был не случаен.

“Искусство — лучшая форма диалога”, — сказал на вернисаже Чрезвычайный и Полномочный Посол Франции в Казахстане Жан-Шарль Бертонэ. И творческий путь Ясенки Тукан-Вайан полностью подтверждает эти слова.

Она родилась в Хорватии, окончила Академию художеств в Загребе, стажировалась в знаменитом французском Центре ткачества — Обюссоне, после окончания курса обучения в Сорбонне получила звание магистра истории современного искусства. Первая персональная выставка Ясенки прошла в 1974 году, сейчас их уже более 60 — в странах Европы, США и Канаде, Японии и Южной Корее. Они неизменно получали высокие оценки профессионалов и вызывали искреннее восхищение зрителей.

Ясенка Тукан-Вайан — настоящий современный художник, в её работах соседствуют классика и модерн, их отличают блестящее мастерство исполнения и безукоризненный вкус. В экспозиции в Астане представлены произведения 1995-2010 годов.

Фактура картин художницы напоминает тончайший войлок, на самом деле это специальная “мятая” бумага, изготовленная вручную. Удивительны переливы цветов на полотнах: от буйно-бирюзовых и сине-жёлтых тонов до умиротворённых нежно-пастельных и бежево-серо-серебряных оттенков, ассоциирующихся с чем-то изысканно-японским. Рельефность подчёркивают сухие цветы, травинки, веточки, паутинки, словно “вынырывающие” из цветового “моря”.

Большинству таких работ Ясенка Тукан-Вайан не даёт названия, поэтому зрители, пытаясь описать увиденное, вспоминали, например, о “грёзофарсах” Игоря Северянина и цвете “гибискус” (насыщенный красно-розовый). Лучше всех мне показалось определение “русалочки пейзажи”. Точно и загадочно!

Сейчас жизнь художницы связана с Парижем, Загребом, Бейрутом и Астаной. В путешествиях её сопровождает.. ткацкий станок, а тематика её гобеленов созвучна названию всей выставки “Путевые заметки”. Встречи с культурой других народов обогащают талантливую мастера, с помощью цвета, символов, композиционных приёмов передающего колорит и своеобразие разных уголков мира: “Прощание с Бейрутом”, “Взгляд на Грецию”, “Ливанский дом”, “Париж”, “Шёлковый путь”, “Степь”.



Судя по данной экспозиции, в скульптурных композициях Ясенка Тукан-Вайан отдаёт предпочтение образам женщин и птиц. Её дамы (юные леди, невеста, монахини, молодая мать, женщины в изысканных бальных платьях) многолики: они нежны, задумчивы, таинственны, может быть, даже скрытны и — непременно — элегантны и красивы. Птицами же Ясенки — будь то нахохлившиеся воробьи, беззаботные зяблики или хмурые пеликаны — просто хочется любоваться! А в фигурках оленей просматриваются элементы скифско-звериного стиля.

Известна и общественная деятельность госпожи Тукан-Вайан. В 1994-2005 годы она открывает художественные школы для детей, во время войны потерявших родителей, детей-беженцев и ребят из необеспеченных семей. В этом ей помогали неправительственные и международные организации. В 2000 году Польским комитетом ЮНИСЕФ ей присуждается почётное звание Посол Доброй Воли.

Музеем современного искусства Астаны Ясенка Тукан-Вайан подарила картину “Первый взгляд на Астану”, положившую, по словам директора музея Нелли Шивриной, начало коллекции произведений современного зарубежного искусства. Опытная путешественница и художник не ошиблась с выбором красок: белой, голубой и золотой — это цвета столицы и нашей молодой независимой республики.



Виталий ТУЛЯКОВ

Последний бой Родиона Рощина

— Пропала моя рыбалка, — с досадой думает Родион, приподняв голову от подушки. — Вон как грохочет, льёт, наверное, как из ведра.

Родион вскакивает и подходит к окну.

— Ох ты чёрт! — радуется он. — Это же артподготовка. Какой там дождь — это просто война ещё. Чуть не проспал самый клёв. Почему же мама меня не разбудила? — обиженно говорит Родион, — я же просил.

— Куда ты, сынок, так рано? — приоткрыв дверь, испуганно шепчет мать.

— Почему мама плачет? — недоумевает Родион. — Это, наверное, оттого, что от меня давно нет письма. — И, улыбаясь, хочет отдать честь, но рука тяжёлая и её покалывает.

— Отлежал руку во сне, — обеспокоился Родион.

— Мама, ты корову уже подоила? Налей мне кружку молока, — виновато просит.

Но мать отворачивается и, всхлипывая, говорит:

— Надо процедить молоко, а марли нет ни клочка.

Потом быстро снимает с окна занавеску и рвёт её.

— Ты, мама, прямо как наша Олечка под Родниковой, — смеётся Родион и, стараясь успокоить и удивить мать, выхватывает из-под подушки целый санпакет. — Видишь, какой широкий бинт.

Родион хочет отдать его матери, но мать выскакивает из комнаты и голосом Левитана говорит:

— Родион, побереги санпакет, скоро начнётся война.

— Как начнётся? Мы ведь уже в Берлине! — кричит Родион. — Мама, мы же с комбатом договорились сегодня вместе идти на рыбалку.

— Рощин, ты что же не слушаешься матери? — спрашивает комбат Ледков. — Никаких рыбалок. Начнёшь всё сначала, от самой Москвы, — приказывает комбат.

В душе у Родиона всё протестует.

— Как можно? Почему? Зачем? — Родион недоуменно и обиженно спрашивает комбата:



**Виталий
Сергеевич
ТУЛЯКОВ**

родился в селе Ивановка Нурина района Карагандинской области 10 ноября 1949 года. По образованию “незаконченный” агроном и зоотехник, поскольку учился в техникумах этого профиля в Каркаралинске и в Косцах Целиноградской области. С 1973 года на инвалидности по зрению.

Автор книги стихов, рассказов и очерков “Капли вдохновения”, вышедшей в Караганде в 2007 году.

В “Ниве” выступает впервые.



— Но мы же с вами вчера вечером договорились. И червей накопили. Неужели вы не помните?

— А ну-ка, где черви? Покажи, — требует капитан Ледков.

Родион достаёт из-под лавки жестянку. Банка почему-то пуста. И вдруг Родион всё понимает и холодеет от ужаса: банка из-под американской тушёнки. Мать и комбат Ледков стоят рядом и зло смотрят то на Родиона, то на банку. В их глазах молчаливый вопрос и презрение к нему, Родиону.

— Мама! Мама! Я не виноват, банку мне подменили, — кричит, рыдая, Родион.

Он размахивается, хочет швырнуть банку, но руку на взлёте словно зажало тисками. Родион напрягается и стонет...

— Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант, проснитесь.

Родион открывает глаза, полные слёз. Над ним стоит сержант Вавилов и держит его руку. Родион садится и отсутствующим взглядом смотрит на Вавилова. Тот понимающе грустно улыбается и с любовью в голосе говорит, не то спрашивая, не то утверждая:

— Что, товарищ лейтенант, вам тоже танки снятся?

— Нет, сержант, хуже. — Родион разминает в пальцах сигарету и тянется к дымящемуся окурку сержанта.

Они курят, одновременно затягиваясь, а потом сержант Вавилов грустно и виновато говорит:

— А мне часто танки снятся. Помните те, что нас под Родниковой проутюжили?

Словно очнувшись, сержант вскочил, раздавил окурочок сапогом, одёрнул гимнастёрку и доложил:

— Товарищ лейтенант, здесь был комбат, просил вас, как отдохнёте, зайти к нему. Будить не стал, сказал: “Успеет”, а я вижу: вам плохо и решил помочь.

Вдвоём с сержантом Вавиловым они отправляются на КП батальона. Они пробираются с автоматами на груди. Идут словно по лесу. То выскакивают на свет, то вступают в рваные тени, брошенные разрушенными домами. Под ногами трещит щебень, битое стекло, черепица. Вчера рота лейтенанта Родиона Рощина выковыривала вот отсюда остатки третьего рейха. Родион всё ещё был под впечатлением своего сна, шёл молча. А сержант философствовал:

— Конец войне. Эта война будет ориентиром во времени для истории, для всей земли. И через годы будут говорить: “Он жил и творил ещё до войны 1941-1945 годов”. Кто-то упал в первый день войны, кто-то ещё упадёт в последний. Как вы считаете, товарищ лейтенант? Вот, допустим, вы знаете, что погибнете на этой войне, но можете сами выбирать время, когда — в начале или в конце. Первому неохота потому, что неизвестен конец войны, а второму неохота потому, что уже ясно, что конец такой войне. Я считаю, что они уравниены.

— А я считаю, что уж если известно, что погибнешь, то выбирать, когда и где — это подлю, — ответил Родион и приказал: — Пригнись. И давай здесь бегом.

Они завернули за угол, и за воротник гимнастёрки Родиона посыпалась штукатурка — по стене, словно цепью, хлестнула пулемётная очередь.

— Живут ещё, — хмуро кивнул Вавилов в сторону массивного четырёхэтажного здания.

— Товарищ лейтенант, это сейчас не война, а самоубийство. Воюют фрицы сейчас за счёт нашей смелости и нашего благородства. Вызвать огонь тяжёлой артиллерии и разнести это гнездо.



Сержант зло кивнул в сторону, откуда ударила пулемётная очередь.
— Вчера сколько наших там осталось. Жить сейчас надо нам — цена жизни у нас растёт с 1941 года, а у них наоборот.

— Хватит, хватит. Помолчи, — попросил Родион.

Комбат Ледков сидел у раскрытого окна, облокотившись на подоконник, и не сразу обернулся к лейтенанту Рошину. Потом подошёл, заботливо, словно с маленького, стряхнул штукатурку с шинели Родиона, спросил:

— Что, лейтенант, не разучился брать “языков”?

— Нет, товарищ капитан. Но сейчас я брезгую даже дотронуться до них. Сейчас грош цена им в базарный день.

Капитан засмеялся и сказал:

— Да, они сейчас не в цене. Но этот “язык” особый. Он не для сегодняшнего дня. Не для войны, а для мира. Есть сведения, что в здании, что поливает свинцом наш батальон, собраны документальные киноленты. Вывезти их немцы уже не могут, а приказа об уничтожении нет — ещё на что-то надеются. Ночью перехвачена шифровка. Вот она: “Маленький Адольф пока здоров, но необходима тёплая одежда — идёт сильный дождь и дует восточный ветер. Маленький может простынуть и закашлять”.

— Мы бы уже давно их оттуда выковыряли, но боимся за “маленького Адольфа”, — сказал Ледков, — нам он тоже нужен. Ну как, возьмёшь того “языка” со своими разведчиками? Тогда давай обдумаем.

Через два часа был разработан план.

— Немецкого барахла у нас хватает, “тигр” тоже найдём, немецким языком ты владеешь хорошо, — капитан Ледков загибал пальцы. — Твои ребята, говоришь, ругаются по-ихнему отлично. Ну что же, попробуем доставить им “тёплую одежду”, — попытожил капитан Ледков.

Решено было, что рота Рошина “прорвёт кольцо” ледковского батальона и вынесет “маленького Адольфа”.

“Кольцо прорвали” хорошо, пулемёты, не дававшие продвинуться батальону Ледкова, молчали, но перед самым зданием ударили автоматы, полетели гранаты. Родион всё понял:

— Так вот почему вчера в здании рвались гранаты и гремели выстрелы. А мы-то считали, что фрицы выясняют отношения между собой.

— Ложись!

Пулемёты пока молчали. Значит, остатки роты Серова всё-таки позавчера пробились сюда и выбили немцев из первого этажа.

— Что же делать? Если смолкнут наши — заговорят немецкие пулемёты. А поняли ли наши?

Здание было совсем рядом. Тёмные стенные проёмы напряжённо молчали. Тишина гудела в ушах.

— Бросай автоматы в окна, — скомандовал Родион, — бегом вперёд.

Удар в грудь остановил Родиона: он попятился и, подавшись всем телом вперёд, медленно пошёл к окну. Неужели это конец? — спокойно подумал Родион.

А из окна к нему тянулось несколько пар рук.

— Где-то я всё это уже видел, — силится вспомнить Родион. — Точно видел. Вон и знакомые тополя. На одном должно быть воронье гнездо. Точно. Сейчас дорога повернёт влево. А вон за теми кустами тихая заводь. А это кто идёт по дороге? Да это же я с дедом иду рубить тал. Дед будет плести плетень. Тот, что весной унесло половодье с нашего огорода. Сейчас вит за этим поворотом я найду железку, похожую на пистолет. Это же мне снится детство, — догадывается Родион, и новые вопросы не дают ему покоя.



— Значит, я сплю. А почему тогда я хочу пить? Где я сплю? Какое сегодня число? Надо проснуться. Как же проснуться? Хоть бы мама разбудила.

Родион стучит кулаком по стене, переворачивается на живот, кричит, но проснуться не может. — Надо скатиться на край кровати, упасть на пол, тогда проснусь, — решает Родион.

— Катенька, быстрее сюда, помоги, пожалуйста.

— Кто это говорит? — Родион прислушивается к голосам.

— Лейтенант Роцин в себя приходит. Помоги мне. Чуть с койки не упал.

— Значит, это меня держат. И я — лейтенант Роцин. Кто меня держит? Надо посмотреть.

Родион открывает глаза. Долго шарит взглядом. По обе стороны стоят медсёстры. В углу возле раскрытых дверей стоят костыли. Возле стены две койки. На одной полулежит с забинтованной рукой и смотрит на него... лейтенант Серов.

— Неужели это тоже сон, — испугался Родион. И неуверенно произнёс:

— Серов, ты?

— Я, Роцин, я. Значит, будем жить, — радостно ответил Серов.

— Всё правильно, — медленно произнёс Родион. И с тревогой спросил:

— Ну как, выбили? Как мои ребята?

— Всё нормально. Ящики с кинолентами были уже у нас. Мы только не знали о них. Мы же в первый день загнали фрицев наверх.

— А ты что же со своими там поселился без прописки? — улыбается Родион.

— Не успел, — засмеялся Серов.

— Какое сегодня число? — обеспокоенно спросил Родион.

— Девятое, — в один голос ответили медсёстры с Серовым и выжидательно посмотрели на Роцина.

— Так, значит, я пролежал семь дней, — удивился Родион.

— А ты больше ничего не хочешь спросить, лейтенант? — опять в один голос сказали медсёстры и Серов.

— Хочу, хочу, хочу! — радостно повторял Родион. — Когда?

— Сегодня, девятого мая. Конец войне.

Лыжня

I

Однотонный бесцветный небесный свод. Ни облачка на нём, ни синеголубого развода. И даже без горизонта. Всепоглощающая и растворяющая муть. Сосущая глаза снежная белизна. Безмолвие! Безвременье! Пустота и... тоска, безмерная, безысходная тоска. Он механически переставляет палки, а снег под лыжами твердит ему: “Забыть, забыть, забыть...”. Он внезапно останавливается и обводит вокруг себя взглядом: та же местность — лыжня пролегла меж теми же вехами — пригорками, кустами, что и в тот раз, в позапрошлую зиму.

... Растаяла, сошла в Нуру вешними водами та, позапрошлогонья лыжня, но оставила в его судьбе... такой след. Возможно, эта, теперешняя лыжня, синхронно, как через копирку, наложила на ту, растаявшую, но этим ей не повторить того, что “пела” та. Он снова отталкивается, и снег под лыжами теперь уже твердит ему: “Лы-ж-ня, лы-ж-ня, лы-ж-ня...”. Неужели всё это, чем он живёт эти полтора года: ОНА и его любовь, нежность, его самое сокровенное к НЕЙ и даже вот эта боль — только лыжня?



Два года назад, приезжая на выходные вот сюда, в родное село, он хватал лыжи и — в сверкающий хрустально-холодный простор. Тогда ещё не было ничего: ему просто было хорошо оттого, что к нему в отдел придёт работать ОНА...

Первый раз он увидел ЕЁ одиннадцатого января. И вот всё это время, до её выхода на работу, до шестого февраля, он уже считал дни. Снег тогда под ярким солнцем переливался, и он нёсся, отталкиваясь резко, радостно. И дышал полной грудью, оттого что снег под лыжами шептал ему её имя: “Ин-га, Ин-га, Ин-га...”. Он уже думал, думал, думал только о НЕЙ. Но тогда ещё ничего не было.

Сейчас он поймал себя на мысли: а ведь она могла вообще не “отметиться”. И ему стало страшно. Он вспомнил о своём колебании и сомнениях после звонка её покровительницы: он держал в руках её трудовую книжку, спокойно прочёл. Тогда ещё ни её имя, ни всё-всё, что сопутствует её личности, для него ничего не значили. А теперь... Нет, всё не случайно. Пусть даже вот так, вот с этой болью.

II

Шестого февраля разгулялась метель. Он позвонил ЕЙ, чтобы она пришла и приняла дела от своей предшественницы. Ох, эти телефонные звонки! Тогда он мог по-деловому, спокойно и запросто позвонить ей. А теперь он так страстно желает услышать её такой неповторимый, тихий, глубокий грудной голос. Этот родной ему голос он узнал бы в миллионной толпе. Она не разрешает ему звонить по её телефону. Сколько волнения, пока он решится набрать её номер. И сколько обид он переносит.

Она пришла быстро: конечно же, хотела показаться исполнительной. Вошла вся запорошенная снегом, в больших валенках, в пуховом платке. ЕЁ пуховой платок! Он провисел потом на спинке её стула целое лето. Как часто, когда её не было в кабинете, он подходил к её стулу и, уткнувшись лицом в этот платок, замирал: платок источал неповторимую гамму. Нет, это не просто запах духов — это ЕЁ запах... Она повесила пальто и теперь сидела в белой вязаной кофточке. Вот такой она осталась в нём первым их рабочим днём. Как он сейчас желает иметь её фотографию. И чтобы ОНА была вот в этой кофточке. Но ОНА...

Через год с небольшим она сидела уже за другим столом и в другом учреждении. В этой же кофточке. И деловито перебирая папки, презрительно взглянув на него, отчитывала за вчерашний телефонный звонок. А он виновато стоял перед ней: он в очередной раз не сдержался и зашёл сюда просто, чтобы увидеть ЕЁ. Она была в той же кофточке. И его душа кричала: “Это невозможно! Это предательство!”. Но что ЕЙ было до этого крика. А он страшно завидовал тому, кто теперь запросто каждый день может видеть ЕЁ...

Зимними вечерами светятся угловые окна того здания, где теперь её рабочее место. За этими окнами ОНА: с кем-то говорит, смеётся. Он ходит взад-вперёд по хрустящему снегу, и ОНА так явственно сейчас перед ним: вот она, чуть откинувшись на спинку стула и выдвинув ящик стола, достаёт “массажку” и с деланной досадой, вздохнув, плавными округлыми поглаживаниями левой руки и правой “массажкой” взбивает причёску, вот она набросила пуховый платок и забавно придерживает его подбородком.

Впрочем, сейчас она носит уже шапку. Ему знакомы и полны смысла все её привычки, манеры, черты. Раньше десятки раз ему приходилось бывать в том кабинете, где сейчас сидит ОНА. И никаких эмоций. А сейчас даже



при виде самого этого здания на него находит непреодолимое пьянящее волнение: там ОНА, можно зайти и увидеть ЕЁ. Но он “не имеет никакого права”. И если всё-таки, пьянея от волнения, он сделает по коридору эти тридцать-тридцать пять шагов, то непременно оплатит их новой болью и унижением.

А ОНА? Предательство? Нет никакого предательства. Разумом это он понимает, а сердцем нет. Но что ей до его сердца, сердце так много. И то, что для него поэзия, для неё — серая проза. И для неё это никогда ничего не значило и не будет значить. Он понимает ЕЁ. Но легче от этого ему никогда не будет. Он сам боится этого “облегчения”: вот это уже будет предательством.

Прикальвая стенгазету, он, не глядя, отвёл руку назад за очередной кнопкой: их руки соприкоснулись, через это прикосновение в него влилось что-то тёплое, сильное, вечное, как сама жизнь. Он обернулся: ОНА стояла совсем рядом, заботливая, доверчивая, родная, как мать, сестра и как та единственная, которую он создал, носил в себе и ждал наяву — ОНА. Он впервые так близко увидел ЕЁ глаза. Если бы тогда ОНА почувствовала, что с ним произошло! Как с того самого момента изменилась его жизнь! Он никогда не заблуждался: для неё этот момент ничего не значил, она его не отметила. А может быть, и отметила, но по-своему. И, наверное, в связи с этим она позже, смеясь, скажет: “Да, я замечала что-то такое”.

Самыми тягостными днями для него стали выходные и праздничные дни. Эти дни он коротал: летом на велосипеде, зимой на лыжах, любил посещать знакомые с детства места. Здесь ему так хорошо вспоминалось, так хорошо думалось. А теперь, где бы он ни был, что бы ни делал, ОНА всегда была с ним. И он так хотел, так мечтал наяву быть здесь с НЕЙ. Рассказать ей обо всём-обо всём и узнать о ней всё-всё. И ему казалось, что уже тогда, уединяясь вот здесь, подростком он думал именно о НЕЙ.

Понедельник... Как он стал ждать каждый новый понедельник! Сидя в автобусе, он нетерпеливо считал телеграфные столбы, для него они теперь проплывали очень медленно. Всю дорогу он загадывал для себя по этим столбам: “чёт-нечёт”, и все эти комбинации с числами были связаны только с НЕЙ. Волнуясь, он отворил дверь, она сидела спокойная, близкая и ... чужая. Он стал бояться: вот так придёт, а её не будет. Сроки, твёрдо намеченные им, истекали один за другим. Он так хотел и так боялся этого дня, когда ей признается. Но ему тогда ещё было волнующе хорошо: всё ещё было впереди.

Неповторимым в его жизни останется тот его трудовой отпуск. Он уехал в село, так и не решившись сказать ЕЙ. О, эти 23 рабочих и плюс выходные! Правда, всегда можно было ему, как старшему по службе, найти правдоподобный повод для того, чтобы позвонить ей или даже приехать и зайти к ней, что он и делал. Но чего это стоило ему! Всего пять оборотов телефонного диска и... её неповторимый и такой родной для него голосок. Ему казалось: она всё понимает, не верит этим его “деловым” указаниям и смеётся над ним.

С утра, пока не было жарко, он поливал возле дома картошку, а когда уже начинало припекать, брал книгу, садился на велосипед и — на Нуру, на своё место. Весь июль купался, лёжа на раскалённом песке, загорал, читал, и ОНА постоянно всё это время была рядом. ОНА была во всём: в белых лилиях на тихой воде, в шелесте прибрежного камыша, в переливающейся золотой дорожке на воде, в пурпуре вечернего заката...

Почему именно в этот день и что в нём сработало? Восьмого августа утром, до ЕЁ прихода, он зашифрованно записал в рабочем журнале: “Выяснить отношения с И...”. ОНА, подперев ладошкой подбородок, облокотясь на подоконник, задумчиво смотрела на сиротливо расцветший среди бурыяна бледно-розовым цветом куст огородной розы. Окно их лаборатории



выходило во двор на теньевую сторону. Форточка окна была распахнута. Хмелея от своей решительности, он вышел в каком-то полубессознательном состоянии, перемахнул через двухметровый дощатый забор, сорвал цветы и бросил в форточку на её рабочий стол. “Ну зачем вы...” — донеслось из форточки. И сразу понял, почувствовал по интонации этого: “Ну зачем вы...”... Он сам, потрясённый, вошёл, сел и теперь уже словами всё-таки сказал. ОНА, опустив голову, долго молчала, а потом сказала: “И всё-таки мне вас жалко”. Вот эта её фраза до сих пор звучит в его ушах. Он до сих пор верит этой интонации. Наверное, просто хочет верить — вот и всё.

Год спустя, восьмого августа, он срезал с того же стебля распустившийся цветок, завернул в рулончик писчей бумаги, вложил письмо (под видом рукописи) и, зайдя в угловую комнату, положил перед ней на стол. Он видел: ей неловко перед теперешними своими подругами-сослуживицами за то, что “этот пришел к ней”, и, словно оправдываясь перед подругами, она вскрыла рулон, цветок и письмо пошли по рукам. Он не уходил, желая до конца принять эту боль. Он сам желал этой боли (ОНА ведь сказала: “Не приходите — будем смеяться”) и в ней хотел найти исцеление.

Цветок и письмо вновь из рук в руки вернулись к НЕЙ, и она, изорвав их, бросила в корзину для бумаг..

III

Растворяясь в этом белом безмолвии, он идёт, идёт, идёт неведомо куда, потеряв чувство времени и пространства. И проходят перед ним чередой дни того года до мельчайшей чёрточки, жеста, слова. Он вяло оттолкнулся ещё раз и... оказался в глубоком овраге, медленно поднялся, ища взглядом слетевшую с головы шапку. Она зависла в кустах шиповника. Он стал пробираться к ней, на снег посыпались сморщенные тёмно-оранжевые бусинки — плоды. Какой-то неведомый внутренний навигационный аппарат помимо его воли привёл его в это место. Вот в этом, тогда ещё сыром благоухающем запахом цветущего мая, овраге он и собрал тот букет для НЕЁ, вот с этого куста шиповника, роняющего сейчас на снег сморщенные плоды прошлогоднего цвета, он тоже взял три розовых цветка в тот букет, что через два часа уже вернёт ему парень, теперь работающий рядом с НЕЙ, вернёт со словами: “Возьми свой веник”.

Этим оврагом он вышел к “своему месту”. Прибрежная кромка песка — в ледяных “блюдцах” — прошлогодние следы ног на раскалённом песке. Какая удручающая картина! Но он, стоя сейчас здесь, ещё мог видеть тот летний берег: сверкающую солнечную дорожку на тихой воде, белые лилии. И во всём этом — ЕЁ...

Книгу “Сотворение мира”, которую он начал читать вот здесь, а потом, недочитав, уступил ей, он до сих пор дочитать не может: листает страницы, строки которых отражались в ЕЁ глазах — вот и всё содержание.

Своя орбита

*Посвящается выпускникам 1965 года
Ивановской 8-летней школы*

Мне как-то пришлось быть на полевом стане тракторно-полеводческой бригады. Ночью прошёл сильный дождь, но день обещал быть хорошим: солнце поднималось всё выше и выше, подсушивая землю. А пока механизаторы собралась в красном уголке, человек 15 пожилых и совсем

молодых людей шуршали страницами “Огонька”, “Крокодила”, играли в шашки. И как-то вдруг завязался разговор.

— А может быть, это полный оборот. Ну, в общем, есть такая орбита: с периодом обращения в 30 лет!

— А ты будто бы помнишь!?

— Да, помню! Очень хорошо помню, — уверял первый.

— Заливай, “Вася”, — скептически присвистнул второй — в джинсах и вязаной шапочке.

— О чём спор, мужики? — поинтересовался третий, бросив на стол “Огонёк”.

— Да вот твой кореш новую орбиту открыл, — хохотнул парень в вязаной шапочке и, потягиваясь всем телом, продолжал: — 30 лет назад уже было это утро. 1956 год, 1 сентября, среда.

— Ночью тоже прошёл вот такой же дождь, и утро было тогда точь-в-точь, как сейчас, — твёрдо говорил первый в промасленной лёгкой куртке. — И ты, Сашка, должен помнить это. — Заключительная фраза была сказана с нажимом. Сашка, растерявшись, спросил:

— Почему, Николай?

— Эх ты, однокашник!

Николай хлопнул Сашку своей мозолистой рукой и с мужской нежностью встряхнул плечо друга. И Сашка, конечно, вспомнил. Да и все как-то притихли, наверное, догадались об этом неопровержимом факте, подтверждающем “Николаеву орбиту”.

Вскоре выяснилось из беседы, что все здесь односельчане-земляки, окончили в разное время одну и ту же школу и что среди собравшихся многие — одноклассники. У них были общие учителя. У них вообще было много общего: того, что обычно бывает в сельских школах. И это всех их так связало и переплело, что сейчас в своих воспоминаниях оно составляло что-то одно целое, неделимое, дорогое — школьные годы. Как о живом существе, говорили они о здании своей старенькой школы, которую лет десять назад снесли и на том месте построили жилой дом. Воспоминания нахлынули на этих прокалённых солнцем, пропылённых страдной пылью людей, объединили их, как объединит через два-три часа вновь хлебное поле. “А помнишь?”, “А его знаешь?”, “А вот это ты не забыл?” — несло со всех сторон.

— Знаете, ребята! Когда начинают поспевать первые помидоры, каждый год во мне разливается то ощущение первого моего дня в школе. Ты помнишь, Тамара Павловна после торжественной линейки завела всех нас в школьный огород, дала всем по красному помидору, а потом повела в класс. Рассадил по двое за парты и... “Руки у учеников должны лежать вот так, если вы хотите обратиться, надо поднять правую руку, вот так...”.

— Да, хлопцы, огород наш школьный я часто теперь даже во сне вижу. Чего там только не было: огурцы, помидоры, редис, морковь...

— В этом огороде мы всё делали сами: даже колодец копали и чистили старшеклассники.

— А по теперешнему школьному двору ветер шлак, золу да рваную бумагу гоняет.

— Знаете, а я считаю: вот эти теперешние школьные производственные бригады в смысле воспитания школьников дают меньше, чем тот наш школьный огород. Хотя и техника у них сейчас и размах, и... всё такое, но всё это — не то. Слишком далеко, отвлечённо и неконкретно. Я это хорошо понял — сам в прошлом году был с ними. Что и говорить — гектарами и



центнерами не заменишь “того огорода”, — раздался вновь басовитый голос Александра.

— Да, ребята! Школы нашей нет, а палисадник её ещё живой. Правда, весь бельевыми верёвками перепутан.

— Помнишь, Сашка, мы двенадцатого июня утром, перед последним экзаменом — литература устно — сидели всем классом в этом палисаднике: акация цвела...

— И мы сами как шмели, вдруг Ира Думанская как завизжит, замашет руками. Умора! А над ней целый рой пчёл.

— Да, на выпускном вечере у Иры было потрясающее ухо.

— А я, ребята, в то памятное лето на бульдозере работал, — проговорил задумчиво Николай, — и вот как-то встречается меня прораб стройчасти и говорит: “Обеспечь нам на завтра фронт работ: снеси к чёртовой бабшке во-о-он ту развалюху”, — и рукой указывает на нашу школу: она тогда уже раскрытая стояла — брёвна с крыши уже все порастащили. Подъехал я, трактор заглушил и вошёл в школу. Ни окон, ни дверей. Сквознячок гуляет. Полы тоже сорваны. Солнце над головой... Хожу, как во сне, из класса в класс и вспоминаю: где и что стояло, висело, себя вспоминаю... Не помню, сколько ходил. А когда вышел, сел за фрикционы и стал опускать нож — хотите верьте, хотите нет — лопнул маслопроводный шланг гидравлики. Вот так и подвёл я в этот день строителей.

— А со мной, хлопцы, лет десять назад (школа наша ещё жила) вот что было. Был я на юбилейном вечере у нашего Вовки. И не то чтобы уж слишком, но за его 25-летие, конечно... тогда ещё на это смотрел проще. Вышел от него, а ночь — хоть выколи глаза. Ну а зрение у меня, сами знаете, на первой парте всегда сидел. Так вот, шёл скорее по привычке, да к тому же размечтался. И остановился: “Что-то уж слишком долго иду. Где я? А может, ещё не дошёл”. Кругом огни, а сориентироваться не могу. Что, где, куда, чей дом? Туда-сюда: ничего не пойму — тупик, плетни, заборы. Огни слепят. Один, другой забор перелез, упал и совсем запутался: где юг, где север? Дело в июле было. Тепло. Лежу, всматриваюсь: снизу виднее — огни не так слепят. Ощупываю, соображаю: “Картошка — значит, в чьём-то огороде. В чьём?”. Улавливаю что-то знакомое в дощатом заборе: острофигурные верхушки досок, в десяти метрах вырисовывает теремком сруб колодца, а за ним что-то нагромождено в виде баррикады, ею оказались поставленные одна на другую парты (видать, в классе покрасили полы и парты вынесли сюда). Ну теперь мои координаты выяснены: дорога домой известна. А не иду. Поставил аккуратно на землю одну парту, сел за неё, замечаю: уже луна взошла, и поверхность парты блестит. Прощупываю её бугристую поверхность и задыхаюсь от нахлынувших воспоминаний, и вижу всё так явственно: вот Иринка стоит у доски с указкой и на цыпочках тянется к Исландии. Рассказал я вам, ребята, этот эпизод и сам чувствую: не смог высказать того, что так хотел. А теперь, когда я бываю в школе на родительских собраниях и сажусь за стол (партой эту мебель я назвать не могу), мне всегда кажется: школа потеряла что-то дорогое и существенное для неё, а не просто заменила мебель. Мне кажется, что ученик, сидя за этим прямым столиком на ёрзающем стуле, не сможет ощутить того, что мы чувствовали за партой.

— Наверное, ты, Серёга, прав. Я как-то своего Вовку спрашиваю: “Ты на каком этаже учишься?”. Он не понял и переспросил: “Как это?”. — “На каком этаже твой класс?”. Он смеётся: “На всех: у нас, батя, кабинетная



система. Например, история и литература на втором, а физика и химия — на третьем и т. д. Понял?” Разумом-то я понял, чего уж тут — сам в технике по этажам из аудитории в аудиторию — а вот сердцем не понимаю. Наш класс был окнами на юг. Солнечный зайчик на втором уроке скользил высоко под потолком по портрету Ломоносова, а потом уже блестел на чёрной школьной доске.

— Мы каждое лето всё сами делали: и глину с учителем месили, крышу мазали и белили, красили. Каждый гвоздь, вбитый в школьный забор, каждый столбик — это урок и ученик. Вы, наверное, нашего физика, Николая Петровича уже не захватили... Вот это был учитель! Какие мы с ним механизмы для подъёма глины делали! Вот у кого теория не расходилась с практикой.

— Верно, наш Борис Николаевич никогда не уходил в “отпуск”. Он всегда оставался учителем там, где были ученики. Помнишь, Сергей, тот случай на Нуре... А сейчас педагог Геннадий Сергеевич на бильярде и “не видит” учеников, а те, естественно, “не замечают” своего учителя. Удобно! Каждый сам по себе. Нейтралитет. И Славка мой с Мишкой восхищённо говорят: “Геннадий Сергеевич — во! Человек свой!”. И не смеются. Этот Геннадий Сергеевич для всех хочет быть “своим”. Он и с Иваном Карасём “свой”, особенно, когда тот зарплату получит. Кайфуют с Иваном и пятиклассника Лёшку Карасёва попеременно наставляют: “Ничего, ничего, не стесняйся. Ну и что ж, что я педагог? Сейчас мы дома”. Вот такие дела.

— А я так мыслю: настоящий человек всегда учитель. И ученики фальшь чувствуют лучше взрослых. У нас был такой “учитель”. Мы тогда уже, кажется, в седьмом учились, когда к нам пришёл этот Александр Никитич. Как-то вышло, что к середине учебного года мы остались без математики. А этого Александра Никитича, брата жены директора, досрочно из армии комиссовали, а профессии у него никакой. Вот директор и принял его. Сколько в нём было равнодушия и презрения к нам! В первую очередь разделил нас по группам — сортам. Вспомнив о нём, я вот о чём думаю: вот ГАИ лишает нерадивых шофёров права на вождение. ГАИ как бы выражает тому или иному водителю протест или сомнение в его профессиональной пригодности. Бойтся, как бы он не навредил людям. Вот бы такое ГАИ на педагогов. Ведь не секрет, есть в наших школах специалисты с дипломами, которым не дано быть учителем. И если они в школах — это большое зло.

— Помнишь, Витька, нас с тобой Людмила Александровна послала в учительскую принести в класс “Звёздное полушарие”. В учительской никого не было, и мы, уходя, спрятали звонок в цветочный горшок. Вот ЧП было! Пропажа века!

— Да, помню, а как же. Десять лишних минут урок шёл. И Славка Корнев из-за этого “погорел”: “Смотрю на свои часы — две минуты осталось. Ну, думаю, всё, пронесло. Стою у доски, а звонка с урока всё нет”.

— Всё изменилось, нет того звонка-колокольчика — электрический сейчас трещит.

Голос бригадира прозвучал неожиданно, по-боцмански:

— Хлопцы, пора!

И через минуту красный уголок первой тракторно-полеводческой бригады был пуст. И всё дальше стал удаляться гул комбайнов, становясь глуше и глуше.



Храбрый Олег

Окно в палисадник распахнуто. Свежий ветерок полощет тюлевые занавески, заполняя комнату цветущим маем. Солнце поднимается всё выше, и золотой квадрат окна скользит по ковру, лаская теплом кудрявого оленя. Сползает на белоснежную подушку, где покоится вихрастая, белокурая Олежка голова. Наверное, и во сне решает эту сложную не по годам проблему: кем же всё-таки быть — солдатом или моряком?

Ещё совсем недавно он был уверен и спокоен: моряк, конечно, моряк. Даже ложась спать, не расставался с бескозыркой и снятыми с дяди Колиного кителя якорями. А теперь дядя Коля Олежке не авторитет. Ещё этот дед Роман: “Вон, твой моряк плывёт”, — не пропустит, чтобы не поддеть мальчишку, когда бывший флотский возвращается домой на “К-700”. Олег обижается на деда и жалеет дядю Колю. Но тот почему-то доволен и сам смеётся. А на глаза Олега наворачиваются слёзы.

Но вот позавчера пришёл в отпуск дядя Саша — тоже сын дедовский. Он сержант. Служит далеко. Олег смотрел даже его альбом и видел фотокарточку: стоит огромный солдат с мечом и одной рукой держит девочку, похожую на Маринку соседскую. А внизу у памятника солдаты и третий с края — дядя Саша. Такую картинку Олег видел и в Маринкиной книжке, только без солдат и дяди Саши.

Вчера Олег решил потребовать от деда прямого ответа и, подражая интонации бабы Кати, сказал: “Ох, старый! Не хитри! Как на духу скажи: кто сильнее — моряк или солдат?”. Дед улыбнулся и, также хитро сощурил глаза, ответил: “Слепой сказал — посмотрим, глухой сказал — услышим”. А вечером, когда дядя Коля “приплыл” домой на своём “касемьсоте”, дед повёл Олежку на сеновал и в который раз устроил борьбу между дядьками. На этот раз победил моряк. Так и уснул вчера Олежка, не решив для себя этой задачи: кто сильнее? Кем быть?

Ветер гулял по комнате. Сползло одеяльце. На переносье и за ушами у мальчишки красные пятна. Это следы от пылезащитных очков дяди Коли. Ведь кроме прочего, Олег ещё и космонавт, а как тут обойтись без таких предметов.

На ноге, выше колена, синяк. Это гусак уципнул космонавта, когда тот “приземлился”, чтобы дать гусьтам воды. На простынке, под боком, лежит “медаль” Олега. Ложась спать, он на всякий случай снял её с куртки и положил рядом. Медаль — значок “Воин-спортсмен” подарил Олежке дядя Саша.

На кухне бабушка Катя уже успела наклеить два листа вареников с творогом. Залила в сепаратор молоко, но не включает его: “Пусть поспит малец, а то, небось, опять ему почудится вой реактивного самолёта”. Она тихонечко приоткрывает дверь и с любовью смотрит на своего храброго внука — моряка и солдата, космонавта и чапаевца.

Бабушка на цыпочках приближается к постели, поднимает сползшее одеяло. Губы внука в улыбке. “Снится что-то”, — думает бабушка.

— Ах ты, какая хитрая! — звонко смеётся Олег и садится на постели.

Итак, день начался! Вот уже Олег умытый, одетый и при “медали” сидит за столом и ест вареники. Бабушка, чтобы внук не забрызгал курточку сметаной, направляет ему за воротник полотенце.

— Ба, ты только медаль не закрывай, — просит Олег.

А во дворе — столько всего! Надо обязательно помирить Пирата и Никиту. Они оба хорошие. В дедовом доме живут. А не ладят. Вредный пёс



Пират всё время мешает коту Никите. Надо поиграть с Маринкой, ведь у неё нет ни кота, ни собаки. И мирить некого.

Так за “заботами” и пролетает день. А потом — за окном темень.

— Старый, ты закрыл калитку? — доносится голос бабы Кати. — Потпочет скотина грядки.

Дед молчит. Не хочется ему вставать с тёплой постели. “А может быть, ему страшно, — думает Олег. — Ведь темно”.

— Дед, если боишься, возьми мою медаль. С ней не страшно. Только потом положи на место.

Хорошо перед сном думается. Почему, скажем, так получается? Ехал сюда, к бабушке с дедом, долго-долго. Приехал. А звёзды на небе точно такие же оказались, как дома. Вон та, например, большая. Только там она светит над домом, а здесь над сараем, в котором сидит кот Никита. Дядя Саша говорит, что земля вертится и все — вместе с ней. А что, если... если подпрыгнуть. Вот это да! Попробую... Завтра... Завтра! Вот это да!

Лёнькины вопросы

“Ах, ты опять на подоконник с ногами забрался!”. Таня линейкой хлестнула Лёньку, но на этот раз он уже не заревел, он уже “давно не плачет, а особенно от девчонок”. А они, Таня и Ира, здесь, прямо под Лёнькой, у письменного стола рисуют, красят, клеят — “мы готовимся к Новому году!”. А для Лёньки непонятно: как это — готовиться и зачем встречать этот Новый год? Вот как встречать отца, возвращающегося с рейса, Лёнька знает и не готовится, а тайком убегает на развилку за селом: Лёнька боится: мать на дорогу не пустит. И вот так он частенько поджидает отцовский “КамАЗ”, но это — летом, а сейчас зима, и Лёнька сидит “под арестом”. Вот и теперь он сидит на подоконнике и, склоняя голову то на левое, то на правое плечо, жмурится от ослепляюще искрящегося всеми цветами радуги замёрзшего оконного стекла. Солнце всё ещё лежит на крыше Витькиного дома, а вот летом в это время оно уже висело на высоченном тополе у Сашкиного дома — на той стороне улицы живут Лёнькины друзья — Витька и Сашка. Как-то Лёнька пожаловался Тане на это непостоянство солнца, на что сестра сказала: “Так Земля же вертится!”. Лёнька спросил: “Почему?”. Таня растерянно посмотрела на него, а потом выпалила: “По кочану!” и быстро стала перелистывать свою книгу. Она всегда так говорила, когда сама не знала. Это Лёнька уже давно заметил. А чуть позже Таня, смеясь, сказала: “А ты вот подожди здесь, на подоконнике, и увидишь: летом солнце опять вернётся к твоему Витьке”.

Не поймёт Лёнька этих взрослых: то они хотят, чтобы он без ног влезал на подоконник, а как это сделать? То говорят, что Земля вертится, или опять же: все готовятся встречать Новый год. “И зачем он им нужен?” — думает сейчас Лёнька и вспоминает: вот той зимой тоже все ждали Новый год. Вечером к ним пришли дядя Коля с женой, тётей Галей, и сказали, что пришли встречать Новый год. Лёнька сгорал от удивления и, не стерпев, спросил: “А почему его надо встречать у нас, он, может быть, к нам и не придёт”. Да и странно они его встречали: просто сидели в зале за столом и даже на крыльцо ни разу не вышли. Лёнька так хотел увидеть Новый год, но, так ничего и не увидев, уснул. А утром, чуть свет, вскочил и — к отцу. Отец с мамой сидели на кухне и о чём-то шептались. Лёнька встал на пороге и тер кулаками глаза, он решил, что Новый год обиделся на них и не пришёл, но отец, смеясь, успокоил Лёньку: “Приходил!”.



Ещё Лёнька помнит, как Таня брала его с собой на новогодний утренник. Она вела его за руку по длинному школьному коридору. На стене таким же длинным рядом висели портреты “каких-то дядек”, и Лёнька без конца дёргал Таню за палец, останавливался и спрашивал: “Тань, а это кто?”. Таня поясняла: “Менделеев, Достоевский, Ушинский...”. И в очередной раз сказала: “Пушкин!”. Лёнька обиделся: “Опять дразнятся!”. Нет, не таким представлял Лёнька Пушкина! Они прошли по коридору ещё несколько шагов, и Лёнька остановился у портрета дядьки, заросшего бородой, у которого видны были лишь глаза и нос: “А это Дед Мороз”, — радостно и уверенно закричал он на весь коридор, а Таня сердито крутнула его за палец и потащила дальше, испуганно шепча: “Да замолчи ты! Это Толстой”, а Лёнька упирался и оглядывался: “А ты почему знаешь, что он толстый? Там же одна только голова...” — протестовал он. “Ты меня позоришь, — говорила сестра. — Больше я тебя с собой никуда не возьму”.

“Ира, а кто у нас в этом году будет Дедом Морозом?” — спросила подружку Таня, и Лёнька стал прислушиваться к разговору за столом. “Дедом Морозом — физрук, Василий Иванович, а Снегурочкой — Наташа Корнеева из 8 “а”, — отвечала Ира, примеривая на голове корону. Лёнька задумался: он то крепко смеживал веки, то широко раскрывал глаза, и ему вдруг что-то приоткрывалось, как будто от него что-то уходило, а что-то новое заполняло его детскую душу. “Заканчивается год Зайца и наступит год...” — Ира вопросительно посмотрела на Таню. “И наступит год Дракона”, — вдруг выпалил Лёнька. Подруги изумлённо смотрели на него, а он продолжал важно вещать: “А потом — год Бабы-Яги, а потом — Кошечка Бессмертного, а потом — год Страшилы!”. Наконец девочки опомнились и в один голос спросили: “Да кто тебе это сказал?”. — “Пушкин!” — выкрикнул Лёнька, прыгая с подоконника прямо на стол и разбрасывая бумажные гирлянды и прочую мишуру, сорвал с головы сестры корону и, хохоча, стрелой понёсся по комнатам. Таня преследовала его с линейкой в руке и с угрозой: “Я сейчас тебе покажу, где раки зимуют!”, но и эта магическая фраза уже не занимала Лёньку, ведь он стал взрослее на год.

Подарок Виктора Тростникова

Уже ощущалось то особое оживление, что сопутствует приходу этого дня. Как нигде остро, это чувствовалось в магазинах. Людно стало и в ювелирном отделе. Три дня подряд Виктор заходил в универмаг и, обходя отделы, тоже несколько раз останавливался здесь. В глаза и уши назойливо лезло: сверкающее, заносчивое, заискивающее, сюсюкающее, фальшивое и холодное: “А мой сказал: “Вот тебе тридцать тысяч и бери сама, что хочешь. Ведь ты, дорогая, дороже этих висюлек...”. Расстроенный и подавленный, Виктор отходил. “Бряцанье золотом не для нас”. Доказывать матери, что он у неё щедрый, Виктор не мог и не хотел. Мать знает, какой он у неё “дурачок”... Конечно, она же помнит тот его “номер”, когда перед 8 Марта на несколько дней он пропал из дома. Слетал на юг и вернулся к Иринке с корзинкой алых роз. А мать за это время обзвонила всех его друзей и знакомых, разыскивая его, а на третий день, именно 8 Марта, её увезла “скорая”. Вспомнив это, Виктор, наверное, наяву застонал, потому что, выйдя из оцепенения, он увидел, что люди из очереди с удивлением и любопытством смотрят на него.

И в этот вечер Виктор вернулся домой из магазина, так и не выбрав подарок матери. Вся жизнь у него была вот такой: многого хотел и ничего не имел. Или, может быть, так хотел?



Ночью он не мог уснуть. Где-то на грани его “помню”, на самом донышке самосознания вдруг чётко высветилось: он уже выкупанный, во весь рост стоит в корыте у самой печки. Мама ополаскивает, поливает его из ковшика. Ему горячо и щекотно, и он, смеясь, визжит, мама тоже смеётся и командует: “Руки по швам!”. А он размахивает руками, хватается за голову, и вода стекает не в корыто, а на пол.

Сколько же ему тогда было? Три-четыре. А уже сорок. Потом мама его стриже́т (она сама стригла его до шестого класса). Машинка иногда “буксовала” в его густых и жёстких волосах, и тогда мама прижимала его голову к своей груди, приговаривая: “Ну потерпи, потерпи, сынок, ты же у меня солдат”. У него на глазах выступали слёзы, но он смеялся. Его короткий волос набивался маме в кофту и она, отряхиваясь, смеялась и приговаривала: “Ой-ой, какой же ты у меня колючий”. Сейчас, мучаясь бессонницей, Виктор горько усмехнулся: “Мама, мама, уже нет у меня на голове той шевелюры, но и теперь мне уже чужие люди говорят: “колючий”. Мама, мама, ты, только ты знаешь, что я не жестокий, не “колючий”.

Нахлынувшие чувства сжигали Виктора. То он видел маму растерянной и смятенной: это она впервые увидела его пьяным, но он и в том состоянии расслышал и запомнил еле слышное, сорвавшееся с её губ: “Какой ты у меня слабенький...”. А он всю жизнь доказывает кому-то, что он сильный. То вновь и вновь приходил ему на память тот вечер. Он приехал на выходные домой, приехал к маме. Он сидела у стола и лепила вареники (его любимые — с капустой). Волосы подобраны косыночкой, стянуты узелком на затылке. Он с глубоко упрямой в себе болью и нежностью наблюдал за нею. Мама была задумчива и молчалива, и чувствовалось, что она никак не решится что-то сказать ему. Потом вдруг проронила: “Витя, она вернула твой подарок, переслала мне и сопроводила письмом. Витенька, оставь её в покое. Она не для тебя, она совсем не та. Ты её просто придумал. Я же знаю, ты у меня фантазёр”.

Вспомнилось и совсем недавнее. Уже было довольно поздно, двенадцатый час. Виктор сидел у себя и читал. Через приоткрытую дверь он увидел, как мать, готовясь ко сну, достала своё растирание и теперь, держа его в руке, сидит на постели, наверное, поджидает соседку, тётю Любу, та в последнее время приходила растирать на ночь матери больной позвоночник. Время шло, а соседка почему-то не приходила, и мама явно, Виктор это чувствовал, не решалась лечь, не растеревшись. А Виктора тоже что-то удерживало: он боялся, стеснялся этого признания перед мамой — признания в своей доброте, чуткости, сыновней нежности. Боже мой! Ну что я за человек? Надо встать, подойти. Сейчас, сейчас. Наконец он подошёл к маме и с виновато-смущённым видом грубовато сказал: “Мама, ну что же ты не скажешь. Я же тоже могу. Давай, я тебя не хуже тёти Любы разотру, а ты ждёшь...”. И больше он не сказал ни слова, мама тоже молчала, но когда он уходил, взгляд матери заставил его оглянуться.

Мама, мама, ты одна понимаешь меня. Виктора охватило то лихорадочное состояние, которое и мучило его и одновременно наполняло его жизнь смыслом. Писать, писать. Написать ей! Написать о ней. Я знаю, ты веришь в меня.

**село имени Мынбаева
Нуринаского района
Карагандинской области.**



Здоровье, медицина и история

(О книге “На страже здоровья павлодарцев”. — Павлодар: ИП Сытина Е. А., 2009. — 438 с.).

В истории павлодарского Прииртышья есть слабо разработанные проблемы. К ним относится, например, развитие физической культуры и спорта. Не намного лучше выглядит ситуация со здравоохранением. До сих пор не было монографий, посвящённых этой теме. Вместе с тем публикации в массовой печати говорят о том, что не только состояние, но и история здравоохранения, чем дальше — тем больше, интересует широкий круг краеведов, общественности и населения.

В начале декабря 2009 года состоялась презентация книги “На страже здоровья павлодарцев”, автором-составителем которой является М. С. Тереник. Нужно отдать должное её энергии, помощи департамента здравоохранения области, чтобы в наше, довольно сложное экономически время, осуществить издание.

Трудно определить жанр монографии — это документы и исследовательские статьи, воспоминания и публицистические выступления, информационные материалы и исторические справки и т. д. Но при знакомстве с книгой возникает впечатление об энциклопедическом характере её. Это сборник материалов об истории, настоящем и будущем здравоохранения области. Ничего подобного историография павлодарского Прииртышья не имела. Обилие и разнообразие материалов делает книгу привлекательной как для специалистов, так и для массового читателя. Этой цели способствуют язык и стиль изложения, сюжетное построение.

Доступность и привлекательность книги не нанесли непоправимого ущерба её научности. Прежде всего, М. С. Тереник использовала, не скажем все, но основную массу источников. Это неопубликованные и опубликованные документы, периодическая печать, материалы текущего делопроизводства, воспоминания. Источниковая база пополнена новыми, не вводившимися ранее в научный оборот материалами. Такой набор делает книгу не только привлекательной, но и убедительной.

В краеведческой литературе “родимым пятном” является частое отсутствие ссылок на использованные источники. Это не позволяет убедиться в точности приведённых данных, осмыслить их заново, продолжить разработку научной темы. К счастью, такого недостатка лишена изданная книга. Возможно, стоило материал ссылок, для облегчения чтения основного текста, поместить в подстрочнике.

Удачей работы выглядит обращение к состоянию здоровья павлодарцев. К сожалению, существует гиперболизация внешних показателей развития здравоохранения. Обычны сопоставления: было — стало, стало — было. Сопоставляется количество медицинских учреждений, работников, обращений за помощью и т. д. и т. п. Разумеется, эти показатели важны и в определённой степени характеризуют состояние системы здравоохранения. Но каковы конечные результаты медицинской деятельности: уровень заболеваемости, эффективность лечения? Об этом, как и о системности работы по охране здоровья, можно было сказать больше



и в рассматриваемой работе. Например, не нашла должного отражения профилактическая медицина.

Парадоксально, но факт: состояние фармацевтического дела в дореволюционный период в книге отражено больше, чем положение его на современном этапе. Может быть, это состояние таково, что писать об этом неловко? Но для здоровья населения, истории его состояния эта системная составляющая здравоохранения весьма важна.

Не могу не сказать и о доступности медицинских услуг. Вопрос имеет огромное значение не только как предмет специального рассмотрения, но и как социальная проблема. В рассматриваемой книге он упоминается вскользь, хотя я знаю, что Мария Серафимовна серьёзно интересуется этой проблемой.

Автором-составителем книги поставлена и ещё одна важная проблема: не количество, а качество медицинских работников в немалой, если не сказать больше, степени определяет состояние здравоохранения. Отдельная глава посвящена персоналиям выдающихся медицинских работников области. При этом использованы очерки разных лет различных авторов. То, что в книге даются перепечатки материалов, не снижает, на мой взгляд, её достоинств, а повышает её энциклопедичность. Впервые в рассматриваемой главе собраны сведения о заслуженных врачах и фармацевтах области.

Книга, что обычно для трудов Тереник, богато иллюстрирована. Изыскание, подбор иллюстраций — это уже немалая работа. Но особенно трудоёмко, кропотливо, эвристично изыскание фотопортретов ушедших из жизни людей. И всё это проделано Марией Серафимовной, за что она пользуется заслуженным авторитетом и популярностью у родственников героев своих книг, очерков, статей.

Ряд помещённых очерков подписан автором, указана дата написания, но нет данных о том, публикуются ли они впервые, или были ранее помещены в каком-то издании. Кстати, эти сведения тоже можно было поместить в подстрочник для тех, кто интересуется проблемами здравоохранения с научной точки зрения. В содержание научно-справочного аппарата монографии запрашивается общий список использованных источников и литературы, хронограф развития здравоохранения.

В итоге считаю долгом сказать: появившееся издание (жаль, что тираж его — 300 экз. — очень мал) вносит весомый вклад в историографию слабо разработанной проблемы, в формирование достойного имиджа и медицины, и её работников. А в этом они, на мой взгляд, сегодня нуждаются.

А. Л. ЗАХАРЕНКО,
кандидат исторических наук,
профессор ПГУ им. С. Торайгырова.



Алексей ПРОЙДАКОВ

ПОД ЧУЖИМ ВЗГЛЯДОМ

Повесть

Вступление из будущего

Прежде чем приступить к изложению невероятных событий, произошедших в первой половине двадцать первого века, хотелось бы сделать необходимые пояснения. Название — Углеград — соответствует действительности. Когда-то на северо-востоке существовал город с таким названием.

В прежней стране он широко славился комсомольскими стройками, наплывом молодёжи со всего Союза, а также — авантюристов и проходимцев всех мастей. По нынешним представлениям городом вовсе не был, скорее — промышленный центр с жилищными постройками, со всех сторон окружённый открытыми угледобычными ямами, называемыми “разрезами”, среди которых огромным выбитым глазом зияла видная даже из космоса самая крупная рана на теле земли — разрез “Батыр”. Каждый день из его недр выцарапывались сотни тысяч тонн угля и — железнодорожными составами — расходились по многим направлениям. Уголь был не совсем качественным — около пятидесяти процентов зольности. Возможно, “не дозрел”, возможно, с его добычей надо было повременить... Но разработки начались ещё в прежнее время, по непонятным нам “обязательствам” и “планам”, а новое руководство их только продолжило, не вдаваясь в подробности.

Однако содержать производство таких масштабов развивающейся стране было не под силу, и право владения им — на девяносто девять лет — выкупил мировой энергетический холдинг “Coal Energy Corporation” — Си-И-Си. Им же было основано собственное акционерное общество “Батыр-Восток-Север-транзит”, которое выплатило долги по зарплате, приобрело новое оборудование, модернизировало старое — и работы возобновились с ещё большим размахом.

... Нынче мы все умные, толковые, эрудированные, почти не агрессивные. Земля начинает понемногу забывать, что такое войны и всякого рода конфликты. Люди перестали уничтожать друг друга, привыкают дружить и торговать. Нам, в поощрение за разумное поведение, открыли тайну использования альтернативных видов энергии. Прежний её способ выработки был трудоёмким и экологически опасным, но приносил огромные прибыли как отдельным личностям, так и целым корпорациям.

И, как яркий пример вышесказанному: в тридцати и сорока пяти километрах от Углеграда находились две ГРЭС (государственные районные электрические станции), в огромных топках которых каждую секунду, каждую минуту из угля выжигали электричество. Законным следствием этого варварства была обильная зола, каждодневно выпадавшая на головы людей, на зелёные посадки, дачи, степь, уничтожая и без того чахлую растительность, укорачивая и без того краткий человеческий век, изнуряя его жестокими и внезапными болезнями. Именно таковой оказывалась конечная цена продаваемой электроэнергии.

На земле подобных — экологически опасных точек — было более пятисот, и количество их всё возрастало. Люди оказались бессильными оградить атмосферу своей планеты от отравления, а почву от надругательства.

Когда это стало предельно ясно наблюдающим из Космоса, они решили произвести акцию Очищения, носившую исключительно человеколюбивый характер, действовали гуманоиды (так мы их называли) руками людей, никому не

причиняя вреда. И всё должно было пройти благополучно, но вмешались силы параллельного мира, настроенные весьма воинственно...

Сегодня мы знаем, что все экологические раны земли законсервированы, воздух очищен, у человечества, после долгого перерыва, начинают появляться первые по-настоящему здоровые дети. Но иногда позволяем себе забывать, какой ценой далось всё это; забываем про многочисленные жертвы среди людей, уничтоженные города и поселения.

История Углеграда, как и других вредоносных промышленных объектов, канула в Лету. Она уникальна лишь тем, что жертвами, в отличие от других городов других стран, стали немногие. Нашлись настоящие люди, которые изыскали способы и возможности уберечь простых людей, тружеников, которые должны были погибнуть в первую очередь, отвечая за не свои ошибки и просчёты — загубленную экологию и жизненное пространство; вся “вина” которых заключалась лишь в том, что работали они всю жизнь не покладая рук, чтобы прокормить свои семьи, дать им самое необходимое.

... И теперь шумят камышовые ветра на месте бывших разрезов; цветёт ковыль там, где были отвалы, свалки и помойки, ведя неторопливую повесть о том, что ошибки исправимы, но... иногда с опозданием.

Глава 1

Не верь тишине

Всякий город имеет свои районы. В Углеграде их — основных — было два: угольщиков и энергетиков. Где-то между ними ютился район шахтостроителей. Но существовала ещё одна территория, о которой либо умалчивали, либо говорили шёпотом. Днём в ту сторону избегали смотреть, а ночью обходили дальней стороной.

Называлась она — Воргород. Название сохранилось со времени основания Углеграда и то, что за ним скрывалось, давно не походило на “город”. Ряд двухэтажных развалюх в полусотне метров от начала объёмистой ямы отработанного угольного разреза “Центральный” сиротливо глядел в мир пустыми глазницами окон; в этом месте царил полный разгром и хаос. И уже ничто не напоминало о том, что когда-то этот район был жилым и радостным.

Раньше был здесь ещё один ряд двухэтажных домов. Но вследствие вскрышных работ оказались они у самого края разреза. А семь лет назад внезапно произошло до сих пор не разгаданное чудовищное сотрясение почвы, поглотившее их за считанные минуты. Вместе с обитателями. Проще говоря, ушли домики внутрь “Центрального” и никто больше не видел их обитателей. Но что самое характерное, всё исчезло, а место осталось нетронутым. Площадочка цела.

Старые углеградцы помнят, что именно тогда впервые над городом зависло что-то несопоставимое ни с чем, ни по виду, ни по объёму: повисело, понаблюдало и — упорхнуло (именно упорхнуло, поскольку полёт был схож с птичьим взмахом крыла) в сторону “миллионной” подстанции ГРЭС-1. Именно туда. Но, говорили, полетело не просто. Над подстанцией это Нечто висело довольно долго, и было похоже на то, что идёт подробное изучение местности.

А на “Центральном” с тех самых пор стали появляться загадочные миражи. Если долго вглядываться с небольшой возвышенности в его середину, да ещё в солнечный день, можно увидеть непонятное: люди, машины, постройки и даже дороги. Всё это было так непохоже на наше — земное, что некоторые просто отворачивались, а другие плевали по ветру: “Бесовщина!”. Это же подтвердил местный православный священник, которого пригласили лицезреть “невнятное”.



Благочестивый лютеранский пастор Томаш просто загадочно улыбнулся и не сказал ничего, что впоследствии и подтвердило его полную правоту.

Государственная комиссия по расследованию инцидента с исчезнувшими в никуда постройками была образована лишь через полтора месяца. Из столицы приехали важные чиновники в дорогих костюмах. Побывали на месте происшествия, где теперь — внезапно и буйно проросла буро-зелёная трава с каким-то мраморным отливом.

“Нездоровый цвет”, — констатировали все.

Результатом работы комиссии стал пространный отчёт, куда вошла стенограмма нескольких опрошенных должностных лиц, а также родственников “пропавших без вести”. Причём этих “пропавших” было решено объявить в республиканский розыск. Да, и ещё. И это, надо отдать должное, тоже исходило из решения чиновников, которые, оказывается, иногда заботятся о людях. Жителей уцелевшей части улицы спешно переселили в новостройки Углеграда. Брошенные быстренько заняли “бичи”, бомжи, прочие деклассированные элементы, не боявшиеся ни беса, ни Бога, ни катастроф, ни “летающих тарелок”.

Так возникла некая величина, из которой должна была исходить постоянная угроза городскому правопорядку.

По мнению полицейских, здесь вершились тёмные дела: посланцы Воргорода в самом Углеграде совершали дерзкие преступления; отсюда же происходили наркотики.

И хотя частые рейды служителей правопорядка не приносили результатов и были почти бесполезны, главу местного сообщества “бичей” частенько привлекали по подозрению. Но с таким же успехом выпускали обратно, за отсутствием состава преступления. Как позже выяснили толкователи законов — все сильные адвокаты, даже на то, что отщепенцы общества поселились в заброшенных зданиях, им давал право недавно принятый закон “О свободе перемещения и неприкосновенности личности гражданина”.

Видя такое положение дел, один из заместителей мэра города — Александр Васютин приказал оградить Углеград от Воргорода двухметровой стеной. Предприятие было достаточно затратным, и даже среди работников администрации нашлись рискнувшие внести альтернативные предложения: снести оставшиеся дома, оставлять в “бичёвском прибежище” круглосуточные посты полиции.

Но зам был твёрд и — не менял решений.

Техники и людей на строительство “китайской” стены нагнали достаточно.

В народе её даже называли “третьей комсомольской стройкой”. Вернувшийся из столицы мэр только ахнул, но сделать уже ничего не мог: стена стояла крепка и незыблема, с единственным проходным двором, наглухо закрытым мощной железной дверью с замком “Сенатор”.

Длина уродливого строения составляла около тысячи метров, и опоясывало оно разрез полукольцом со стороны Углеграда.

Воргород, таким образом, стал местом, куда можно было ссылать провинившихся.

... Чёрной, аспидно-чёрной ночью машинист электропоезда погрузочно-транспортного управления “Восток” Пётр Варшаков шёл навестить младшего брата.

Пашка жил в Воргороде, известный среди “бичей” под кличкой “Волк”.

— Сам чёрт занёс его в это проклятое место, — недовольно бубнил идущий. — Писатель долбаный, романтик хренов! “Сотка” не работает, как назло...



Двигаться приходилось наощупь.

Виделись они с братом редко, и сегодня не было особой нужды, но...

— Сидел же дома, смотрел телевизор... Нет, будто шилом укололи: иди! Встал и пошёл, как дурак. Неизвестно почему, — продолжал шептать Пётр.

Потом замедлил шаг и подумал, а вдруг брату опасность какая-нибудь угрожает. Ведь не зря же сорвало с места.

Особого уважения к Пашке он не испытывал, но твёрдо знал: это единственный оставшийся на всём белом свете родной ему человек.

Павел Варшаков по путёвке Целиноградского горкома комсомола некоторое время работал в Углеграде — по комсомольской линии. Потом перетянул сюда родителей и старшего брата, по причине лёгкости решения квартирного вопроса...

Однако сам вскоре уехал в Россию, состоялся там как писатель и уже в этом качестве приезжал сюда довольно часто.

Дело в том, что в своих книгах Павел рассказывал о рабочих Угольного городка: строителях, энергетиках, горняках, пытаясь доказать, что их труд — благородное дело. Это посчитали смелым в разливанном море чернухи, порнухи, боевиков и гламура.

Павел стал известен, моден, его даже привлекали в качестве эксперта. А он, будучи человеком добросовестным, в отличие от большинства собратьев по перу, хотел знать ситуацию изнутри: Углеград — город рабочих и поле деятельности для летописца трудовых будней — самое широкое. И ему уже показалось, что в повествованиях о земляках он достиг определённых высот. Но...

В последний приезде у него состоялась творческая встреча с жителями города, где его "книжата" были единодушно преданы поруганию. Крепко было сказано, что написаны они человеком, не имеющим даже представления...

Итог встрече подвела редактор основной газеты "Голос Углеграда" Галина Александровна Никандрова, невысокая плотная женщина, с умными серыми глазами, хитро посматривающими из-под толстых очков.

— Розовые слюни, вот как хочется резюмировать, — решительно сказала она. — Мало того, что картинки устроенного быта рабочих чередуются с полотнами, в кавычках, счастливого труда, а каменщики напоминают академиков на пенсии. Мало того, что авторская речь более похожа на слегка переработанную газетную передовицу советских времён, Варшаков ещё ухитрился свой последний роман "Рабочие будни" написать от имени энергетика, не имея ни малейшего понятия о специфике профессии.

По залу прокатился смешок, но Никандрова негодуяюще подняла руку.

— Говорю не для смеха, друзья, и не с целью обидеть Варшакова. Он — человек смелый, раз решился обсуждать роман именно здесь. Ведь большинство писателей — героев своих романов сторонятся, как чумы. Он — молод, несомненно талантлив и плодовит. Многим из нас и за сорок лет не написать того, что он смог за пятнадцать. Это редакторов его книг надо бить по рукам. А ему просто не хватает проникновения в тему. Павел, — сказала она сочувственно, — вы лучше поглядите, что на наших стройках творится. Прошу вас, поживите здесь подольше, поработайте физически и тогда — сами увидите разницу. Воздухом нашим поганым подышите, посмотрите на загубленную степь, отравленные озёра; воды нашей захлорированной попейте досыта...

В зале воцарилась тишина. Кто-то всхлипнул.

— Ещё немного, — продолжила Никандрова, — и это место необходимо будет либо основательно очистить, либо закрывать, как ядерный полигон...

Главный журналист города понятия не имела, какие пророческие слова сказала.



Что ж, будучи человеком решительным, Павел Варшаков решил пожить в Углеграде. Петру не удалось уговорить брата остановиться на его квартире.

Наверное, оттого, что уговаривал чисто для проформы. Кто знает?

Поначалу снимал номер в гостинице.

Сутками пропадал то на ГРЭС, то на разрезах. Много писал, пытаюсь создать настоящую книгу. И вроде бы всё шло хорошо. Но постепенно, сам того не замечая, Павел отклонился от выбранной темы. Его вниманием целиком завладело “землетрясение”, как его называли люди, забывая, что здесь — степь и землетрясений сроду не бывало.

Но, выходит, оно произошло.

Он разыскивал родственников “пропавших”, беседовал с ними, вёл подробные записи.

А потом вдруг поселился в развалюхе у “Центрального”.

Петра такое решение рассердило.

Тогда Павел вкратце рассказал о своих наблюдениях и выводах.

— Я считаю, исчезновение домов вместе с жителями — следствие посадки и взлёта Неизвестного Объекта из ямы разреза, за счёт созданной им вибрации.

— А кто видел этот Объект?

— Люди видели.

— “Бичи” натрепались? Ты ж писатель! Какого чёрта якшаешься со всякой дрянью?

— Ты довольно суров к людям, — задумчиво сказал Павел. — Поначалу я думал, что только ко мне. Оказывается, ты так настроен ко всему человечеству.

— Это не люди, а мусор, — сердито бросил Пётр. — Тоже загнул: всё человечество...

— Насколько я понимаю, брат, я тоже для тебя вроде того... И разговариваешь ты со мной только по необходимости. Спасибо, что ещё хоть разговариваешь. Нет, это люди. И среди них есть умы — не чета нашим.

— Дурак ты, Пашка! Спасибо за сравнение.

— Пожалуйста, — равнодушно ответил Павел. — А я думал, что на твоё понимание, в этой ситуации, могу рассчитывать. Ты — счастливый человек, живёшь в созданном тобой мире и не подозреваешь, что за его пределами существует ещё кто-то, что миры — многообразны... Плюс к этому ты — человек состоявшийся: семья, квартира, работа. Я завидую тебе, у тебя всё получилось, у меня пока нет. Я слоняюсь по свету без денег, без семьи, которая где-то бедствует. Неужели тебе хочется оставаться братом писателя средней руки? А я хочу, чтобы ты имел возможность мной гордиться, а не делать вид, что мы — однофамильцы.

Пётр вдруг пристыженно притих, а Павел продолжил:

— Неужели ты думаешь, я не понимаю, что все мои “рабочие” романы — чущь с постным маслом? Но они не хуже, чем у других, таких же средних писателишек. Петька, это шанс, который нельзя упустить. Но, если он не оправдается, тогда надо бросать все литературные дела и заняться чем-то другим, более нужным и полезным.

— Почему такое мнение? — спросил Пётр недоверчиво. — Знаешь, честно говоря, мне всё это напоминает ту бодягу, которую я читал в детстве, в самых хреновых фантастиках: космос, космолёты, мутанты. Основания-то у тебя хоть какие-то есть?

— Я считаю, что катастрофа была запланирована. И думаю, что в ближайшее время последует продолжение. Не знаю, какое... Понимаешь, просто так —

бесследно — целый ряд домов вместе с жителями не исчезает. Просто так, от нечего делать, неизвестное земной науке тело в небе не зависает. А зависает-то как! Будто изучая. А миражи! Ты хоть раз заглянул в этот “Центральный” в солнечную погоду? Уверен, что нет. А люди приезжают со всей страны, чтобы сделать именно это. И мираж этот, я уверен, скоро можно будет отнести к самым загадочным явлениям всей нашей планеты. А что пишет доблестная пресса и местная и прочая? Сплошная ерунда, бессмыслица и попытки увести в сторону от истины. Вывод из всего этого может быть только один: если мы сами себя травим и убиваем, и нам это нравится, то это может не нравиться другим.

— Каким другим?

— Тем, кто за нами наблюдает.

— Ты окончательно спятил. Кто за нами может наблюдать?

— Вот это я и хочу выяснить. И вообще, мне кажется, там что-то готовят.

— Почему тебе вдруг так кажется? Кто там может что-то готовить?

— Всех процессов, которые происходят в матушке-земле, мы не знаем, да и знать не можем. Возможно всякое...

Такова предыстория.

Собираясь к брату, Пётр не подумал, что единственный проход в Воргород закрыт, и попасть туда будет сложно. Но, приблизившись, убедился, что массивная железная дверь сорвана с петель и выброшена прочь.

“Ну, не сволочи, а? — подумал он. — Люди же старались, ставили, работали, а паскуды выкинули”.

Он даже не подумал, что теперь ему дорога открыта.

Шагнул и сразу уловил звук. Будто лопнула натянутая резина или проволока.

Огляделся, даже фонариком посветил — ничего и никого. Так, пустячок, но на душе сразу сделалось неуютно.

Постоял немного, отдышался, ещё раз выругал Пашку. Пошёл дальше. И вдруг увидел, что из тьмы впереди, прямо навстречу втекает Нечто. Втекает равномерно и даже фосфоресцирует.

“Шашек дымовых “бичи” достали, что ли? — подумалось ему. — Или пожар? Как я их ненавижу! Ох, сейчас кому-то по башке надаю, с удовольствием”.

И двинулся вперёд через дым, ступая осторожно, будто по болоту.

И здесь его впервые ударила мысль, что всё это неспроста.

В Воргороде дым был повсюду и вытекал из впадины разреза. Но, по мере его наполнения, стало различимо всё: пощербленные дома впереди, кучи мусора, раскуроченные фидера слева от тропинки.

Главное, абсолютная тишина.

Он сразу не поверил этой улице, ни её тишине, ни безлюдью. Хоть что-то должно роднить эту территорию со всем остальным на земле. Нет, словно в другой мир попал.

Тело заныло о неведомой опасности, и Варшаков-старший теперь точно определил, что исходит она из ямы вместе с дымом.

Преодолевая страх, прошёл ещё немного и — остолбенел: вся чаша “Центра” стала наливаться ярко-зелёным светом. Смотреть было нестерпимо, но и глаз отвести невозможно. Казалось, она закипает и с минуты на минуту хлынет поток ядовитого варева, которой поглотит весь город.

Поток хлынул, но не по сторонам, а ввысь. Прорастая гигантским цветком, из разреза появился “объект”.

Видный, как на экране телевизора, метров двадцать в диаметре, не меньше.

Приподнявшись над уровнем верхнего горизонта, он, чуть помедлив, пружинно ушёл вверх. Мгновенно скрылся из глаз.



В ту же минуту испарился и дым.

Варшаков тряхнул головой, соображая, где находится. Понимание пришло не сразу, но с ним — муторный, просто тошнотворный страх за брата. Пётр даже сразу не внял сути этого страха. Даже не сразу сообразил, что страх ИМЕННО за брата!

— Откройте, вашу мать, паразиты проклятые! — орал, стуча в дверь дома, где поселился Пашка.

— Кого принесло? — послышался голос.

— Быстро открой! Это я — брат вашего Волка.

— А ты потише тарабань, люди спят, — посоветовали ему. — Да и Волка здесь всё одно в данный момент не наблюдается...

Варшаков похолодел.

— К-куда он?.. Г-где он?..

— Да он уж часа два, как в яму спустился, — хохотнул голос. — Очередная экскурсия у него...

Глава 2

Там что-то готовят

Природное чутьё писателя Павла Варшакова подсказывало: отработанный разрез “Центральный” — идеальное место для тех, кто желает оставаться в тени, полностью скрыто от людских глаз, необитаемо на подступах и в глубине: “землетрясение” и мираж сделало его настоящим пугалом для горожан, а строительство стены довершило изоляцию.

Павел жил в Воргороде уже почти месяц. Домой жене сообщал, что задержка вызвана спецификой материала, что живёт у брата, ни в чём не нуждается — думает только о них, волнуется, хватит ли им его командировочных; готовит к печати книгу об энергетиках.

Но смутно подозревал: новый роман появится, но о выработке электроэнергии ли?

А не перевернут ли грядущие события вверх дном все его представления о мире?

И не сыграют ли с ним злую шутку?

Размышляя так, Павел вдруг подумал, что в данной ситуации не является ведущим, а скорее — ведомым. Нет элементарных знаний, нет навыков, не приходят на ум даже аналогии о подобных происшествиях в других частях света.

Он вспомнил своего старого друга, с которым вместе работали ещё в горкоме комсомола. Потом судьба их разбросала, но переписку вели, да и периодически сталкивались то на семинарах, то на совещаниях по линии Союза писателей.

Иван Головин был как раз тем человеком, который знал о необычном и фантастическом на земле почти всё. Более того, он моделировал и создавал подобное, потому что был писателем-фантастом с достаточно громким именем.

Жил тоже в России, в городе Яранске Вятской губернии, но сейчас находился в “дальнем” зарубежье. Судя по последнему письму, Иван собрался посетить десять самых страшных маршрутов мира. Маршруты эти пролегли в разных странах, и в какой из них нынче находился друг, предугадать было невозможно. Тем более сейчас — со времени приезда в Углеград он потерял с Головиным всякую связь.

“Эх, Иван! Самые страшные маршруты... Тебя бы сюда”.

Теперь он ясно осознавал всю необходимость присутствия друга, как человека, который способен разобраться во всём.



Но его не было. Тогда, повинуясь скорее писательской привычке “не потерять материалы”, чем рассчитывая на помощь Ивана, все свои дневниковые записи и наблюдения переслал на электронную почту друга, с необходимыми пояснениями.

... Оборудовал место для наблюдений непосредственно вблизи ямы на большой куче отвальной породы. Отсюда всё было видно, как на ладони.

Ночью, вооружившись полевым биноклем, наблюдал за разрезом, который с наступлением темноты становился похожим на лунный кратер.

Днём, в солнечную погоду, всё более изумляясь, наблюдал за “миражом”. Там кипела жизнь, там происходило движение, там жили... Но кто? И как?

Почти каждый день спускался вниз, но ничего интересного не примечал.

Собственно говоря, он понятия не имел, что ищет. Ну не следы же мифического города, появление которого явно имело прямую связь с игрой солнечных лучей: преломлением, фокусированием и ещё благодаря всё тем же — таким же непонятным словам.

Измотанный постоянным напряжением, изрядно разочарованный Павел думал уже сворачивать свой “пост”...

Но неделю назад впервые увидел ИХ!

Как-то в полночь, совершая очередной осмотр, он заметил фигуру у края ямы. Более двух метров высотой, казалась она склеенной из мелких кусков антрацита. Всего таких — по периметру — стояло шесть.

— Так, — прошептал почти радостно, — первые ласточки.

И скромно похвалил своё природное чутьё.

Разглядывая фигуры, пытался обнаружить в них хоть какие-то признаки жизни, но они больше походили на памятники.

Это впечатляло, но ничего ужасного не предвещало.

Ужасное началось через две ночи: из ямы стали выходить существа, похожие на людей — группами и в одиночку.

Они шли в город!

Через несколько часов возвращались, двигаясь обречённо, словно помимо воли.

Вглядываясь в лица, насколько позволяла оптика, да и ночи были светлыми, Павел всё больше холодел... У него почему-то создавалось впечатление, что кто-то позволил ему разглядеть лица; именно — позволил!..

Некоторые родственники погибших в катастрофу, с которыми он беседовал, показывали фотографии.

“Это мой папа, — вспомнился ему высокий жилистый мужчина по фамилии Дюсекинов, — за день до катастрофы, я тогда как раз фотоаппарат из школы принёс”, — и фотография, на которой молодцеватый горняк с наградными знаками.

“Точно помню фамилию”, отметил про себя.

И с грустью вспомнил друга детства Секирбая Дюсекинова, с которым не виделся около десяти лет.

“Однофамильцы или родственники”?

Зрительная память у писателя Павла Варшакова была, как у сыщика.

И сводило душу недобрым предчувствием, и чёрным гадом заползал в неё страх перед потусторонним миром.

Неужели он есть? Неужели он здесь?

Почему-то не верилось в то, что он может оказаться добрым...

Несомненно, это были те, кто исчез в катастрофу!

Так и просидел до рассвета, не в силах сомкнуть глаз.



Возникла мысль бросить всё, уехать домой и вести прежнюю жизнь всем удобного, уважаемого среднего писателя, которого всегда приглашают на праздники и сажают в президиумы. “Господи! Как я хочу к себе, — подумал Павел. — Хочу на берег Волги, на Монастырский остров... Как там хорошо”!

Вчера ночью не было ни фигур, ни существ, только дымок, лёгкий дымок курился из ямы. И Павлу стало ясно — это сигнал. Какой, для чего — придётся выяснить, а для этого необходимо спустаться вниз. И не хочется и страшно, но придётся.

Вначале хотел позвонить брату, но поостерёгся. Петька, в случае ложной тревоги, поднимет его на смех и вообще перестанет воспринимать всерьёз. Такой уж он человек — слишком бытовой.

Надаться Павлу в этом городке больше было не на кого. Он сел за стол, достал ноутбук, долго и дотошно описывал всё увиденное, потом отправил Головину.

Свою большую синюю тетрадь, на которой было старательно выведено “Угледградский синдром”, ещё раз перечитал, сделал последнюю запись.

Потом включил видеокамеру и стал записывать письма: брату Петру и другу Ивану.

... До нулевой отметки, то есть до самого дна “Центра” — около ста метров, это десять уступов, гигантских ступенек, по которым когда-то пролегли подземные пути железнодорожного транспорта.

Обычно у Павла на спуск уходило почти двадцать минут, на подъём — сорок. Но тогда он шёл легко и свободно, ничего не боясь. Вернее, не зная, чего бояться.

Он и теперь толком не знает.

Дорогу Варшаков пересёк быстро, несмотря на жуткую, густую какую-то темень.

Двигаясь вслепую, наработанным шагом, он теперь сожалел, что взял с собой видеокамеру, которая оказалась бесполезной вещью...

Но потом решил включить: пусть снимает всё подряд, авось найдётся, из чего выбирать.

... Здесь небольшая насыпь. Есть. Дальше — выбоина, фидер стоял — питал электричеством экскаваторы. Шаг, ещё шаг... Стоп!

Неразличимая преграда не давала идти дальше.

Ощупал руками. Стена.

Вздохнул безнадежно: пришёл.

Вот здесь бы ему и повернуть назад.

А потом уйти подальше, уехать и забыть навсегда Угледград, как дурной сон.

“Не получилось, Паша, уходи. Ты ведь теперь живёшь далеко отсюда, что тебе до этого казахстанского городка? В Нижнем сходишь с семьёй на Монастырский, будете жарить шашлыки, удить рыбу, хорошо проведёте время. Ты ж мечтал об этом!”.

Но Павел Варшаков точно знал, что если даже не попытается вникнуть в эту тайну, то никогда не сможет спокойно отдыхать...

Через некоторое время из разреза вдруг стали исходить световые волны, и Павел увидел, что никакой стены, в материальном смысле, нет.

Ясно обозначился, до мелких камешков, знакомый путь вниз: ржавые перила, прогнившие ступеньки. Это звучало как приглашение: “стена” исчезла, зависла мёртвая тишина. Он стал спускаться.



Ниже было светлее.

На третьем уступе Павел уже всё видел ясно, но... Силовое поле, которое теперь переместилось сюда, надёжно запечатало спуск к нулевой отметке.

Там явно что-то происходило, что-то шевелилось, дышало и просвечивало до самых костей.

Варшакову стало ясно: уйти ему не дадут.

И словно в подтверждение серьёзности этой мысли над ним что-то зависло.

Сразу зажглось целое море огня: вулкан развёрзся под ногами.

Он зажмурился, соображая, что сейчас сгорит. Ждать стало нечего...

“Заразы! — внутренне дрожа от негодования и бессилья, подумал Павел. — Сволочь инопланетная! Как хозяйева расположились здесь. Напугать вам меня не удастся!”

Затолкал видеокамеру между двух больших глыб породы, направив объектив прямо, и оставил включённой.

Какие-то секунды постоял, прижимаясь спиной к породе. Потом прыгнул в этот нестерпимый свет.

Глава 3

Год прошёл

... Пётр по-хозяйски оглядел бывший разрез “Центральный”, вспоминая, сколько раз он колесил по путям, вывозя уголь на поверхность. Когда-то здесь кипела нешуточная жизнь. И люди жили рядом, и дома были освещёнными. Можно сказать, что весь город, потом названный Угольным, начинался именно отсюда. А теперь...

Развалюхи — и в них “бичи”. Дальше-то что? Не дай Бог..

Всегда, во все времена многое приходит слишком поздно: чуткие слова, раскаяние, понимание и сочувствие.

Сегодня ровно год...

Оказывается, литература понесла какую-то там утрату.

Некрологи печатались в российских газетах, утрату отметили польские, чешские, венгерские издания. Вот оказывается, где его знали! Кто бы мог подумать? Ведь шло всё как надо, не лез бы, куда ты сунулся?

Вспоминая прошедшее, Пётр почти испытывал угрызения совести, но сказать о них никому бы не решился.

Отношения братьев оставались холодными. Один изрядно издевался над писательскими попытками другого, ехидно советовал бросить “литру” и заняться стоящим делом.

Иронизировал над выражениями: “Да, сюжет, фабула, завязка... Завязывай своё кромешное разгильдяйство”.

— Пошёл ты! — огрызался Павел. — Без тебя тошно.

А ведь тогда ему более всего требовалась и финансовая и моральная поддержка. Но, не найдя её у родного брата, он уехал к другу в Россию.

Сейчас Петру вспоминалось, при каких обстоятельствах уезжал “младший”.

Жил тогда у него на квартире, кстати, оставленной им — двоим — покойными родителями; жена Наталья, само собой, была крайне недовольна, но Пётр терпел — брат всё-таки.

Но однажды на начальство сочло нужным поставить его на пару месяцев работать только в ночную смену: понадобился опытный машинист, оплата — вдвое. Обстановка была такая, что пока он — днём — спит после работы, нельзя смотреть телевизор, звонить по телефону, громко разговаривать...



Положенные пару месяцев прошли, но Пётр по-прежнему ходил только “в ночь”. И как-то Павел, по душевной своей простоте спросил, а почему бы не вернуться на посменную или дневную работу? Ведь всем бы сразу стало легче: ему, детям...

Петька ответил! Уж он постарался.

Суммируя весь ответ, получится следующее: не нравится — пошёл вон отсюда и подальше.

В общем, Пашка уехал...

Поселился в Нижнем Новгороде, женился. Там у него и первая книга вышла, там и пошли дела. Это только потом Астана заинтересовалась, вспомнив, что писатель Павел Варшаков — природный казахстанец.

Он стал приезжать в Углеград уже в качестве писателя, и Петру первое время льстили их родственные отношения. Но когда сам начальник смены Миша Котельников назвал книги Варшакова-младшего “мутью и фуфлом”, стал стесняться, отнекиваться, говорить, что “Пашка всегда был бездельником и придурком”...

Сегодня он пришёл сюда не для того, чтобы просить прощения у брата, а просто ещё раз побывать на этом месте, отдавая дань памяти “пропащему и непутёвому”, но — родственнику. Ведь тело так и не было найдено.

Опять вспоминалась та ночь прошлого года.

... Он всё-таки пошёл к яме, хотя и не хотел ввязываться в происходящее и неизбежное, как ему казалось. Немного постоял у края, покричал. Никто не отзывался. Убедившись таким образом в тщетности поисков, отправился в полицию и рассказал, что его брата-писателя угробили “бичи”.

Ему предложили написать заявление, он написал.

Нескольких “бичей” сразу “повязали”.

Они кричали, мол, невиновны, “Волка уважали и не делали ему никаких падл, а он сам всё на разрез бегал и чего-то там выискивал”.

Пётр издевательски смеялся вместе с полицейскими, но про то, что ему “привиделось”, не сказал ничего.

Чувствовал на себе уничтожающие взгляды “бичей”, но не придавал значения — он презирал “отбросы нормального общества” и не скрывал этого.

Пашку теперь тоже презирал.

“Наверняка испарился куда-то, создавая легенду о себе. Успел подготовиться, да так всё правдоподобно, — думал он. — Ничего, всё равно объявишься”.

“Бичей” допрашивали “с пристрастием”, но они так и не сознались.

Слышал потом, что никого за это дело не осудили и, мол, кроме заявления и догадок потерпевшего нет никаких оснований...

Брат нигде не объявился. Нельзя сказать, что Петра этот факт встревожил: бывало не виделось и побольше, и не больно скучали друг за другом.

Тревожиться стал после тяжёлого, странного и непонятного сна.

Всё там было вроде наяву, но как-то иначе.

Он помнит. Впервые это случилось через месяц после исчезновения Пашки.

Стало душно, он зашатался и рухнул на пол.

Перед глазами засверкали жёлтые круги, которые, расходясь и убыстряясь как на детском волчке, превращались в красные, синие, зелёные...

Сознание отключилось.

Он оказался в ином измерении, непонятном и страшном.

Его водили по мёртвой земле.

Сернистый воздух.

Очень темно. Страшно мрачно. До ужаса затхло.

Живые косматые тучи разбухали и из их чрева по косым лучам вниз сходили чёрные мутанты.

Проснувшись, долго не мог прийти в себя, дышал тяжело.

Через месяц приехала жена брата — Татьяна, с двумя малыми детьми.

Плакала, уговаривала рассказать, где Пашка.

А где он? Я откуда знаю? И вообще, какого чёрта ты явилась ко мне? Да не жил он у меня, ни одного дня! Я за него не отвечаю! Иди у “бичей” поганых поспрашивай, может быть, они чего расскажут.

К “бичам” не пошла, ходила в полицию, писала какие-то бумаги и всё время плакала, дети тоже шмыгали носами, не видя “папу”.

Стражи порядка ей пояснили, что в настоящее время “местонахождение временно зарегистрировавшегося на территории страны Варшакова Павла Павловича остаётся неустановленным”. И посоветовали ехать подать заявление по месту жительства, то есть в России.

Перед отъездом Таня приходила в его квартиру. Постояла, помолчала несколько секунд, а потом сказала: “Будьте вы прокляты, вместе со своим угольным городом! Я уверена, тебе всё это вернётся — сторицей!” — добавила ещё какие-то недобрые слова на непонятном ему языке и ушла.

Это так — пустяк. Но более всего его удивила собственная жена — Наталья. Всегда податливая, молчаливая, никогда не возражающая, она, ни слова не говоря, собрала детей и уехала в Боровое к родителям.

— Сдурела? — кричал Пётр. — Из-за кого? Я виноват?

— Ты никогда и ни в чём не виноват, — тихо ответила она.

— Я вкальваю, как проклятый, чтобы семью содержать, чтобы вам было сытней и лучше! Этого мало?

— Нет, хватает, — отвечала Наташа. — Но когда-нибудь ты и нас... вот так же... Ты — не человек, — горько добавила уже у порога.

Было. А теперь он стоит здесь и чувствует себя последним идиотом. Припёрся!

Да пошёл ты, братец, вместе со своими “тарелками”, “бичами”, женой и детьми. Моя семья, даст Бог, будет в полном порядке. Дурь пройдёт и всё станет на места. А у тебя...

Да, он гордится своей зарплатой, своим “положением”! Что в этом плохого? К его словам иногда даже сам начальник участка прислушивается. А брат... К сожалению, его брат — бродяга, бездельник и вечный безденежник.

“Хорошо что родители вовремя ушли, им теперь было бы горе!” — внезапно подумал Пётр, и сердце непривычно защемило.

Но он вовремя пресек в себе эту жалость, повернулся и уже собирался уйти...

— Ну здравствуй, Паша, — прозвучало тихо, совсем рядом.

— Я не Паша, — ответил сердито.

— Я знаю, и обращаюсь не к тебе. Я хорошо знаю, кто ты...

Подошедший поклонился в сторону разреза и опять произнёс:

— Приветствую тебя, брат.

Высокого роста мужчина с седой шевелюрой густых волос кого-то ему смутно напоминал. Ещё это характерное “оканье”, которое здесь встречается редко.

“Чёрт возьми! Это же какой-то Пашкин друг! — вспомнилось Петру. — Я видел его на фотках. Они же ещё в горькоме вместе работали!”

— Какой он тебе брат? — спросил незнакомца.

— А тебе? — почти весело переспросил Иван Гюловин. — Тебе он какой брат? Ты доказал, скорее, обратное. Вообще, знаешь, мне всегда было интересно, как чувствует себя человек после совершения... Как бы это сказать помягче?



Не совсем нравственного поступка, тем более по отношению к ближайшему родственнику. Единственному на всём белом свете.

— Какого ещё хрена? — прорычал Пётр.

— Не надо, любезный, — остановил его Головин одним взмахом руки. — Мне же Таня звонила, а Паша писал... Я в курсе всего, потому и здесь.

— И что же он тебе писал?

— Ничего такого, что бросало бы тень на его старшего брата! Вот его супруга, она мне рассказала всё. Она сюда приехала, растратив все их с Пашкой небольшие сбережения, а потом не знала, как отсюда выехать. Жила на вокзале, пока добивалась хоть каких-то сведений о муже. Тебе это известно? А ты её вышвырнул! Да ты после этого просто пошлый и жалкий негодяй.

— Слышь, мужик, — сказал Пётр решительно, — здесь тебе — не там. Ты откуда приехал?

— Прекрасный город Яранск, Россия. Слышал о такой стране?

— Вот и поедешь обратно сегодня же, если будешь говорить так же.

— Слышь, мужик, — отвечал Головин в соответствующем тоне. — Я объездил весь мир и бывал в разных ситуациях, иногда достаточно сложных. И ухарей видал таких, что у тебя, местного водителя электровозов, горнячка — волосы дыбом встанут и больше никогда не лягут на место. Так что оставь свой гнилой базар и быстро отвечай: где бумаги Павла?

— Да пошёл ты, — устало ответил Пётр. — Вон бичёвня, пойди, поспрошай у дружков своего “братца”.

— Он писал, что оставил все бумаги тебе.

— Ничего он не оставляя! Может, не успел... У меня ничего нет. А жил он — вон там. Туда и иди.

— Всё, свободен, — жёстко сказал Иван.

На том и расстались.

Глава 4

Сон или информация?

“Бичи” его приход восприняли спокойно, будто ожидали.

Он сказал, что брат Пашки Варшакова, приехал издалека, разобраться, что к чему.

“Бичи” посомневались, но всё-таки поверили, выразившись вслух, если мол, ты такой же брат, как тот, то согласия не будет.

Иван ответил, что — настоящий брат, и согласие обязательно состоится.

Тогда ему отдали ключ от комнаты и зареклись “свободой”, что никто туда даже не заходил. “Всё как при Волке: книжки его, бумаги, ящичек пластмассовый, вещички... Иди, смотри”.

— Кто такой, — спрашивали друг друга шёпотом. — По замашкам, вроде не наш.

— Сильно крутой парень, сразу видно.

— А нам-то какая разница?

— Мы Волка уважали?

— Уважали.

— Этот вроде мужик ничё, даже чем-то с Волком схож. Тоже общительный, и на нас, как на отребье, не смотрит.

— Волк был правильный, хоть и писатель, вы, мужики, это знаете. И этот братка его, я зуб даю, тоже приличный пацан.

— Жалко, что сказать ему мы ничего не можем — не знаем.



— Мужики, — хрипло заговорил до сих пор молчавший дядя Вася, “бич” с многолетним стажем, — я точно знаю, что Волк в яме загнулся.

— Мы ж ничего там не нашли, — возразили ему. — Да и откуда ты знаешь?

— Я видел, как он уходил. Он поговорил со мной маленько. Я, говорит, дядя Вась, может, и загнусь там...

— Во, лосяра! Чё ж год молчал?

— А нельзя было говорить.

— А сейчас можно?

— Можно, нам всё одно сдыхать время пришло.

— Дурь ты старая!

— Да тихо вы! Базарьте по одному. Дайте Ваське сказать.

— Вы-то дрыхли, — продолжил дядя Вася, — а я ещё чайку хапанул и, чую, кимарить начал, будто не чефиру, а “колёс” наглотался. Помню, ключ от комнаты, который Волк оставил, я на застёжку повесил... Сильно я кимарил, мужики, это при моей-то хронической бессоннице! Ага. Глянул в сторону ямы, а в ней вроде как засветлело. Быстро так засветлело, значит, и вижу я, как Волк прямо в этот свет идёт. Идёт, идёт, потом ка-ак прыгнет! А через какие-то мгновения и взлетела штука эта.

Все опасливо покосились в окно.

— Диаметром была метров двадцать пять — не меньше, а вверх фыркнула, как Фома сбрил — р-раз и нету. Так что, говорю вам, Волка или в “тарелку” посадили, или спалили заживо, то-то мы ничего не нашли.

Дядя Вася потянул чайку из железной кружки и досказал притихшим “бичам”.

— Жутко мне теперь, мужики, даже глядеть в ту сторону. Но, прикидываю, интересная штука началась: спать я стал нормально. А засыпаю и каждый раз вижу себя молодым и сильным, жена у меня опять, дети... Идём мы себе по лесу, гуляем, смеёмся, и всё опять хорошо в жизни. Вот такая хреновина.

— А с чего ты взял, что нам всем сдыхать время пришло?

— Виделось мне, — ответил дядя Вася. — И до сих пор видится. Ты думаешь, из чего сны такие хорошие снятся? Перед концом...

Он посмотрел на своих товарищей и с надеждой спросил:

— Может, у меня всё-таки “крыша” поехала?

— Нет, не поехала, — сказал Иван, никто не заметил его появления. — Мне Паша писал, он предполагал, что должно было оттуда вылезти. И это, поверьте мне, ещё не самое страшное. Только доказать пока ничего невозможно.

— Время докажет, — коротко хохотнул дядя Вася.

— Точно, — ответил Иван. — Мужики, я здесь поживу. Не возражаете?

— Живи, не жалко. Только прописаться надо.

— Прописаться? — удивился Головин. — Это как?

— Да чуть позже сходим к нашему “бугру”, поговоришь с ним. Скажешь, что Пашкин братуха и — всё. Он Волка сильно уважал, — ответил дядя Вася. — Только брата его Петьку не уважает.

— Петька зол на весь мир, потому такой сложный, — ответил Иван. — Вы его строго не судите. “Бугра”-то вашего как зовут?

— Имени не знаем, а кликуха его — Вожак. Здесь у всех кликухи.

— И у меня будет? — спросил Иван.

— А как же? Уже есть.

— И какая?

— Седой.

— Так меня уже называли, — сказал Головин задумчиво. — Давно это было. Ещё на Балканах...



Он судорожно плотнул воздух, слёзы накатили на глаза.

— Вот деньги, сходите, купите выпить и закусь чего-нибудь. Выпьем за Пашку, Волка вашего, ровно год сегодня.

— А мы помним, — тихо ответили ему. — Уже с утра поминали.

— А почему вы его “Волком” называли?

— Уважали, — ответили “бичи”. — Он нас не презирал, о жизни беседовал, угощал...

Перед закатом солнца Иван вышел из домика, в котором жил Вожак. “Прописка” прошла нормально. Расспросили о Паше, зачем приехал и что собирается делать? Ответил, что не всё ясно о пропавшем друге и желает разобраться.

— Если проблемы, — хрипло сказал Вожак, — сразу ко мне, или через Ваську. Мы Волка помним и давно бы отыскивали виновных, но не знаем даже маленькой зацепки по этому делу. А зацепить кого попало — это беспредел, а мы — не менты. Мужики говорят одно, власти трещат другое. В общем, ничего непонятно. Чего узнаешь — говори.

Головин прошёл к “Центру”.

Внизу чернели уступы, осиянные поблёкшим солнцем, переливались соцветиями куски антрацита.

Что за гайна хранится в тебе?

Он вспомнил первые ощущения, которые испытал, узнав о “пропаже” друга. Тогда была уверенность, что найдётся, что всё это — нелепость какая-то. Но когда в газетах замелькали некрологи, а Интернет запестрел сообщениями — одно фантастичней другого, Иван решил: дело на серьёзном обороте. Он отметил — седьмой по счёту, среди десяти самых страшных маршрутов мира, — в австрийскую коммуну Гальштат, расположенную в труднодоступной альпийской местности, и вернулся домой.

В электронной почте среди прочего потока сообщений обнаружил то, что присылал Павел.

И вот он здесь. И умиротворение поселилось в его душе, перед лицом этого красного заката и мысли обрели стройную ясность. И умиротворённость эта подействовала настолько, что, прислоняясь к глыбе породы, Иван задремал.

Ему привиделась та ночь! И смотрел он на неё глазами Павла.

И видел всё, начиная с установки видеокамеры!

Прыжок в спящий свет. Но удара не было. Упал на что-то эластичное, и его сразу подхватили большие руки, похожие на манипуляторы.

“Они добрые, Ваня, гораздо лучше нас. И прилетали сюда в качестве нашего арбитра”.

Ослепительно белая комната. Измождённое лицо — лишь на одно мгновение.

“Им незачем меня убивать”.

Иван встрепенулся, тяжело дыша.

“Что это, сон или информация?”.

— Ответь мне, проклятая яма!

Но разрез молчал.

“Господи, что это? — спросил себя. — Видеокамера? Надо проверить”.

Судя по всему, Пашка спустился почти до самого дна, значит, смотреть будем со второго по четвёртый уступ...

Но долго искать не пришлось, они были приметными — эти глыбы, и стояли как два брата-близнеца, прислонившись друг к другу.

Иван подошёл, отдышался и стал осматривать. В середине зияла небольшая ниша, образованная, скорее всего, зубом ковша экскаватора.

Видеокамера “Панасоник” — тоже чёрного цвета, и увидеть её сразу, если не вглядываться, было невозможно. Батарея, конечно, разряжена, но камера цела. Надёжным прикрытием от дождя и снега ей служил небольшой навес, образованный соединением глыб.

Он устало присел рядом, отмечая про себя, что даже не удивился — был просто уверен...

“Это не сон, это — информация. Значит, Пашка жив? Но где жив?”

Глава 5

Выстрел с дальним прицелом

Разбирая вещи Павла, Иван нашёл круглую прозрачную упаковку, внутри которой находились диски.

“Послания” — было на ней написано.

Поискал глазами ноутбук, тот стоял на прикроватной тумбочке, слегка прикрытый газетами. Вытащил. Стряхнул пыль. Тщательно протёр. Включил.

Пашка был слегка взъерошен и нервно манипулировал ручкой.

“Первое обращено Петьке, — начал сразу и без тени улыбки. — Теперь, вероятней всего, в нашей небольшой земной жизни — по соседству друг с другом — можно поставить точку. Горько, горько, брат, осознавать, что мы, являясь родными по рождению, так и не смогли стать по-настоящему родными людьми. А я ведь любил тебя, так как только можно любить отца или маму, которых мы с тобой рано лишились. Но ты мне их не заменил, ты только тыкал меня моими недостатками: иногда справедливо, но чаще всего, чтобы убедиться, что ты гораздо лучше, выше, честнее. Но потом я понял, что за всеми этими твоими издёвками стояла зависть. Ведь, несмотря на всю мою неустроенность, частое безденежье, ты мне завидовал всегда и — мучительно. Я даже успел зауважать эту зависть за её почти маниакальное постоянство... Конечно. Есть чему позавидовать: жена у меня — золотое сердце, дети мои — радость моя. И живу я теперь в прекрасной, поистине сказочной стране. Ты прав, Петя, я счастлив... Завидууй мне. Однако есть просьба, последняя просьба, а её всегда выполняли даже злейшие враги по отношению к осуждённому на казнь... Учтывая, что мы с тобой не враги, всё-таки выполни... Скоро приедет мой старый друг Иван, поговори с ним. Ему будет нужна твоя помощь. На это я серьёзно уповаю. Прощай”.

Иван поставил другой диск.

“Ваня! Ты слушаешь это письмо? Значит, я теперь далеко, или в одном смысле, или в другом. Что-то сегодня должно произойти, и я решил спускаться вниз. Не знаю, что оттуда может вылезти: во вред или во благо. Пойду — посмотрю. Сразу попрошу: позаботься о Тане с детьми, в материальном смысле, ведь ей, как и мне, полагаться не на кого...”.

“Уже сделано, Паша, не волнуйся”, — подумал Головин.

“У неё тоже никого нет. Теперь о деле. Хорошенько перечитай записи “Углеградский синдром”, хоть в тетради, которую я вёл по старой привычке, хоть в электронном варианте, он здесь на ноутбуке. Ни в чём я не успел разобраться, предельно ясно одно: инопланетный (а я в этом более не сомневаюсь) корабль — не случайность. И внимание к этому небольшому городку вполне обоснованно. Почему? Жуткая атмосфера, которая всех медленно, но верно убивает. Мы сами себя гробим, объясняя это пресловутым техническим прогрессом. Правда, не



представляю я пока, что Они могут предпринять для спасения людей. Но я начал влезать в какую-то тайну, поэтому меня и убрали. Разберись. Но начало всему — катастрофа у “Центрального”, именно отсюда растут ноги. Никакое это не землетрясение, а запланированная катастрофа, я так её и обозначил. Обязательно сходи, побеседуй ещё раз с родственниками тех, кто исчез. Я говорил со многими из них, но ничего толком не узнал. Что-то странное произошло с ними, о чём-то они старательно умалчивают. Вот здесь более всего и понадобится твой экстрасенсорный дар и способность влезать в шкуру любого человека. А какая книга у тебя, братка, получится! Если, конечно, останешься жив. Вот вроде бы и всё. Бегу. Прощай”.

За окном темень. Ни ветерка.

Вот он — “Центр”, рукой подать; только ничего-то там нынче не наблюдается. Провалился бы ты!.. А куда? Рыли, рыли, черпали уголёк и прорыли ход — Куда-то. Куда?.. Или вскрыли такое, что вскрывать нельзя. Что могли вскрыть? Кого потревожили? А этот Кто-то, видите ли, крайне недоволен остался, и наслал на город какую-то чумку...

Теперь надо просмотреть диск с видеокмеры, на нём может быть запечатлён взлёт корабля.

... Вначале темнота, только частое дыхание Павла, вперемешку с торопливыми матерками. Затем стало медленно светлеть, как перед восходом солнца, только гораздо быстрее. Совсем светло. Паша устанавливает камеру, мелькает его лицо. Он отталкивается и прыгает..

Ага, вот он — Объект. Поднимается медленно, можно хорошенько рассмотреть...

Иван нажал на “стоп-кадр”. Немного отдалил изображение и пригляделся. Подобный “аппарат” ему показывали совсем недавно, при посещении промышленного района Рур в Германии. Это была та же самая “тарелка”. По крайней мере, очень похожая: округлые иллюминаторы, верх серебряный, середина ослепительно-голубого цвета, низ красный, корпус вращается против часовой стрелки.

Приоткрыв дверь, позвал дядю Васю. Тот подошёл мгновенно, но зайти не решился.

— Кликни Витька, Молдована, Лёлика и — заходите.

— Седой, ты знаешь, мы сюда — ни ногой.

— Знаю, дядь Вася, и очень вам благодарен. Но есть дело.

Он наклонился к уху старого “бича”.

— Дело тайное, по наводке самого Волка.

Вскоре они сидели за одним столом: лидеры “сообщества” “бичей” Углеграда и интеллектуал, писатель, исследователь.

— Мужики! Говорить вам всякие слова я не буду, агитировать — тоже. Я покажу одну картинку, снятую камерой Паши. Я её нашёл. Помните эту камеру?

— Точно, Волка балалайка, — сказал Лёлик, двухметровый гигант с тихим голосом. — Он мне как-то давал её подержать.

— Теперь смотрите.

На дисплее ноутбука появился Объект.

— Точно она, — подтвердил дядя Вася. — Её я видел той ночью. Точно, её! Остальные глядели молча, как по команде приоткрыв рты.

— Да, это та самая “тарелка”, в которой увезли Пащу, — задумчиво сказал Головин и горестно добавил: — Или спалили заживо.

— Ну, — кашлянул Молдован, чернявый мужик с широченными плечами, — это ещё неизвестно.



— Я же сказал “или”, — добавил Иван. — И дело у меня к вам будет такое. Надо перед наступлением ночи расставлять людей дежурить — по периметру разреза, не у самого края, а чуть поодаль.

— Седой, ты думаешь, оттуда может ещё что-то появиться? — осторожно спросил Витёк.

— Думаю, да, — ответил Головин. — Мы должны знать всё заранее, чтобы...

— Готовить “ответку”, — подсказал Лёлик.

— Точно! При малейшем изменении цвета внутри ямы или появлении каких-то всполохов, или... В общем, при любых изменениях — бежать со всех ног ко мне и докладывать.

Лидеры опустили глаза.

— Я понимаю, что вам страшновато. Мне и самому не по себе, но там готовится какая-то гадость вашему славному городу. Ребята, мне без вас не справиться. Подмогнёте?

И добавил:

— Лично мне и не задаром.

— Подмогнём, — ответил за всех дядя Вася. — И просто так, за уважение.

Потом обвёл взглядом друзей и тихо добавил: — А слабонервных никто за ноги не держит... И трусливых нам здесь не надо. Верно, хлопцы?

Проводив “бичей”, Иван стал думать, припоминая известное.

Предстартовая подготовка проводилась по схеме. Все эти существа, фигуры, дым не могут быть случайными. Объект был здесь? Был. Теперь он точно знает и даже располагает прямым доказательством. Он был у кого-то. У кого?

История. Несколько лет тому назад? Сколько? Пять-десять? Неважно. Да. Катастрофа. Запланированная. Теперь так и станем её величать. Она — выстрел с дальним прицелом? Ведь именно тогда не баловавшие Углеград своим вниманием НЛЮ впервые здесь замелькали. Тому есть свидетельства. И больше всего их наблюдали над разрезами и электростанциями.

Его будто током ударило. “Господи! Подобную — внезапную активность НЛЮ отмечали в Германии, Франции, странах Южной Америки, Африки. И проявлялась она в небольших поселениях, экология в которых была на грани нервного срыва. В то же самое время.

Ровно семь лет назад там происходили некие странные инциденты и обязательно с человеческими жертвами, бескровными жертвами. Здесь... Семь лет назад ушёл под землю целый ряд домов. Что это означает? Масштабная акция всемирного значения? Какая? Акция...очистения? Уничтожения? Или одно вместе с другим? Сколько у нас времени для “ответки”?

Что было перед стартом? Существа. Они шли в город. Зачем они шли? Ничего сверхъестественного на те дни, как ясно из сводок полиции, не приходилось — обычные грабежи, рядовые потасовки. Словом, никакой мистики. Но шли в город! Пашка прав, они могли быть только у ближайших родственников.

Кто у нас ближе всех живёт? Валя Старостина. Художница, известна во многих странах. Умна, проницательна, изворотлива, обаятельна...

Глава 6

Неприятные инциденты

В один из дней того памятного года в самом сердце городской администрации — кабинете мэра Елюбая Оразбаева — случился неприятный инцидент.

Вошёл человек в костюме строгого покроя, с очень неприятным лицом серого цвета и, не останавливаясь, проследовал прямо в кабинет главы Углеграда.



Секретарша Райхан даже взвизгнуть не успела, как дверь за ним бесшумно затворилась.

У мэра шло совещание, присутствовали все руководители основных служб.

— Я пришёл сюда, чтобы всем вам, — сказал прямо с порога незнакомец, — объявить ультиматум.

Он дружески оглядел сидевших и улыбнулся.

— Вот и славненько! Директора разрезов и ГРЭС тоже присутствуют.

— Это кто такой врывается? — гневно спросил мэр. — Как он прошёл?

— Вы немедленно, — невозмутимо продолжал пришелец, — подчёркиваю, незамедлительно прекращаете добычу угля и выработку вашей смешной, где-то даже очень смешной, электроэнергии. Две этих сферы вашего примитивного производства губят всё живое на много километров вокруг и на много лет вперёд. Очистных сооружений — никаких...

Пока звучала его грозная речь, мэр вызывал охрану. Она примчалась незамедлительно, но дверь оказалась запертой, а ломать — команды не поступало.

— Куда девались деньги на очистные сооружения? Это я вас спрашиваю, много раз уважаемый Семён Васильевич? — обратился он к директору ГРЭС-1. — Ведь ваша корпорация “Энергия плюс” выделила немалые средства. Кстати, господа, обращаю ваше внимание, что “Энергия плюс” — компания не южноамериканская, а самая обычная — московская и принадлежит достаточно крупному преступному сообществу. Да вы всё, наверное, и так прекрасно знаете. Тем лучше, Семён Васильевич, с вас и спросят поостроже. Ведь денег нет, они ушли на другие — ваши личные — нужды. Уголь и вовсе, мистер Престон, как вы хорошо знаете, не годен к употреблению, а его массовая добыча нарушает природную тектонику, что может вызвать глобальную катастрофу не только в вашем мире...

Отцы города пристыли к своим креслам.

Руководитель акционерного общества открыл рот.

— Если вы не прекратите варварство по отношению к природе, его прекратим мы, но уже своими способами, — сказал незнакомец металлическим голосом. — И тогда всем непоздорвится. Я даже уполномочен сказать, какие меры мы предпримем... Ваше производство мы остановим в любом случае. Но, если вы будете продолжать упорствовать, тогда сделаем всё для полной очистки города.

— Что значит “полной”? — спросил мэр, единственный сохранивший способность мыслить.

— Эвакуация и уничтожение, — ледяным голосом произнёс незнакомец. — О, Всемогущий! Вы решили, что можете делать всё, что заблагорассудится вашему больному, агрессивному уму. Причём агрессивному во всём. Неужели вы и в самом деле решили, что являетесь единственными обитателями этой чудной планеты? Да кто бы вам, варварам, отдал её просто так? У вас даже элементарные средства передвижения наносят вред окружающей среде. А у нас даже звездолёты — экологически безопасны...

И обратился к мэру:

— Уважаемый, вместо того чтобы пытаться собрать здесь всех полицейских города, звоните в столицу и донесите до вашего правительства всё сказанное мной. Почему оно никак не контролирует арендаторов? Они же в вашей земле копаются, хоть и вносят в бюджет многомиллионные платежи. Подумайте о своих потомках! Ваши арендаторы на своей родине так не поступают, а здесь они ведут себя как в завоёванной стране... Ведь совесть, элементарная человеческая совесть должна быть даже у очень богатых людей. Иначе, это не люди и поступать с ними необходимо соответственно их статусу. И учтите, это —



серьёзное предупреждение. Причём последнее. Первый раз мы вас предупреждали семь лет назад, обвалив дома у самого “Центрального” и забрав ваших людей к себе. Они у нас, им хорошо! Только сюда идут с неохотой, потому что сразу начинают стареть и задыхаться. Год назад мы выпустили их в город, чтобы информация о возможных последствиях разошлась по населению. Чтобы оно знало, с кем живёт и работает. Ведь страдать и умирать в первую очередь будут они — ни в чём не повинные люди. А не вы! Им отвечать за вашу жадность и элементарное стяжательство. Скажу больше, наша цивилизация тоже земная, и мы давно бы покончили со всеми вашими безобразиями, но нам не разрешает Космическое Сообщество, членами которого, в отличие от вас, мы являемся. Однако и вредить себе более не позволим, потому что ваше глупое барахтанье в земле ставит под угрозу и нашу безопасность. Мы уже направили ноту в ваше правительство, но на эффект не надеемся, сотрудничать с нами они не будут, ибо мы для них — миф. Да, мы не одна из стран вашего земного содружества врагов, но живём на земле гораздо дольше вас. Природа, конечно, дело всеобщее, но только не моё... Так у вас говорят, если я не ошибаюсь. — Он бросил на стол небольшой диск и сказал: — Вот вам письменное предупреждение, а также руководство, чем и как заменить недоработанные объёмы, пока будете очищать производство. Здесь даже есть схемы, как быстрее и проще... Мы предельно адаптировали схемы, потому что нам знаком уровень ваших экспертов...

Дверь распахнулась сама, и он вышел.

Начальник смены охраны мэрии старший лейтенант Баха Мукатаев — важный человек — потом признался:

— Хотел его задержать, но не мог двинуться с места. Мы все будто пристыгли. А когда смогли опять двигаться, никого не было. Гардеробщица тётя Вера сказала, что из здания никто не выходил.

— ...и-и... как прикажете понимать? — спросил мэр подчинённых.

Все стыдливо молчали.

— Саке, — велел начальнику полиции, — чтобы этого инопланетянина немедленно нашли и посадили куда следует.

Полковник Карабаев встал и вышел — отдавать распоряжения.

— Звонить, — задумчиво продолжил мэр. — Премьеру? Главе области?!

Он внимательно посмотрел на генерального директора “Батыр-Восток-Север-транзит”.

— Вы что скажете, уважаемый мистер Престон? Будете информировать своё руководство?

— О-о, — улыбнулся тот в ответ. — Если я буду его беспокоить по каждому такому поводу, то буду... Как это по-русски? Изолирован от всех.

И тут же переспросил:

— А что, господин мэр, на заседание высших руководителей города каждый может вот так зайти и выставлять... ультиматумы?

— Да подите вы! — отмахнулся мэр. — Правда в другом. Если я стану серьёзно даже заикаться о приостановке работ, то вмиг окажусь в областном дурдоме, что на Усолке. Говоря по-вашему, изолирован от всех.

Обвёл собрание грозным взглядом и сказал:

— Обо всём, что здесь было — молчать даже при родных бабах. И не родных тоже. Нйти! Нйти! Немедленно! Всем искать...

Потом внимательно посмотрел на директора ГРЭС и зловеще произнёс:

— Как же вы нас подставляете, лобезнейший Семён Васильевич!.. Но в этом ещё будем разбираться... Пока с вами не разобрались свои же.



Глава 7

Первая демонстрация

... Всё продолжалось как прежде.

И послужило началом печальных событий.

И они уже не прекращались.

Первой в их странной цепочке находится Демонстрация космического корабля неизвестной цивилизации. Трудно понять, что она собой означала. Но она состоялась. Одни сочли это добрым знаком: “Во всём цивилизованном мире летают, вот и нас посетили”...

Неверящие в НЛО — мгновенно обратились.

Первая реакция была благоприятной.

Хотя начало — шокировало.

Поздним вечером электропоезд вёз рабочую смену с трёх угольных разрезов: “Север”, “Восток”, “Батыр”, опоясывающих город со всех сторон своими уродливыми ямами.

Фактически Углеград был в кольце этих безобразных творений рук человеческих; их не было только на северо-востоке, где день и ночь усердно дымили циклопические трубы “первой” и “второй” электростанций.

Горняки в вагонах играли в карты, читали, дремали, — часа дороги на всё хватает.

В степи тихо, звёздно, чисто.

Но, наблюдай кто-нибудь в эти минуты за небосводом, заметил бы, что крохотное пятнышко, казавшееся далёкой звездой, стремительно приближается к земле, увеличиваясь в размерах.

Мгновенно стало светло. Люди прильнули к окнам и увидели: поезд сопровождает “летающая тарелка” — громадная, чужая, недоступная.

Сорвали стоп-кран, поддавшись панике. Двери электрички раскрылись и самые смелые повыпрыгивали — наблюдать неведомое.

Инопланетный корабль в нашем небе чувствовал себя неплохо: взмывал, падал, застывал. А уж поворачивал! Невозможных виражей для него не существовало. Скоро, наскучив малой высотой, по спирали ушёл из глаз, оставив след, который тут же взялся зелёным пламенем.

Ужас сковал людей.

Плохо, что никто из власть имущих не посчитал это чем-то значащим, даже не взял на заметку. И, что самое главное, никак не связал с недавним визитом в мэрию грозного незнакомца.

На следующий день в городе распространились слухи о “летающей тарелке”: взрослые страстно обсуждали, дети рисовали на асфальте, поэты сочиняли стихи о пришествии инопланетян.

Фёдор Фёдорович Кочевой — горняк на пенсии, чувствовал себя в эти дни именинником. Ещё бы, и знакомые и чужие называли его “прорицателем, страдальцем”...

Вся обстановка вокруг пожилого человека носила такой характер, что вполне серьёзно могло показаться, будто НЛО был его личным гостем.

Год назад Фёдор Фёдорович впервые подвергся гонениям за внезапно открывшийся творческий зуд.



... Однажды рано поутру вполне рядовой пенсионер, никогда не грешивший стишатами, проснулся с готовой поэмой в голове. Сильно удивившись, он всё-таки записал на бумагу шевелящие волосы строки о том, что “падёт праведный гнев на землян”.

У поэмы даже название было таинственное и странное “Я — НЛО”. Благодаря ей Кочевой стал известной личностью в Углеграде.

Какой-то бес подтолкнул и стал он читать не своё произведение большому скопищу людей в очередях и на остановках.

Был взят нарядом муниципальной полиции у винно-водочного магазина и препровождён в психиатрическую лечебницу.

Там его подвергли тщательным исследованиям и выяснили, что он — сумасшедший, а не летательный аппарат.

После выхода из “психушки” Кочевой занялся музыкальной деятельностью. Он образовал рок-группу из малолетних преступников, которую назвал “Покойники”.

Под громоподобный шум малолетки выкрикивали стихи старого горняка, призывающие к немедленному и однозначному самоубийству.

В эстрадной среде города это сочли вполне нормальным и даже скромным. Конечно, в такое поверить трудно, но сцена наша, как и много лет назад, так же походила на полнейшее безобразие.

Возмущался только известный певец и композитор Алишер Симбаев, который заявил, что песни эти — презабавнейшая муть, а “нынче в моде позитив”.

Толком выражения этого никто не понял.

Какое-то время руководитель и идейный вдохновитель “Покойников” был кумиром малолеток Углеграда.

Но взрыв популярности Фёдора Фёдоровича пришёлся на последний обнародованный им шлягер “Страсти наркоманки”, который состоял всего из нескольких строчек. Подлинным шедевром были две: “Не дари мне цветов одноразовых, подари одноразовый шприц”. Композиция, ко всеобщей радости, звучала более получаса. Правда, на этой лебединой ноте и закончилась эстрадная карьера шоумена-горняка-пенсионера.

В одно утро он проснулся в ледяном поту и обнаружил на белой стене своей единственной комнаты надпись. Заглавными буквами значилось: “Теперь сиди тихо и жидай, пока позовут”.

Когда, через минуту, она исчезла, тело Кочевского стало стремительно покрываться какой-то твёрдой шелухой.

Ажиотаж вокруг “летающей тарелки” рос. Очевидцев стало больше, чем электропоезд может вместить пассажиров. Рассказывали взахлёб, всё время с новыми подробностями. Оказывается, не один инопланетный корабль бороздил небо Углеграда, а было их несколько. Но вели они себя корректно — не пугали, а только показывали себя. Правда, иногда вольничали, повторяя форму электрички, и даже со светящимися окнами, и даже с пассажирами в них.

Не было конца-края рассказам самого различного толка: от комического до ужасного. Всё это продолжалось до появления на улицах усиленных нарядов полиции, имевших распоряжение мэра подвергать болтунов принудительным работам по озеленению города.

Страсти улеглись. Но ненадолго.



Далее следовали “призраки”.

Самым первым и самым безобидным был “оазис”.

Пожилые углеградцы до сих пор вспоминают о нём с теплотой.

Глава 8

Исцеление

... На остановке у магазина “Ромашка” стояло несколько десятков человек. Как всегда днём воздух был наполнен запахами асфальта, угля и дыма. Люди нервничали, многие вслух высказывали мнения по поводу работы общественного транспорта.

И мало кто обратил внимание, что на проезжей части дороги металлическим блюдцем сияет лужица — это в такой-то зной! И когда народу накопилось достаточно много, лужица стала расширяться, оттесняя потенциальных пассажиров к магазину, и превратилась в небольшую аккуратную заводь.

Изумрудная, невиданной чистоты вода переливалась всеми цветами радуги. По краю возросли стройные деревца, на ветках которых запели дивные птицы. Всё это произошло за несколько секунд.

Движение машин не успело застопориться, и первый ряд несущихся в “заводь” был отброшен в сторону с огромной силой.

Углеградцы смотрели. И было в их взглядах не столько удивления, сколько боли. Их город почти лишён растительности, ежеминутно отравляем дымом и золой электростанций, пылью угольных разрезов, насквозь продуваем ядерными ветрами испытательных полигонов и космодрома.

Из тихой заводки освежающе веяло травой и камышом, вереском и первозданной чистотой. Казалось, кто-то шепчет: “Смотрите, каким был создан ваш мир... Знаете, во что он превращён”.

Владимиру Баркову было понятно: там очищение и исцеление; он знал, ему туда.

И он пошёл. Даже не пошёл, а только подумал — и его стало медленно втягивать.

Истерически закричала женщина.

“Смотрите, смотрите, — раздались голоса в толпе, — он идёт, не касаясь земли”.

Барков дышал полной грудью и чувствовал, как в него осторожными толчками входят здоровье и силы.

Несколько минут люди зачарованно наблюдали за ним, потом со свистом и воем кинулись следом. Но — преграда...

Они толкались неизвестно во что и не могли протолкнуться, они рычали как звери и ругались матерно.

Но Барков ничего не слышал, умиротворение и покой коснулись его души, и был он сейчас один на всей земле.

... Звуки вновь возвратились только после того как “заводь” растаяла.

Это тоже произошло мгновенно и толпа, крича и кляня всё на свете, остановилась у прежней лужицы размером с блюдечко, которая, впрочем, тоже скоро испарилась.

Вуши Владимира сорной шелухой влетели суета и недоброжелательность, которую расточали земляки.

— С-скоты! — прошептал он сдавленно. — Ведь всё запоганили.

— Володя, — испуганно позвали его издали. — Вова, — повторили тише, рядом. — Ты как себя чувствуешь? Ты в порядке?



В глазах муть, в голове шум. С трудом узнал жену Ларису.

— Лара, — будто вернувшись издалека, прошептал он, — что происходит? Где оно? Ведь ничего не осталось.

— Ты о чём? — изумилась супруга. — Чего не осталось? Давай-давай, идём отсюда.

— Не помню, — пробормотал он. — Ни-че-го, — повторил отдельно.

— Боже, тебя ведь напрочь выбило из колеи. Зачем ты туда потащился? Кто тебя просил?

— Я не шёл туда сам, — ответил он сердито. — погоди! Куда мы так спешили?

— В больницу, — ответила Лариса. — Процедуры.

Год назад Барков перенёс инфаркт миокарда.

Жена сбавила взятый быстрый темп, вспомнив про больное сердце мужа, взяла под руку, и прогулочным шагом они двинулись по улице Горняков в сторону больничного комплекса.

А на остановке тем временем разыгрывалось нешуточное действо.

— Видели, как он вошёл туда? — кричал высокий, очень худой человек. — Его пустили, а нам отказали.

Толпа недовольно загудела.

— А почему нас не пустили? Мы — недостойные? Нет, мы достойные! Просто нам, как достойным, показали, каким был мир в этих благословенных степях, пока сюда не пришёл человек промышленный. Он пришёл, посмотрел и стал возводить город на костях наших предков. А это противно учению Аллаха и его пророка Мухаммеда! Даже в Коране наши старики нашли подтверждение тому, что город основан не на том месте. Это место — противное разуму, а стало быть и всему человеческому!

Заводящим толпу был местный музыкант Алишер Симбаев.

— Правильно! — поддержали его. — А куда подевалось озеро? Ведь было в черте города хор-рошее озеро. Где оно?

— Углеград — как плешина в степи.

— И травят нас бесконечно, каждодневно и сводят в могилу раньше времени, — продолжал Алишер. — Начальство живёт в коттеджах, в хороших местах, где воздух чист и свеж, как слеза младенца. Все они обосновались в Баянауле! Там хорошо, но нас туда не пускают! — закричал он громко.

— Верно! Слишком далеки они от народа!

Головин был свидетелем действию. И оказался он здесь не случайно, его что-то подтолкнуло, как однажды Петра Варшакова: “Вставай и иди”.

Баркова заприметил сразу и понял, что человек этот отмечен печатью Создателя. Ещё заприметил, что, несмотря на подошедший маршрутный автобус, людей на остановке не уменьшилось. А в самой толпе ходило несколько человек с характерными чертами лица.

“На манекены похожи”, — отметил про себя.

Их лица почти не двигались, но губы шептали нужные слова.

“Неужели Они помогают нам даже в этом? Неужели сам человек не способен ни на что?”

Толпа накалялась.

— Уже сколько велось разговоров об очищении воздуха, — продолжал Алишер. — Но где он, чистый воздух? Пора настала ограждать разрезы, ставить фильтры на трубы. Пора, углеградцы! Иначе будет хуже, чем было на ядерном



полигоне. Загадили половину страны! Где подобное видано и слышано?! Надо заявить обо всём этом во весь голос!

— Пора! — поддержали его.

— Люди! Над нами издеваются, — закричал пожилой человек в костюме с планками наград. — Дача уже не даёт урожай, степь засыпана пеплом. Коровам жрать нечего!

— Именно! Как содержать скот в частных домах? Выпасов-то нет..

— Мэрия недалеко, — звали остальные. — Пойдём требовать!

— Пойдём!

Обычно люди неохотно принимают участие в подобных мероприятиях. Но в этом случае все (около сотни человек, по пути присоединялись ещё) пошли дружно, настроены были решительно.

“Начинается, — подумал Головин. — Но пока что скупо начинается, людей ещё не довели окончательно. Стало быть, ясно, чем кончится”.

Нескольких — самых горластых — задержали за нарушение правопорядка.

Остальные разошлись.

Это было одно из первых выступлений углеградцев за чистый воздух.

Точнее говоря, это было началом.

Глава 9

“Твой город в опасности”

Когда кардиолог стал проверять, благополучно ли зарастает шрам на сердце, вдруг неожиданно прильнул к прибору, потом оторвался, недоверчиво посмотрел на Баркова, на прибор. Куда-то выбежал с лентой кардиограммы.

Вернулся с заведующим отделением.

— Барков Владимир Иванович?

— Да, это я, — ответил он и широко улыбнулся. — Валентин Антонович, вы меня не узнаете?

— Простите, запамятовал, — медик виновато развёл руками. — Так когда, говорите, перенесли инфаркт миокарда?

— Чуть-чуть больше года.

— А работаете, простите, кем?

— Машинист экскаватора, “Восток”...

Ещё несколько минут у прибора, сверка по больничной карте, многозначительные переглядывания врачей друг с другом.

— Год назад, говорите? — дрожащим голосом осведомился доктор Кашецкий. И вдруг громко крикнул: — А ну-ка вон отсюда! Инфаркт.. Язву себе надо было изобрести, или чего-нибудь попроще. Горняки! Бояться в яму идти, и придумывают чёрт знает что!

— А в чём дело? — тихо спросил Барков, заранее зная ответ.

— Возьмите! — кинул ему доктор какие-то листки. — Идите в любой суд, куда хотите, но здесь вам не место. Не было у вас, слышите, у вас никогда не было никакого, даже самого заваливающегося инфаркта. Немедленно на работу! В двести десятом кабинете заберёте свой больничный, вот карточка. Вы здоровы, как... — не найдя подходящего сравнения, Валентин Антонович сначала замолчал, потом густо покраснел. — Простите, пожалуйста, — робко произнёс он, — в самом деле, очень много работы. Я устал, я катастрофически устал от вашего



брата-горняка, который трётся здесь по всем дням, ибо пребывание в больнице, подтверждённое в регистратуре, не является прогулом на работе.

Супруга побежала к главному врачу — скандалить и доказывать. Но Владимир был уверен, что с болезнями покончено.

... Такое состояние не покидало его несколько минут. Разумом он не верил в произошедшее, но душа тихо кивала: всё в порядке.

Однако порыв нежданного счастья прошёл, и Барков стал озираться вокруг: на улицах грязно и воняет помойкой; выгоревшие квартиры чёрными впадинами зияют на многоэтажках; всюду мусор, разбитая мебель, расколотые телевизоры.

Углеград — город, в котором он родился и жил, чистый и светлый Углеград представлял собой жалкое зрелище. И люди в нём теперь чувствовали себя как проезжие пассажиры. Что творится, мать вашу, сук-кины дети!

— Твой город в опасности, — прозвучало в голове. — Атмосфера вокруг него, как в газовой камере.

— А люди? С людьми что будет? Кто всё это творит? — сказал он громко.

“Говори про себя, — попросил его Голос. — Это телепатическое общение... Вы сами и творите. Человек легко воспламеняем. Да и соземляне торопят процесс”.

“Соземляне”? Кто они такие?”.

“Они выходят к вам из параллельного мира, через коридор Времени, находящийся в “Центральном”. Они озлоблены. Ваше беспорядочное растачивание земных ресурсов мешает жить, как они того хотят. Они напрямую зависимы от вас”.

“Я здесь при чём?”

“Ты должен нам помогать”.

“Это почему?”

“Мы вернули тебя к жизни”.

“Я сам выкарабкался”.

“Нет, ты умер. Мы вернули тебя к жизни”.

Барков по привычке схватился за левую сторону груди и даже “охнул”.

“Там всё в норме. Так что не симулируй”.

“Пошёл ты!.. Тоже мне Глас Божий”.

“Ну, можно и так”.

“Чего хотите вы?”

“Мы хотим, чтобы вы закрыли все разработки угля, все ваши примитивнейшие электростанции, от которых больше вони, чем проку”.

“Так и обращайтесь к тем, от кого это зависит”.

“Ваши правители алчны, злы и надменны. Они не желают признать сам факт нашего существования. Несколько дней назад соземляне послали своего представителя в вашу структуру власти, но его красноречия не хватило. Ему не поверили”.

“И что теперь?”.

“Всё, в конечном итоге, может решиться миром, но соземляне горят нетерпением, и его можно понять: каждый день вашей деятельности — приближение краха их цивилизации. Работы, по их настоянию, должны быть закончены ещё несколько дней назад. Но они продолжают, и мы уже не в силах как-то вас защищать. Они — члены Космического Сообщества”.

“А что могу сделать я — слабый человек?”

“Надо всеми средствами способствовать приостановлению работ, иначе события приобретут необратимый характер”.

“Вы знаете, что такое корпорация Си-И-Си? Там они командуют, это их вложенные деньги, их прибыли”.



“Знаем, но в этой стране есть свой правитель, он должен решать”!

“Обратитесь к нему напрямую”.

“Нам категорически запрещено вступать в прямые контакты с правительствами и президентами стран. Должен преобладать здравый смысл”.

“Должен, но мы живём в мире капитализма, где всё решают деньги”.

“Деньги ничего не решают, когда стоит вопрос о жизни и смерти”.

“Даже так?”.

“Именно так”.

“А вы кто?”

“Мы — суррийцы, из созвездия Лебеда, по-вашему. Когда-нибудь Павел Варшаков подробно вам расскажет о нас”.

“Он жив?”

“Он у нас, значит, ничего плохого с ним не могло случиться. Сейчас не об этом. Мы хотим вам помочь, вы — продукт деятельности дружественной нам космической расы. Вы их эксперимент и мы хотим, чтобы они довели его до конца”.

“Как? Мы эксперимент?”

“Успокойся, прими это как должное. Вы — не первый неудачный эксперимент на Земле. Это вообще невезучая планета”.

“Скажите, почему я? Много здоровых ребят, которые могут всё. Почему не они?”

“Ты любишь людей, любишь свой город. Какой был первый вопрос, который ты нам задал? Вот и всё этим сказано. Пётр Варшаков. Найди его...”.

Связь оборвалась.

— Лара, ты помнишь Петьку Варшакова? — спросил он, остановив поток красноречия жены, который после разговора с главным врачом грозил стать неиссякаемым. — Уголь у нас возил, у него ещё брат был — писатель.

— Как не помнить? — ответила жена. — Ты ж сам говорил, что он — жлоб. Да при чём здесь он, когда такие дела творятся? То есть как, не было инфаркта?! Почему не было? Я на них в суд! Я найду на них управу...

— Да погоди ты! — прикрикнул Владимир. — Врачи говорят, не было, значит, не было!

Лариса даже рот приоткрыла.

— Как не было? А за кем я ухаживала дни и ночи?

— За мной, — ответил он и поморщился. — Сейчас о деле... Петька Варшаков. Вспомни. Очень надо.

— Был такой, знаю, — ответила жена уже потише, соображая, что у мужа не всё в порядке с головой.

— Что ты о нём знаешь? Он в городе?

— Да как был машинистом, так и есть! Да на кой чёрт он тебе сдался?

— Раз спрашиваю, значит, надо. Дальше.

— После того как пропал его брат-писатель, все от него и отвернулись. Говорят, он во всём винит “бичей”, — торопливо рассказала Лариса. — Но ещё говорят, что причина — совсем другая. И вовсе не в “бичах” дело.

— А в чём же?

Она наклонилась и прошептала:

— “Летающая тарелка” унесла его брата. А он свалил всё на этих никчёмных “бичей”, сказывают; потом просто пришёл домой и лёг спать. Вот. Такие нынче братовья.

— В самом деле “летающая тарелка”? — спросил он недоверчиво. — Настоящая?

— Да поди ты! — отмахнулась жена. — Люди говорят.



Глава 10 “Нет, я — с Земли”

Над городком висел привычный дым. Редкие прохожие зябко подёргивали воротники курток и пальто, вытягивали рукава. С недавних пор сумерки стали приносить с собой едкий холод, независимо от времени года. Некоторые прижимали ко рту марлю, спеша добраться домой — к воздухоочистителям и обогревателям.

Головин шёл по улице Леонида Машковского на встречу с художником Валентиной Старостиной, которая в катастрофу потеряла отца.

Он хорошо помнил прежний Углеград: чистый, светлый, красивый, всегда в ярких тонах... И потому сейчас — виденное его поражало. Вернее, поражало то, как он всё видел. Сразу даже показалось, что вышел на лёгкую вечернюю прогулку. Но через некоторое время он сталулавливать Нечто. И это Нечто — каверзное и трагическое — читалось на витринах, которые будут разбиты, в открытых подъездах, которые выгорят дотла, на окнах квартир, которые предадут разграблению.

Иван попытался встряхнуться. Нереально всё это. Эта страна — мирная страна: войн здесь не бывало даже тогда, когда они полыхали повсюду.

Но ведь не война. Восстанет из мрака чудище и утащит во мрак всех. Всех? Но здесь больше ста пятидесяти тысяч. И в сказки они не верят, особенно в страшные.

Обстановка здесь, в смысле чистого воздуха, не очень, но ведь это — не преступление. Или всё-таки преступление?..

Тяжкие мысли не прошли бесследно: голова закружилась, замелькали блики света... Вот тебе и “многие страны мира”, вот тебе и вся твоя пресловутая “закалённость”.

Он присел на корточки и прикрыл глаза. К нему подбежала молоденькая девушка.

— Вам плохо? — прошептала она. — Посидите, пройдёт, это всего лишь кислородное голодание.

Ленивый свет исходит от одиноко светящего фонаря, скрипит где-то в стороне полуоторванный лист жести да шелестит ветер бумажными обёртками.

Плохо в Углеграде.

Дверь на третьем этаже ему открыли не сразу, его долго изучали в глазок.

— Что вам угодно? — раздался мягкий женский голос.

— Простите, пожалуйста, за беспокойство, мне нужна Валентина Ивановна Старостина — художник.

— А вы сами кто будете?

— Я — журналист, взгляните, вот моё удостоверение.

— Да удостоверений сейчас можно сделать каких угодно, вы же знаете.

— Знаю.

— Так зачем показываете?

— Вы спросили, я показал.

Щёлкнул замок.

Светловолосая миловидная женщина лучистыми глазами пытливо смотрела на него.

— Я из “Столичного проекта”, много времени у вас не займу. Только пара вопросов.

— А чего так поздно? У нас в такое время никто не ходит.

— Но я же не знал...

— Хорошо, проходите, — сказала Старостина. — Только, уверяю вас, ничего нового я вам не сообщу. Меня и так укоряют, что я слишком часто даю интервью.



— А по международному вернисажу, который откроется через месяц? Вы в нём принимаете участие?

Она растерялась.

— А вот об этом ещё никто не знает.

— Да, — ответил Головин, — здесь никто не знает.

— А вам в столице всё всегда известно?

— Тоже только на уровне слухов, — ответил он, чуть замешкавшись.

Про вернисаж он случайно вычитал в Интернете, серьёзно не полагаясь, что пригодится. “Вот так, братан, случайностей не бывает”.

— Ох уж эти журналисты! — сказала Старостина укоризненно. — Проходите в зал, пожалуйста, и не разубивайтесь, у меня беспорядок, я приборок давно не делала.

Он опустился в кресло и сразу почувствовал тяжесть комнаты, словно здесь находился ещё кто-то — невидимый и непонятный.

Хозяйка села на тахту, закинув ногу на ногу и зябко кутаясь в плед.

— Прошу, задавайте ваши вопросы, — попросила она.

— Вопрос может показаться вам неожиданным...

— А я, знаете ли, люблю неожиданные вопросы, — перебила она. — Потому что в основном ваш брат журналист живёт банальностями: как проявилось впервые? Как будто я могу помнить, как... Что рисовали вначале? Господи, да всё подряд! И тэ дэ. Скука.

Валентина Старостина была в Углеграде единственной художницей с мировым именем. Головин ожидал увидеть совсем другого человека: рассеянного и странного. Он настраивался на тяжёлое проникновение в её сознание, но теперь с большой радостью убедился, что видит сценами.

Несомненно, Валентина мыслила образами и картинами.

“Только бы не потерять её взгляд...”

— Я из другой породы, — ответил он. — Я из людей нескучных и потому тоже уважаю неожиданные вопросы. Отвечайте, не задумываясь: когда вы в последний раз видели своего отца Ивана Сергеевича Старостина?

Лицо женщины окаменело. Во взгляде...

“Я сразу попал в цель”.

... Она сидела в этой комнате у окна за письменным столом, проверяла эскизы семиклассников.

Настольная лампа.

Полумрак.

Два часа ночи.

Последний альбом.

Она улыбнулась.

— Опять негодник Серёжка Велин срисовывал, — сказал Иван её голосом.

В зале запахло гарью.

Головин остро почувствовал этот запах, у него даже голова закружилась, так пахло в угольном разрезе во время работы.

Старостина отложила альбом и повернулась в сторону кухни, принохиваясь.

Отец вышел из стены, за которой улица, её квартира в доме — угловая.

Ей было двадцать восемь лет, когда всё случилось, и она хорошо помнила папу по походке, тяжёлой поступи человека, всю жизнь проработавшего в забое.

— Здравствуй, Валюша, — сказал отец. — Ты меня не бойся.

— Здравствуй, папа, — тихо молвила она. — Я не боюсь. Я всегда хотела, чтобы ты мне приснился.

Валя вытерла слёзы.

— Я уже стала забывать твоё лицо... И это слово “папа”... Я забыла, как оно звучит.

— Я тебе, маленькая, не снюсь, — ответил отец. — Я в самом деле здесь.

— Зачем ты от нас ушёл? Ты ведь нас бросил, папа? И меня, и маму, и Свету...

— Нет, не бросал я вас, так распорядились Они, — тяжело ответил отец.

— Кто они?

— Истинные Владыки территории... Они тоже живут здесь рядом, только вы их не видите.

— Какие они? Тебе хорошо с ними?

— Нам они хорошие, потому что мы служим им, а вам — враги страшные.

После этих слов лицо отца, казавшееся нежным и любящим, вдруг искажилось и стало чёрным, сверкнули зубы и раздалось страшное скрежетание вместо речи.

— Они вас всех уничтожат, если не уберётесь отсюда! Бегите, пока есть возможность! Спасайтесь... Не то — умрёте.

Отец стоял посреди комнаты — высокий, иссохшийся, он походил на труп.

— Зачем ты пришёл? — спросила Валентина.

— Предупредить, — ответил он. — И ты предупреди своих друзей.

Казалось, он прошёлся глазами по комнате и кого-то не увидел.

— Предупреди Светлану и внученьку Юлечку. Я не желаю, чтобы вы попали туда, где мне находиться до скончания века, не за свои грехи.

— Папа! — вскрикнула Валентина. — Да как же это?

Она нашла в себе силы и бросилась к нему.

— Да ты ли это?!

Но он исчез. Только контуры тела ещё какие-то доли секунды оставались зрими. Но и они обратились в мерцающую точку — и тоже ушли.

— Уезжайте, дочка, а то останетесь здесь навсегда, так же как мы, — донёсся только голос.

И тут же повторился, но рядом.

Глаза Ивана потухли, но губы вновь повторили: — Вы все умрёте.

— Господи, — прошептала Старостина, и силы оставили её.

Больших усилий ему стоило успокоить Валентину Ивановну. Бедная женщина была в шоке.

И только когда он назвал себя и фамилию “Варшаков”, она мучительно улыбнулась и вспомнила.

— Да, Павел тоже приходил и спрашивал. Правда, рассказать ему я ничего не могла, да и вам бы... Но, позвольте, — спохватилась она. — Но ведь я и вам ничего...

— Конечно, Валентина Ивановна. Прошу вас, успокойтесь. Я всё объясню.

— Но я же вам ничего не говорила, — чётко по слогам сказала она. — Я только думала и вспоминала. Кстати, очень подробно вспомнила. А до вашего прихода я почти ничего не помнила. Вы погрузили меня в транс?

— Не совсем, — ответил Головин. — Я лишь немного вам помог.

— Погодите! — решительно сказала Старостина. — Сядьте и поговорим.

— Я и так сию.

— Тогда говорите.

— Что именно?

— Почему вы пришли ко мне? Что это за чертовщина? И как вы вообще что-то могли узнать, ведь Пал Палыча уже год как нет...

— Попал я к вам почти случайно, просто живёте в центре. И к тому же вы — первая в списке.



— Каком списке?

— Людей, с которыми необходимо повторно поговорить.

— Значит..

— Да, Паша оставил мне свои записи, в которых значится, что из “Центрального” выходили наружу существа, похожие на...

— Вы хотите сказать?..

— Да, Валентина Ивановна, — жёстко ответил Иван. — Тот, кто к вам приходил, не был вашим отцом. И более того, он не был человеком. Просто, используя их, — он подумал, как бы сказать мягче, — биомассу, что ли, эти самые Истинные Владыки решили очистить город, вызвать массовую панику и заставить отсюда уезжать. Проще говоря, предупредить о возможных последствиях, если их распоряжение всё-таки не выполнят.

— Зачем всё это? — смятенно спросила Старостина. — Вам зачем? Я понимаю, ваш друг был писателем, это могло пригодиться ему для книги.

— Пока это не для книги, — спокойно ответил Головин. — Про такое напиши — не поверят, даже любители самой запредельной фантастики. Моя задача — разобраться и до конца выяснить, что случилось с Пашкой.

— Но было же сказано, что надо всем уехать, иначе уничтожат. Нас уничтожат?

Он промолчал.

— А вы, — продолжила Валентина Ивановна, — вы смерти ищете?

— Я смерти не боюсь, — ответил он без пафоса. — Я просто следую инструкциям и выполняю волю друга.

После этих слов она посмотрела на Головина уже с большим доверием. Он уловил взгляд.

— Увы, Валентина Ивановна, в современном — противоречивом — мире ещё крепки понятия: честь, долг, дружба. Правда, не для всех. Но есть такое право оставаться верным дружбе, даже тогда, когда... — он закашлял. — Простите, до сих пор не верю... И прошу вас, успокойтесь, мой визит носит частный характер.

Иван посмотрел на часы, дальнейший разговор потерял для него всякий интерес.

— Извините, мне пора.

Она стала перед ним, не пуская.

— Пожалуйста, объяснитесь. Ведь всё это не для того, чтобы нас напугать?

— Я только об этом и мечтаю, — ответил Головин. — Но в данном случае, думаю, речь идёт не об испуге.

— Вы знаете больше, чем говорите.

— Поймите, — как можно мягче возразил он, — мы с вами почти не знакомы, а вы задаёте такие вопросы!..

— Городу угрожает опасность, а вы твердите о каком-то банальном знакомстве.

— Вы — художник, у вас сильно развито воображение.

— Да не то вы говорите! — воскликнула Старостина. — Совсем не то. У вас есть дар свыше, это ясно, как Божий день, но он пригодится для другого случая, а в данном — что же может сделать обычный человек, такой как я...

— О каком случае идёт речь?

— Вы ведь хотите говорить с другими, у которых были потери в катастрофу?

— Вы удивительно догадливы.

— Не иронизируйте! Я же их всех знаю. Мы жили рядом многие годы и были ближе всяких родственников.



— Вы хотите мне помочь? — искренне удивился он. — Вот так сразу?

— Вы — друг Павла, — вздохнула она. — А я ему сразу как-то поверила. А сейчас, сейчас я хочу что-то сделать для своего родного города. Может быть, вы всякие страшилки нагоняете, тогда просто проверим.

Головин внимательно посмотрел ей в глаза.

“Она ведь в самом деле любит этот город и готова ради него на всё”.

— Хорошо, — сказал он, чуть помедлив. — Только обещайте быть предельно внимательной и осторожной. Главное, пока никому ни слова. Оплошность может стоить не то что моей или вашей жизни, а много дороже. А опасность будет подстергать во всём. Вы только что в этом убедились, Они могут принимать любой облик. Мы, к сожалению, должны сохранять только человеческий.

— Вы откуда? — спросила Старостина, густо покраснев, и указала пальцем в потолок.

— Нет, я с Земли, — ответил Головин, но, немного подумав, добавил: — Хотя, кто его теперь знает, но был точно с Земли... С грешной земли.

Глава 11

“То, что появляется — не люди”

Владимир Барков вышел на работу.

Ребята ему обрадовались, но только внешне. Чувствовалось в них внутреннее напряжение.

В раздевалке, всегда в пересменку шумной, царила тишина, редкие шорохи шагов, одежды и хлопанье дверей кабинок.

Непривычно. Казалось, не год прошёл, а десять лет. Поразило и то, что вместо восьми человек на смену заступало трое. Он — четвёртый. Спросил. Ему ответили.

— Не хотят выходить, говорят, жизнь дороже. Да и на ГРЭСе теперь только один блок в работе и топлива нашего надо совсем немного.

Неладное чувствовалось ещё в дизель-поезде. В вагоне просторно, всего несколько человек. Никто не играет в карты, не читает, не смеётся.

Все выжидательно смотрят вперёд.

— Начальство чего только ни делало, — шептал ему, уже в сменном автобусе Юрка Куличёв, его бывший помощник. — Ильготы всякие, и зарплату увеличили почти в пять раз, независимо, сколько угля добудешь или не добудешь совсем. Людей не прибавилось, заявлений об уходе не уменьшилось. У нас теперь даже за прогулы... Да что там прогулы, за пьянку на работе и то не увольняют.

— И что, пьют на работе?

— Да что ты! Тут и без бухла “крыша” съезжает!

— Чего люди боятся? — спокойно спросил Барков.

Юрий промолчал.

— Теней зелёных, да? — громче проговорил Владимир.

— Да тише ты! — взмолился Куличёв. — Не кличь ты их, ну их к чёрту!

— Юрик, — удивлённо проговорил Барков, — ты ж углеградский парень, оторвиголова, ты ж в жизни никогда и никого не боялся.

— Дурак ты, Вовка! — горестно сказал Юра. — Я и теперь не боюсь ни одного человека. Но то, что появляется в разрезе — не люди.

— Расскажи хоть чуть-чуть?

— Э-э, да ладно! — махнул рукой Юрка. — Всё одно пропадать. Слушай, — встрепенулся вдруг он, — а ты ведь неспроста вышел на работу, да? Я, мол, ничего не боюсь. А куда твой инфаркт подевался? В городе разное болтали про это.



И подозрительно покосился на него.

— Не отвлекайся, Юрик, ты обещал рассказать.

— Ага, — вспомнил Куличёв. — Ты знаешь такую силу, которая могла бы роторный экскаватор перевернуть? Выдернуть из земли и бросить. А Андрюха Середюка помнишь? Он исчез, понимаешь? Его просто не стало. Ребята из “сорок шестого”, который повалился, помнишь, из бригады Лёни Федотова, они все видели эти зелёные силуэты. Трое из них теперь в дурдоме, а у старшего смены просто язык отнялся.

Он немного помолчал, унимая трясь. Стал прикуривать.

— Туда же — осуждать, — сказал, наконец, глубоко затянувшись. — Да нам здесь теперь все дефициты, все кредиты беспроцентные предоставляют. Продуктов любых — валом. Не заманишь...

— Ты считаешь, вся эта гоп-компания направлена именно против горняков?

— Да! Именно хотят изжить горняцкое племя.

— Сам боишься?

— А как же? Я ж не дурак, знаю, что может случиться.

— И всё равно выходишь в смену?

— А куда деваться? Дома сидеть — тоска, да и страшновато... Работаю, хотя и знаю, что со мной может случиться страшное, как с Андрюхой.

— Да при чём Андрюха? Загудел где-то со страху.

— Не дури, Вовка, — устало ответил Юра. — Лучше бы загудел... Но о нём тоже, как и обо мне, плакать некому — детдомовские, а с женой я давно в разводе и детей нету.

— А если с ума съедешь?

— Вот этого я боюсь по-настоящему. Знаешь, прошлую ночь подошла “вертушка”, за рулём Петька Варшаков, улыбается, орёт чего-то.

“Варшаков работает, — подумал Барков. — Значит, искать его не придётся. Это уже хорошо”.

— Стал я ротор включать, — продолжал Куличёв взахлёб. — Включил. И вдруг смотрю, на уступе шар огненный, где-то метров пять в диаметре и лохмотья прям спускаются и дымят. У меня “крыша” и поехала. Ротор выключить не могу, он в забой, как в масло — и пошёл кромсать, пока не заклинил. Матвейч в ухо орёт, я не слышал, бил по руке — не чувствовал. Потом залетает Петька Варшаков и сразу, как-то махом, вся бодяга прекратилась... Слушай, — спросил Юра, пытливо взглядываясь в лицо Володи. — А он тоже из каких-то экстрасенсов?

— Кто?

— Варшаков Петька.

— Я откуда знаю?

— Понимаешь, — замялся Юра. — Он чего-то там махнул, крикнул, то ли дунул... И всё кончилось. Я и подумал. Да. А волосы мои — каску приподняли. Вот до сих пор этот шар у меня перед глазами и стоит — смотреть больно.

По “серпантину” дорог автобус спустился к “нулевой” отметке. Водитель, не выключая мотор, открыл дверки, горняки вышли.

Дневная смена, едва поздоровавшись, вбежала в автобус, и он укатил.

Надвигалась ночь. Прожектора на мачтах роторного экскаватора мутно освещали подъездной путь, фидер, толстой кишкой тянувшийся к подстанции, валуны угля вокруг.

— Беспорядок тут у вас, — заметил Барков.



— А мы как влезем туда, — кивнул головой вверх Куличёв, — вниз уже до утра не спускаемся. И нет такой силы, которая бы заставила нас это сделать.

— Юра, есть такая сила, — проникновенно сказал Владимир, — и ты это чувствуешь. А сейчас, друг мой, слушай меня очень внимательно.

Он сразу стал старше и строже.

— Что бы ни случилось, кто бы вдруг ни появился, делай всё, как я скажу. Не отходи от меня ни на шаг. Может, тогда и уцелеешь. Я знаю про всё это гораздо больше, чем ты можешь представить. В мои обязанности входит спасение тех, кто хочет спастись. Ты хочешь?

Куличёв радостно и бестолково закивал.

— Тогда слушай меня. Понял?

— Понял, Володя, понял, — заговорил он быстро. — А ведь правда, что кому-то очень не хочется, чтобы мы копали этот уголёк? Да и кому он по-настоящему нужен? Зольность-то какая! Его только и смешивать со всякими фракциями, чтобы он стал более-менее годен. Точно?

— Точно, теперь помолчи.

По винтовой лестнице поднялись в комнату отдыха.

Включили чайник и стали ждать “порожняк”.

Владимир всегда любил работать в ночную смену.

Разрез ему казался настоящим миром, оторванным от суеты: кипит работа, горят огни, сигналият составы.

Коллеги по работе — крепкие, самостоятельные парни, которых уважают в городе; здесь споры до хрипоты; здесь мир и уют...

А когда отключишь моторы, отойдёт загруженная “вертушка” — и тишина. Осядет угольная пыль, и выйдешь ты на площадку, вдохнёшь полной грудью — и возрадуешься.

Всё — позади. “Восток” — самый крупный угольный разрез в мире.

Чтобы сюда устроиться на работу, надо было пройти конкурс — не чета университетским.

Ещё бы, ведь горняк — престижно и выгодно.

Куда всё делось?..

Глава 12

Это — ваш город

Пётр Варшаков развернул городскую газету “Голос Углеграда”. На третьей странице сверху крупным шрифтом было напечатано “Тени в забоях”.

Некто И.Афериллов иронически посмеивался над “славными горняками-орденоносцами, которые боятся выходить на работу”. Объясняют свои отказы и больничные листы всякой чертовщиной, основная из которых — “тени в забоях”.

Да, храбрился некто, был у нас случай исчезновения роторного экскаватора и некоторых членов коллектива бригады, но “я уверяю вас, что агрегат был перепродан незаконным предпринимателям, а члены бригады из-за неумеренного пьянства просто где-то отлёживаются”.

В конце заметки И.Афериллов выражал твёрдую уверенность, что в горняках-таки “проснётся отчаянный дух”.

“Тени в забоях” напечатали в рубрике “Сатирическим пером”.

Передовица “Голоса” пестрела короткими сообщениями об авариях на электростанциях, участвовавших в последнее время, и уже неизменно влекущих за собой человеческие жертвы. Освещалась работа сразу нескольких комиссий по расследованию причин трагедий, публиковались списки виновных.



Пётр кожей чувствовал, что неспроста всё это, но разумного объяснения не находил. Посоветоваться было не с кем, а Пашкины друзья — не его, да и уж слишком заносчив этот седой. Эх, был бы Пашка!

Однажды в пьяном бреде Петру даже показалось, что это он виновен в смерти младшего.

А потом, словно в награду за “раскаяние”, ему приснился брат. Это было перед аварией на ГРЭС-1, которая вывела из строя два энергоблока.

Пашка приснился обгоревшим и сказал:

— Не жалею, брат, это не смертельно. Тут кое-что придумали, может быть, подействует, тогда есть шанс...

Авария случилась через день и была ужасной: взорвался охлаждающий водород, рухнула проржавевшая кровля, погибли люди. В городе объявили траур.

— Не сработало, — говорил Паша после этого, сверкая новеньким серебряным костюмом. — Видишь, это с меня старую кожу сняли, теперь всё новое. Только глупость людей всегда стара. — Потом, с тревогой в голосе, торопясь, словно зная, что время на исходе: — Петька, пакости творят соземляне, они спешат и наша кровь для них — водица... Не ходи на работу! Уберегись!..

Углублённый в воспоминания, он не сразу услышал звонок в дверь, только на повторе.

Встал, недовольно бурча, пошёл открывать.

На пороге стоял высокий седой человек.

— Ты один? — спросил он.

— Да, — растерянно ответил Пётр.

— Я — Иван Головин, давний друг Павла. Надо поговорить.

— Заходи. Только сразу покажи мне свои документки, чтоб я точно знал, кто ты и откуда.

Иван усмехнулся, но документы достал.

— Понятно, паспорт, — бормотал Варшак. — А это что? Я ж такую точно видел у Пашки.

— Это членский билет Российского союза писателей. Паша тоже был в нём.

— Писаки, — презрительно пробурчал Пётр, — везде и всюду.

— Не писаки, а литераторы, совесть нации, цвет интеллигенции, — ответил Иван. — Мы же вас, простых работяг, никак не крестим. А надо бы окрестить раз и навсегда...

— Это почему?

— Вы сами ни на что не способны, вот и высадили у вас русский десант.

— Ладно, проходи, — пригласил хозяин. — Прямо в зал. Можешь не разуваться.

Головин занял одно из кресел у журнального столика и полез во внутренний карман пальто.

— Это находилось среди бумаг Паши, — сказал он, протягивая диск в упаковке.

Пётр невозмутимо взял и вышел в соседнюю комнату.

Иван тем временем оглядывался по сторонам.

Здесь Паша жил, отсюда он приходил на работу в пресс-центр комсомольской стройки, отсюда же уехал в Нижний.

Ему показалось, что друг смотрит со стороны и шепчет: “Не суди его очень строго, Ваня, прошу...”.

Вернулся Пётр, похлопал себя по карманам.

— У тебя курить нету? — спросил тихо.



— Я не курю, — ответил Иван. — И тебе не советую, даже в стрессовых ситуациях.

— Паша говорит о помощи, которую мне необходимо тебе оказать. Скажу сразу, никому ни хрена я не должен...

— Пётр, — перебил его Головин. — Ты понимаешь, о чём идёт речь? Ты соображаешь, на какую тайну — совершенно случайно — вышел твой брат? А теперь представь себе последствия, если бы он ничего не обнаружил, или просто махнул рукой на всякое там сверхъестественное фуфло.

— И на какую же тайну? — скептически спросил Варшаков.

— А на такую, что твоему милому городу просто грозит опасность!.. Здесь, по плану, вообще всё должно быть уничтожено. Я не понимаю, почему, и в честь чего Они медлят? Я не знаю, кто это сдерживает?.. Может быть, и Паша!.. О-о, Пётр! — он пристально посмотрел на Варшакова. — А ты ведь всё понимаешь. Да? Какого ты дьявола валяешь?

— Я ни хрена не знаю и не понимаю, — ответил Пётр небрежно.

— Как хочешь, — сказал Головин. — Может, ты просто “дурака” включаешь, а может, и есть дурак.

— Если я просто не понимаю, тогда почему дурак? — сказал Пётр.

— Тогда объясняю. Вот пройдёт всё нормально, останется твой милый город целым, а его жители — живыми, вы просто обязаны будете Павлу здесь, прямо в центре, памятник поставить.

— Да, он мне тоже что-то об этом говорил — о какой-то опасности, о каких-то существах, которые идут в город. Мало ли кто прётся в Углеград? — ответил Пётр. — Всё без фактов и похоже на детский лепет.

— А вас надо носом ткнуть в свершившийся факт? — переспросил Головин. — Так вот послушай, аналитик... Перед приездом сюда я был в Северной Америке, штат Пенсильвания, город Централия. Город... От этого города ничего не осталось, проживает там всего несколько человек — всякие полные отморозки и сумасшедшие. Когда-то в нём жила тысяча человек и все были счастливы. Дело в том, что в недрах, расположенных под поселением, уже больше сотни лет бушует пожар, распространившийся по заброшенным угольным шахтам. Причины возгорания не установлены до сих пор. Но по одной из версий, его устроили сами пожарные, когда хотели сжечь мусор в одной из шахт. Подождли, он стал распространяться, они всё оставили и ушли домой — спать. И никто никому ничего не говорил... С тех пор в городе стало невозможно жить, людей мучил выделяющийся угарный газ и земля под ногами периодически проваливалась. Так вот, сверху ничего не было видно. И люди стали просто уезжать из этого городка. Уехали почти все. Главное, никто не хотел поверить, что вина на нём.

Пётр внимательно выслушал рассказ и спросил, уже более мягко:

— Так что за помощь?

— Я, конечно, могу и сам справиться, — сказал Иван. — Но, чёрт меня подери, ведь это ваш город! Почему вы не хотите осознать всю полноту опасности?

— А власти на что? Милиция, безопасность, руководство города. Они не в курсе?

— Они в курсе, а что толку? В “Централи” тоже все были в курсе! В общем, помощь твоя будет минимальной, мне везде нужны свои глаза. Она может заключаться только в том, чтобы после смены позвонить мне или прийти и рассказать про необычное, непривычное, выходящее из рамок нормального человека, которое случится за смену. Вот и всё.



— Опасность, опасность, — пробурчал Пётр недовольно. — О чём вы всё время долдоните?

— Кто это “мы”? Я больше никого здесь не вижу.

— Вы с Пашкой. Он тоже мне приседал на уши: город закрякут. Какая ерунда!

— Кроме письма тебе, — сказал Иван, — Паша оставил письмо мне. Досмотри до конца.

— Свои письма оставь себе.

— Нет, посмотри, больше понимать начнёшь. Кругозор расширится. Очень рекомендую.

Пётр ушёл смотреть и вернулся ещё более мрачным.

— Это тоже мало что доказывает. Пашка — писатель, — иронически сказал он.

— Писательское ремесло, — в тон ему повторил Головин, — помогало ему издавать книги и получать за них деньги. Вот ты напишешь книгу, как думаешь, её издадут? Молчишь? Потому что издать ты сможешь только за свой счёт. А Паша на этом зарабатывал. Он кормил семью, занимаясь любимым делом.

— А что ж его книги здесь все единодушно разругали?

— Потому что публика у вас сплошь тупая и неблагодарная. Углеградцы, одним словом.

— Ну, он тоже не Гоголем был, хотя гоголем смотрелся, — сказал Пётр. — Да и прорицатель из него, как видно, хреновый получился.

— Слушай, это же твой брат! — воскликнул Головин. — Он жизнь за это положил! Неужели в твоей горняцкой душе ничего никогда не шевельнётся? Ты пойми, что ему врать было незачем. Я приехал за пустяком?! Чтоб тебе стало ясно, я отказался от поездки в Альпы, я отказался от поездки в благословенную Европу, ради того чтобы лицезреть ваш горняцкий городок.

Пётр молчал. Ему вспомнился инцидент позапрошлой смены, с этим лохматым огненным шаром, истерика Юрки Куличёва.

Но решил пока промолчать.

— Ты сегодня в ночь? — спросил Иван.

— Да.

— Ты в курсе, что в забоях творится всякое, и всё-таки ходишь на работу?

— Я не просто хожу, а — каждую ночь. За ночные платят вдвое больше. Вот и суди сам, ничего я не боюсь и не страшусь, и другим не посоветую.

— Ну-ну... Так вот и давай поговорим завтра, после твоей смены. И если ничего странного за ночь не случится, пусть я буду врун и трепло. Договорились?

— Ладно.

Иван посмотрел на газеты, лежащие на журнальном столике.

— Газеты читаешь? Тебя ничего не настораживает? Аварии на ГРЭС, тени в забоях.

— Да ерунда всё это! Выдумка писак всяких.

— Другой вопрос. Ты свою семью любишь?

— Люблю, — хмуро ответил Пётр. — Но сейчас они очень далеко от меня. Так что не бреди душу моей семьёй. Она в полном порядке!

— Хорошо, понял, — ответил Иван. — Завтра, после смены. Вот номер моей “сотки”...

На том расстались.

Окончание в следующем номере.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (727) 253-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.com

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 05.04.2010 г.

Подписано к печати 30.04.2010 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 2278.

Номер набран и свёрстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.